

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

48 2021
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (390) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Крейг Вентер* (родился в 1946 году), американский генетик, биотехнолог, биохимик и предприниматель.

Крейг Вентер родился в Солт-Лейк-Сити, США. Крейг с юных лет отличался темпераментным индивидуализмом, увлекался морскими видами спорта, в молодости воевал во Вьетнаме. Получив степень бакалавра по биохимии и степень доктора в Университете Калифорнии в Сан-Диего, он стал работать в Национальном институте здравоохранения США (НИН). Там Крейг освоил методы идентификации всех мРНК, имеющихся в клетке, и начал использовать этот метод для идентификации генов человеческого мозга. Короткие фрагменты кДНК, открытые с помощью этого метода, стали называться выявленными метками последовательностей.

Крейг был президентом компании Celera Genomics, занимавшейся параллельной коммерческой версией проекта «Геном человека». В этой компании в 1999 году использовался «метод дробовика» (англ. shotgun sequencing technology), когда геном нарезается на множество коротких пересекающихся фрагментов, которые прочитываются, а затем собираются снова. Целью проекта было создание генетических баз данных и их коммерческое использование. Но под давлением Крейг Вентер был вынужден раскрыть генетические данные и включить их в проект «Геном человека». В конце концов Вентеру пришлось уйти из Celera.

Несмотря на различие мотиваций и конкуренцию, Вентер и его единомышленник Френсис Коллинз из НИН вместе объявили о составлении карты генома человека в 2000 году в присутствии президента США Билла Клинтона.

В 1992 году Вентер основал Институт геномных исследований. А в настоящее время он является президентом Института Крейга Вентера, аффилированного с Институтом геномных исследований. В 2013 году Крейг Вентер вместе с Питером Диамандисом и Робертом Харири основал частную компанию Human Longevity, которая должна была собрать крупнейшую в мире базу генетических данных людей и с помощью машинного обучения отыскать в этой базе информацию для разработки новых лекарств и способов борьбы со старением. На эти цели он получил у инвесторов 70 миллионов долларов. Два года спустя в интервью STAT Вентер говорил, что его цель — «узнать из генома все, что можно», чтобы показать, как научная информация может менять

жизни людей. К середине 2015 года компания Вентера собрала геномы 20 тысяч человек и добавляла по 3 тысячи ежемесячно; сколько геномов компания собрала к нынешнему моменту, неизвестно.

Одним из самых публичных исследований Human Longevity стала работа прошлого года, авторы которой утверждали, что могут реконструировать внешний вид человека по его ДНК. Работа вызвала в научном сообществе дискуссию об этичности доступа к генетической информации и о допустимости ее коммерческого использования.

Со временем, однако, компания Вентера стала позиционироваться скорее как сверхдорогая медицинская клиника, где можно было пройти медицинский осмотр за 25 тысяч долларов (после которого пациент получает приложение для iPad со всей информацией о себе) или полный анализ ДНК за 1400 долларов. Эксперты, опрошенные STAT и другими медицинскими изданиями, сомневаются, что тесты Human Longevity могут принести какую-то пользу здоровым людям, а некоторые из них пока не одобрены Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) для клинического применения. Среди нынешних и потенциальных клиентов, данные о которых якобы украл Вентер, есть «голливудские актеры и актрисы, руководители компаний, владельцы команд Лиги американского футбола NFL, филантропы и политики».

Находясь всегда на острие научных прорывов и околонаучных скандалов, Крейг сейчас пытается запатентовать первый в истории человечества метод синтеза живого организма. Этот организм, по замыслу создателей, будет содержать в своем геноме минимально возможный набор генов. В 2010 году учёный представил миру простейший биосинтетический организм, способный к размножению. Первый в мире искусственный организм (синтетическая бактерия) получил имя Синтия (англ. Synthia).

С исторической точки зрения, Крейг — последователь синтетической биологии, начало которой представляют собой работы над созданием гомункулуса, затем синтез квазиклеточных мезоструктур с середины XIX века до 1930-х годов. Он, вероятно, один из самых знаменитых в мире генетиков, который дважды попадал в список ста самых влиятельных людей мира по версии журнала Time.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдуллаев Б. Ж.

Применение к субъектам предпринимательства мер правового воздействия по законодательству Республики Узбекистан 155

Абдураимова Р. А.

Проблемные вопросы определения малозначительности административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц 158

Абдураимова Р. А.

Проблематика определения понятия «длежащие правонарушения» для привлечения юридических лиц к административной ответственности за их совершение 161

Адамова О. Ф.

Виды неустойки и их характеристика 164

Амицба Л. Р., Сметанина И. Е., Косолапова А. В., Северюхин А. А.

Права личности и оперативно-розыскная деятельность 167

Артёмова А. А., Панькина И. Ю.

Особенности административной ответственности за правонарушения в области налогообложения 171

Архипов С. Б.

Медиация как альтернатива устоявшейся системе разрешения споров 173

Багаутдинова А. Р., Коннова Е. А.

Проблемы осуществления несовершеннолетними права на предпринимательскую деятельность 175

Базарнова Т. В.

Имущество муниципальных образований как показатель финансово-экономической самостоятельности 178

Белкин Е. Д.

Проблемы выплаты алиментов несовершеннолетними родителями 180

Бикулова А. Р., Захарова А. Э.

Особенности правового статуса квалифицированного инвестора 182

Бирюкова Т. П., Подоляк И. Р.

Проблемы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием кредитных и расчетных карт 183

Бирюкова Т. П., Подоляк И. Р.

Проблемы в расследовании преступлений, совершаемых с использованием кредитных и расчетных карт 185

Богатыренко К. А.

Судебное нормотворчество в Российской Федерации 186

Богданов Д. А.

К вопросу о лице, находящемся в беспомощном состоянии, как потерпевшем в случае его склонения к самоубийству 188

Бойкова А. В., Захарова А. Э.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере медицины 190

Борисова А. М., Александрова Л. В.

Проблемные вопросы иммунитета единственного жилья должника при проведении процедуры банкротства 192

Бровкин В. В.

К вопросу о международно-правовом регулировании банковской деятельности и его влиянии на банковскую сферу РФ 195

Варлыгина В. Г.

Эффект Греты, или Неизбежная экологизация правосознания нового поколения: самураи с целью 198

Васин М. В. Проблемы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в Российской Федерации.....	200
Васин М. В. Проблемы борьбы с коррупционной преступностью в Российской Федерации	202
Вейнберг Л. Ю. Проблемы квалификации похищения человека как преступления, посягающего на свободу личности.....	204
Власенко В. Э. Кибератаки: как государства реагируют на инциденты, затрагивающие кибербезопасность информационных систем на современном этапе международного информационного права.....	208
Герасимова Т. С., Сарсенкова Д. Н., Захарова А. Э. Субъекты рыночной экономики	211
Головкина Ю. А. Правовые аспекты организации и проведения государственного надзора в области охраны окружающей среды	214
Горскова Т. Н. Некоторые вопросы применения экспертизы о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства	216
Грибачева И. С. Зарубежный опыт правового регулирования отношений по купле-продаже	219
Гурская А. А. Понятие нетипичного работодателя: трудовой и гражданско-правовой аспект.....	222
Девяткова А. Л. Обеспечение прав человека посредством деятельности ГИБДД МВД России	223
Жернова А. В. Добровольный отказ от преступления: признаки и их характеристика	226
Жукова Е. О. Правовое регулирование обращения взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина в зарубежном законодательстве .	228
Задирако М. А. Порядок утверждения положения о реализации имущества должника	231
Захарова А. Э., Каналиева Д. У. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации	233

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Применение к субъектам предпринимательства мер правового воздействия по законодательству Республики Узбекистан

Абдуллаев Боймурод Жураевич, базовый докторант
Высшая школа судей при Высшем судебном совете Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан)

В статье рассматриваются вопросы применения к субъектам предпринимательства мер правового воздействия. В рамках работы анализируются понятия мер правового воздействия, концепция финансовых санкций, функции санкций, основания для применения финансовых санкций, применение мер правового воздействия на основании Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан. Автор приходит к выводу о том, что концепция экономических санкций несовместима с понятием имущественных санкций в гражданском праве, поскольку многие санкции, которые могут применяться или не применяться в деловых отношениях, не подпадают под действие имущественных санкций. Обосновывается, что защита, возмещение, наложение штрафа, восстановление являются основными функциями санкций, а основанием для их применения является наличие правонарушений (противоправный характер деятельности, неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств по договору). Автор отмечает, что прекращение деятельности, приостановление деятельности, приостановление операций по счетам в банках, применение финансовых санкций, обращение в доход государства предметов правонарушений являются основными мерами правового воздействия, которые могут быть применены к субъектам предпринимательства.

Ключевые слова: меры правового воздействия, санкции, предприниматель, прекращение деятельности, ограничение деятельности, финансовые санкции, обращение в доход государства

Меры правового воздействия, применяемые к субъектам предпринимательства, — это, прежде всего, средство обеспечения верховенства закона. Однако государственное регулирование правового регулирования — неотъемлемая часть эффективности. Первоочередная задача государства — ограничить социально негативные воздействия: несоблюдение норм и правил субъектами предпринимательства, невыполнение обязательств, нарушение закона.

Правовой основой ответственности в сфере предпринимательской деятельности является правонарушение, то есть ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств перед контрагентом, ответственность по договору (неисполнение обязательств по передаче товара, выполнению работ, оказанию услуг). Нарушение порядка ведения бизнеса — это внедоговорная ответственность (применение финансовых штрафов, приостановление или прекращение деятельности субъекта предпринимательства) [1].

В силу своего экономического характера меры ответственности, применяемые в деловых отношениях, можно охарактеризовать как экономические санкции. Вместе с тем, это меры государственного принуждения, предусмотренные законодательством, т. е. они носят правовой

характер. Экономическое содержание этих санкций — влияние на экономические интересы участников экономических отношений. С другой стороны, экономические санкции, такие как компенсация, можно рассматривать как форму защиты экономических прав и интересов, предусмотренных системой правового регулирования предпринимательской деятельности [2].

Концепция экономических санкций несовместима с понятием имущественных санкций в гражданском праве, поскольку многие санкции, которые могут применяться или не применяться в деловых отношениях, не подпадают под действие имущественных санкций.

Цели юридической ответственности отражены в ее функциях. Помимо определения функций, присущих юридической ответственности в сфере деловых отношений, следует иметь в виду, что предпринимательская деятельность в первую очередь связана с материальным производством, использованием имущества для изготовления (реализации) товаров [3].

Функции санкции заключаются в следующем: 1) защита — применение незамедлительных мер в отношении нарушившего закон субъекта предпринимательства, выступающих в качестве средства поддержания правопорядка в отношении него и побуждения его к прекращению

противоправных действий; 2) возмещение — возмещение вреда, причиненного субъекту предпринимательства в результате ненадлежащего исполнения другой стороной своих обязательств; 3) наложение штрафа, то есть наказание субъекта предпринимательства, совершившего правонарушение; 4) восстановительный, т. е. возврат нарушенного объекта в прежнее состояние.

Таким образом, санкции являются средством наложения немедленных взысканий на субъект предпринимательства, который нарушает закон, действуя как средство поддержания правопорядка, а также как средство прекращения действий нарушителя и компенсации причиненного вреда.

Санкции могут устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами. Санкции также делятся на судебные и административные по порядку их применения.

В соответствии со статьей 40¹ Закона Республики Узбекистан «О гарантиях свободы предпринимательской деятельности» в случаях, предусмотренных законом, в отношении субъектов предпринимательства принимаются меры по ограничению их деятельности.

На практике основанием для применения правовых санкций является правонарушение [4]. Концепция оснований для применения юридических санкций является широкой, она основана на обязательных общих «требованиях», установленных законом, которые являются основанием для применения конкретных юридических санкций.

Очевидно, что в каждом случае применение соответствующего средства правовой защиты вызвано определенными обстоятельствами, такими как неисполнение обязательств, совершенных субъектом предпринимательства.

Таким образом, наличие нарушения является обязательным условием применения правовых санкций.

Необходимым условием применения правовых санкций является наличие вины. Вина определяется как противоправное действие или бездействие предпринимателя-физического лица и его отношение к возникшим незаконным последствиям [5].

Что касается вины юридического лица, то она может выражаться в виновных действиях работника, связанных с выполнением трудовых функций. Если виновное деяние было совершено не по вине отдельного работника, ответственность за него несут различные подразделения юридического лица. Однако в любом случае вина юридического лица — это вина не отдельного лица, а всего сообщества, поскольку возложение юридическим лицом полной или частичной компенсации на виновного физического лица ничего по существу не меняет.

Статья 217 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан предусматривает некоторые меры правового воздействия, которые также могут быть применены к субъектам предпринимательства.

1. Прекращение деятельности

Прекращение хозяйственной деятельности является мерой правового воздействия на субъекты предприни-

мательства. При этом следует отметить, что прекращение деятельности субъекта предпринимательства — юридического лица может быть осуществлено путем ликвидации или реорганизации (слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования).

Ликвидация юридического лица возникает из гражданско-правовых отношений, и дело рассматривается в судебном порядке [6]. Данное правило распространяется на юридических лиц, не осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность и не образующих установленный законом уставный фонд. Следовательно, эта ответственность не рассматривается как мера или санкция.

При прекращении деятельности субъект предпринимательства может заниматься иной деятельностью, кроме прекращенной по решению суда, а при ликвидации юридического лица его деятельность прекращается полностью.

Прекращение деятельности субъекта предпринимательства является мерой юридической силы, которая может применяться в случае осуществления деятельности без разрешения (лицензии) или осуществления деятельности, запрещенной законом, а также в других случаях, предусмотренных законом. Другими словами, деятельность субъекта предпринимательства осуществляется только на основаниях, предусмотренных законом.

Следует отметить, что ликвидация хозяйствующего субъекта — юридического лица — это трудоемкий этап: назначение ликвидационной комиссии, регистрация имущества, публикация соответствующего сообщения в СМИ, удовлетворение требований кредиторов.

Деятельность индивидуального предпринимателя, допустившего грубые нарушения, также может быть прекращена только в судебном порядке. Деятельность индивидуального предпринимателя может быть прекращена также на основании обвинительного приговора суда о лишении права занятия предпринимательской деятельностью [7].

Согласно статье 45 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, лишение лица определенного права является запретом обвиняемому заниматься какой-либо деятельностью в течение срока, установленного судом. Вид такой деятельности указывается судом в обвинительном приговоре.

2. Ограничение, приостановление и запрещение деятельности

Ограничение, приостановление и запрещение деятельности — мера правового воздействия, применяемая в случае нарушения субъектом предпринимательства требований нормативно-правовых актов. Приостановление деятельности субъекта предпринимательства означает неспособность субъекта предпринимательства осуществлять свою деятельность до устранения определенных обстоятельств (устранения правонарушения).

Приостановление деятельности означает, что субъект предпринимательства не превышает установленных судом ограничений при осуществлении своей деятельности.

При применении меры правового воздействия в виде запрета на деятельность субъекту предпринимательства запрещается заниматься определенным видом деятельности.

3. Приостановление операций по счетам в банках

Приостановление операций по банковским счетам — мера правового воздействия, применяемая в отношении субъектов предпринимательства в целях обеспечения исполнения требований должностных лиц в случае несоблюдения установленных законом обязанностей. Приостановление операций по банковским счетам предпринимателя осуществляется только на основании решения суда, за исключением случаев выявления отмыывания денег и финансирования терроризма.

В случаях, предусмотренных законом, государственные органы вправе обратиться в суд с заявлением о приостановлении операций по банковским счетам.

4. Применение финансовых санкций

К финансово-правовым санкциям относятся санкции, направленные на взыскание с субъектов предпринимательства денег за неисполнение обязательств по уплате налогов и других обязательных платежей в бюджет и внебюджетные фонды.

Другими словами, финансовые и правовые санкции — это принудительные меры государства, уплачиваемые в бюджет в денежной форме компетентным государственным органам и их должностным лицам налогоплательщиками (юридическим и физическим лицам) в порядке, установленном административными и финансовыми нормами.

Штрафы влекут за собой неблагоприятные последствия для субъектов предпринимательства за нарушение соответствующих требований нормативных актов.

Заявление о наложении финансовой санкции может быть подано в суд надзорным органом, уполномоченным налагать финансовую санкцию в соответствии с законодательством. К таким органам относятся государственная налоговая инспекция, государственный таможенный комитет, антимонопольный орган и их территориальные органы и другие.

К заявлению о применении финансовых санкций прилагаются следующие документы:

— документы, на основании которых проводится проверка (решение специально уполномоченного органа, ко-

ординирующего деятельность контролирующих органов);

— постановление следственных органов, если расследование проводится в рамках уголовного дела;

— порядок проверки;

— план проверки;

— акт или другие приложенные к нему документы по результатам проверки;

— протокол и решение о рассмотрении материалов проверки, если их подготовка и принятие предусмотрены законом;

— доказательства передачи или отправки копии решения ответчику.

5. Обращение в доход государства предметов правонарушений

Вопрос о передаче предметов правонарушения в доход государства решается судом, рассматривающим дело о правонарушении. Предметы правонарушения могут быть переданы в доход государства только в случаях, предусмотренных законом.

Таким образом, изучив вопрос применения в отношении субъектов предпринимательства мер правового воздействия были разработаны следующие выводы:

1. Концепция экономических санкций несовместима с понятием имущественных санкций в гражданском праве, поскольку многие санкции, которые могут применяться или не применяться в деловых отношениях, не подпадают под действие имущественных санкций;

2. Функции санкции заключаются в следующем: защита; возмещение; наложение штрафа; восстановление;

3. Наличие нарушения (противоправный характер деятельности, неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств по договору) является обязательным условием применения правовых санкций;

4. Не все меры правового воздействия, предусмотренные в статье 217 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан могут быть применены к субъектам предпринимательства. Среди них применению подлежат: прекращение деятельности; приостановление деятельности; приостановление операций по счетам в банках; применение финансовых санкций; обращение в доход государства предметов правонарушений.

Литература:

1. Тадбиркорлар учун маъмурий тартиб-қоидалар тўғрисида брошюра/Ғ. Хидоятлов, Х. Мелиев, Ш. Саидов ва бошқ. — Т.: «Sharq», 2011. — 176 б.
2. З. Эсанова Фуқаролик суд ишларини юритишда процессуал мажбурият чоралари: асослари, тартиби, бу соҳадаги янгилıklar // Review of law sciences. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fu-arolik-sud-ishlarini-yuritishda-protsessual-mazhburlov-choralari-asoslari-tartibi-bu-so-adagi-yangiliklar> (дата обращения: 26.11.2021).
3. Mamayusufovna, S.I. Review of the procedural norms about the jurisdiction of economic cases in the economic procedural legislation of the Republic of Uzbekistan // Вестник науки и образования. — 2018. — №. 15-1 (51).
4. Д. Хабибуллаев. Некоторые вопросы совершенствования гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан // Review of law sciences. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sovershenstvovaniya-grazhdanskogo-protsessualnogo-kodeksa-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 26.11.2021).

5. Salimova, I.M. Executive document-an independent procedural act of enforcement proceedings // Юридический факт. — 2019. — №. 70. — с. 23-25.
6. Д. Хабибуллаев. Вопросы совершенствования сроков сдачи к исполнению исполнительной документации // Review of law sciences. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sovershenstvovaniya-srokov-sdachi-k-ispolneniyu-ispolnitelnoy-dokumentatsii> (дата обращения: 26.11.2021).
7. Shavkatovich, P.O. The procedural aspects of electronic evidence in civil litigation: experience of Uzbekistan // PalArch»s Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. — 2020. — Т. 17. — №. 7. — с. 9192-9199.

Проблемные вопросы определения малозначительности административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц

Абдураимова Ремзие Адткеримовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шорников Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Актуальность темы исследования, которая заключается в определении проблематики правового определения категории малозначительности административного правонарушения, обуславливается тем фактом, что малозначительность административного преступления является очень важной юридической категорией, за которой признается альтернативная административной ответственности роль. Последняя выражается в оказании альтернативного воздействия на правонарушителя.

Цель научной статьи — определить проблемные вопросы теории и практики определения малозначительности административных правонарушений, в том числе, совершенных юридическими лицами.

Ключевые слова: административное правонарушение, юридические лица, малозначительность, юриспруденция, административное законодательство.

В Российской Федерации арбитражные суды могут рассматривать две категории дел об административных правонарушениях. Такими являются дела о привлечении к административной ответственности и дела об оспаривании постановлений государственных органов о привлечении к административной ответственности.

Порядок рассмотрения выше указанных дел регламентируется главой 25 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Учитывая специфику таких дел, в ходе судебного разбирательства должны быть задействованы процессуальные положения Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, отсылка к которым указана в статьях Арбитражного процессуального кодекса.

Нормы арбитражного процессуального права определяют предмет доказывания и судебного исследования в отношении указанной категории дел. Так, часть 6 статьи 205 Арбитражного процессуального кодекса устанавливает, что в ходе рассмотрения дела о привлечении к административной ответственности суд должен проверять наличие события административного правонарушения, факта его совершения ответчиком, оснований для составления протокола об административном правонарушении, полномочий административного органа на составление протокола, наличие в административном законодательстве положений об административной ответственности за совершение того или иного деяния, а также оснований

для привлечения ответчика к административной ответственности.

В соответствии с положениями части 6 статьи 210 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в ходе рассмотрения дела об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности арбитражные суд должен установить законность и обоснованность оспариваемого решения, установить наличие соответствующих полномочий административного органа, принявшего оспариваемое решение. Более того, суд должен определить, имелись ли законные основания для привлечения того или иного лица к административной ответственности, был ли соблюден установленный порядок привлечения к ответственности, не истекли ли сроки давности, а также иные обстоятельства, которые имеют прямое отношение к делу по существу. Отметим, что в Арбитражном процессуальном кодексе [2] указана последовательность проверки перечисленных обстоятельств. Это обуславливается закрепленными в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации основаниями для отказа в привлечении к административной ответственности, которые определяют как обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении. Общий перечень такого рода обстоятельств представлен в статье 24.5 Кодекса об административных правонарушениях.

Таким образом, первоочередно необходимо установить наличие событий и всех элементов состава правонарушения. В том случае, когда в действиях предполагаемого нарушителя выявлены формальные условия для наступления ответственности, суд должен оценить их, выявить смягчающие и отягчающие обстоятельства, а после — решить вопрос о мере наказания, соответствующей серьезности нарушения. Например, в ходе рассмотрения дела арбитражный суд должен следовать положениям пункта 3 части 1 статьи 30.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, в которых указано, что дополнительным обстоятельством, исключающим привлечения к административной ответственности, является малозначительность административного правонарушения, что указано в статье 2.9 Кодекса об административных правонарушениях. В таком случае можно ограничиться только устным замечанием [4, с. 7].

Можно предположить, что данная формулировка является слишком общей и недоскональной. Дело в том, что в действующем законодательстве нет точных критериев малозначительности. Это приводит к тому, что административно-юрисдикционные органы вправе определять их «малозначительность» в каждом случае самостоятельно и индивидуально. Конечно, с одной стороны такое обстоятельство позволяет учитывать характерные особенности каждого в отдельности взятого дела. С другой же стороны — норма о малозначительности в некоторых случаях применяется необоснованно, а значит, правонарушители могут избежать заслуженного наказания. При этом, необходимо справедливо отметить, что высшие суды неоднократно предприняли попытки определения критериев малозначительности административного правонарушения.

Исследователи в области юриспруденции полагают, что малозначительность административного правонарушения тесным образом связывается с конструкцией его состава. Косвенно на данный факт указывают позиции высших судов, которые выражают утверждение о необходимости учитывать все обстоятельства административно-наказуемого деяния. Более того, указание на оценку степени причиненного вреда свидетельствует о том, что решающее значение для квалификации малозначительности деяния имеют признаки объективной стороны правонарушения.

Целесообразно отметить, что имеется и более ограниченное толкование статьи 2.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Согласно этому толкованию малозначительность может быть оценена исключительно в отношении составов административных правонарушений, которые предполагают в качестве обязательного признака наступление конкретных последствий правонарушений. Такими являются, так называемые, «материальные» составы [8, с. 18].

Совершение же правонарушений с формальным составом, довольно часто, вообще не предусматривают причинение материального вреда тем или иным лицам. В данном случае следует говорить о нарушении порядка государственного управления в той или иной сфере.

Так, можно сказать, что отсутствие последствий в качестве обязательного признака состава правонарушения само по себе не может означать отсутствие последствий вовсе. В этой связи существует два подхода. Сторонники первого подхода придерживаются того утверждения, что последствием правонарушения с «формальным» составом является дезорганизация режима правового регулирования. В соответствии же со вторым подходом, правонарушения с «формальным» составом подразумевают последствия в виде реального ущерба охраняемым законам благам. Другими словами, законодатель предполагает такой ущерб или угрозу его наступления в силу одного лишь факта совершения деяния [4, с. 8].

Следуя социально-правовому подходу к понятиям «формального» состава, правонарушение в своей социально-правовой сущности представляет собой деяние, которое запрещено законом под угрозой наказаний, так как оно может привести либо к ущербу благ, охраняемых законом, либо к возникновению угрозы такого ущерба [7, с. 210].

Какое бы то ни было, положение законодательства, включая законодательство об ответственности за публичные правонарушения, представляет собой инструмент, направленный не только на охрану самого себя и иных положений законодательства, но и на определенные цели, блага, ценности, нравственные либо имущественные, общечеловеческие, общественные либо частные, которым может быть нанесен реальный ущерб.

В соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться федеральным законодательством, но только в той мере, которая является необходимой для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов иных лиц, а также обеспечения обороны и безопасности государства. Такое положение отражены в пункте 2 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В пункте 3 этой же статьи предусматривается ограничение гражданского оборота, в том числе в целях охраны природы и культурных ценностей, что обуславливается требованиями статьи 42, частями 2 и 3 статьи 44, а также статьи 58 Конституции Российской Федерации.

В том случае, когда административно-юрисдикционные органы имеют дело с формальными составами административных правонарушений, им необходимо оценить не размер реального ущерба в качестве результата деяния, а именно вредоносность противоправного деяния, составляющего объективную сторону правонарушения.

На основании выше изложенного можно сделать вывод, что минимальная вероятность применения малозначительности связывается с такими наказаниями, как административный арест, административное выдворение, дисквалификация и административное приостановление деятельности [5, с. 164].

Важно подчеркнуть, что квалификация правонарушения в качестве малозначительного не может ограничи-

ваться исключительного оценкой объективных признаков его состава. Состав административного правонарушения представляется идеальной моделью противоправного наказуемого деяния.

Считаем, также, важным обозначить, что, хоть решающее значение для применения нормы статьи 2.9 Кодекса об административных правонарушениях [1] отводится объективной стороне правонарушения, субъективные элементы правонарушения все же необходимо учитывать. Однако, выявить субъективные обстоятельства без соответствующей характеристики качеств субъекта правонарушения практически невозможно. В противном случае сущность малозначительности лишается своего поощрительного характера.

В целом, также, можно сказать, что при исследовании вопросам о малозначительно административного правонарушения рассматриваются не только последствия, но и степень ущерба, которая охватывается виной лица, в отношении которого ведется производства.

Говоря о конкретном практическом опыте в судебной практике о привлечении юридических лиц к административной ответственности, которые склоняются к малозначительности своего деяния, считаем целесообразным привести пример, в котором суд, отказывая в удовлетворении требований юридического лица к Межрегиональному управлению Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по федеральному округу о признании незаконным и отмене постановления по делу об административном правонарушении по статье 15.13 Кодекса об административных правонарушениях, пояснил, что состав данной статьи является формальным и предполагает нарушение требований законодательства, которые предъявляются к декларированию этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Такого рода производство является специальным видом деятельности. То есть несоблюдение требований законодательства в этой сфере может повлечь за собой причинение значительного вреда общественным интересам, включая и причину невозможности осуществления надлежащего государственного контроля. Как итог, такой состав не может быть отнесен к разряду «малозначительных» правонарушений. А значит, данное юридическое лицо не может быть освобождено от административной ответственности и должно понести административное наказание.

Анализ арбитражных дел, которые были предметом разбирательства суда кассационной инстанции, позволили провести обзор судебной практики и выделить некоторые основные положения относительно возможности или невозможности отнесения административных правонарушений, совершенных юридическими лицами, к числу малозначительных. Так, было определено следующее:

1) тяжелое финансовое состояние юридического лица не может служить основанием для применения малозначительности правонарушения по невыполнению требований по защите и охране источников водоснабжения и водопроводов питьевого назначения;

2) малозначительность — это оценочная категория, которая требует установления фактических обстоятельств, относящихся к рассмотрению спора по существу;

3) добровольное устранение некоторой части выявленных нарушений со стороны административного органа, а также имущественное положение юридического лица в отношении обстоятельств правонарушения, не являются подтверждением малозначительности правонарушения;

4) пропущенный арбитражным управляющим небольшой срок для публикации сведений о прекращении производства по делу о банкротстве, учитывая характер обстоятельств совершенного правонарушения, может квалифицироваться как малозначительное правонарушение;

5) небольшой пропуск срока представления отчетности, при условии отсутствия реальной угрозы охраняемым общественным отношениям, причинения вреда интересам населения, общества и государства, а также при условии отсутствия повторного привлечения к административной ответственности юридического лица за совершенное деяние, может расцениваться как малозначительное деяние [5, с. 165].

Необходимо отметить, что отмеченные выводы являются далеко не единственными. Однако, рассмотреть все особые обстоятельства в данном вопросе в рамках представленного исследования не представляется возможным и целесообразным. Главное, что в ходе анализа и обзора судебной практики по вопросу отнесения административных правонарушений, совершенных юридическими лицами, к числу малозначительных было определено, так это то, что при решении данного вопроса, в первую очередь, необходимо учитывать отрасль, в которой такое юридическое лицо осуществляет свою деятельность, и возможность причинения вреда (то есть наличие угрозы нанесения общественного вреда). То есть, например, если юридические лица заняты в области оборота этилового спирта, охраны окружающей среды, пожарной безопасности, фармацевтической деятельности, изготовления и оборота оружия и других, либо если они совершили правонарушения в такого рода областях, то их деяния не могут быть расценены как малозначительные. Следовательно, такие юридические лица должны быть привлечены к административной ответственности и подвергнуты административному наказанию [3, с. 638].

В завершении рассматриваемого вопроса отметим, что все административные правонарушения, с учетом их характера и степень общественной опасности, не исключают возможности применения норм статьи 2.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации при определенных фактических обстоятельствах [1]. Существование такого подхода оправдывается, в первую очередь, тем, что жизнь людей представляется куда более разнообразнее и сложнее, нежели закон, в то время, как принципы юридической от-

ветственности во всех случаях применения права должны быть надлежащим образом реализованы.

Таким образом, учитывая отсутствие понятия «малозначительность» в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации, наличие различных подходов к его пониманию, различных его толкований в Постановлениях Высших Судов Российской Федерации, а также неоднозначность в правоприменительной деятельности, считаем целесообразным ликвидировать данный институт в рамках Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1]. Данную меру считаем оправданной, так как наличие такого института позволяет применять большое количество

оценочных элементов, вносит разногласия в судебную практику, в особенности в арбитражной системе [6, с. 90].

Другим вариантом решения проблематики может стать редакция статьи 2.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в следующем виде: «Малозначительность правонарушения определяется с учетом конкретных обстоятельств совершения правонарушения. Может быть признана, только при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям и интересам, вне зависимости от наступления общественно опасных последствий». Считаем, следование одному из двух предложенных вариантов позволит решить исследуемую проблему.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Балакина, К. Р. О проблеме малозначительности административных правонарушений // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 4 (55). с. 636-639.
4. Барахоева, А. Р. К вопросу о содержании и критериях малозначительности административных правонарушений // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 4 (16). с. 3-9.
5. Козицына, Н. А. Понятие малозначительности правонарушения как проблема административного права // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). с. 164-166.
6. Лиховенков, С. И. К вопросу о малозначительности административного правонарушения в отношении иностранных граждан // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ. 2021. с. 88-91.
7. Маганкова, А. А., Ренц А. Б. Категория малозначительности в свете новелл, предлагаемых новым проектом КРФ об административных правонарушениях // Modern Science. 2021. № 3-2. с. 209-215.
8. Мохов, А. Ю. К вопросу о понятии и критериях малозначительности административного правонарушения // Актуальные проблемы правоведения. 2021. № 3 (71). с. 13-20.

Проблематика определения понятия «длящиеся правонарушения» для привлечения юридических лиц к административной ответственности за их совершение

Абдураимова Ремзие Адткеримовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шорников Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрены основные подходы к определению понятия «длящиеся правонарушения» и проанализирована судебная практика о привлечении юридических лиц к административной ответственности за длящиеся правонарушения.

Ключевые слова: административные правонарушения, длящиеся правонарушения, юридические лица, административная ответственность.

Актуальность рассмотрения проблематики определения длящихся правонарушений обуславливается тем фактом, что суды часто используют такое понятие для отграничения длящихся правонарушений от про-

должаемых. В случае не только с физическими, но и юридическими лицами это имеет очень важное значение, поскольку правильное определение и правильная классификация того или иного правонарушения позволяет пра-

вомерно привлечь виновное лицо к административной ответственности и назначить ему административное наказание.

Цель научной статьи — проанализировать имеющуюся на сегодняшний день проблематику определения «длящиеся правонарушения» при привлечении юридических лиц к административной ответственности за их совершение и определить трудности, возникающие в практической деятельности.

В административном законодательстве Российской Федерации насчитывается большое множество неразрешенных вопросов, требующих доработки и совершенствования. Одной из таких проблем является вопрос о применении в практической деятельности термина «длящиеся правонарушения». И это несмотря на то, что применение такого понятия предусматривается частью 2 статьи 4.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Дело в том, что отсутствие однозначного толкования такого понятия обуславливает появление большого количества судебных постановлений, вынесенных Высшим Арбитражным судом Российской Федерации и Верховным судом Российской Федерации. Назначение же таких постановлений заключается в исправлении ошибок в вопросе толкования норм закона нижестоящими судами.

Сложившееся положение вещей приводит к увеличению нагрузки на системы. Более того, это обуславливает появление прецедента, так как не установление на законодательном уровне четкого определения понятия «длящиеся правонарушения» понуждает российские суды разрабатывать в рамках отдельно взятых дел подход к возможности отнесения правонарушения в той или иной области к категории «длящиеся» [6, с. 20].

Так, становится очевидным, что четкое определение признаков «длящихся правонарушений» имеет важное практическое значение. Это можно объяснить и тем фактом, что статья 4.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации определяет срок привлечения к административной ответственности, который начинается свой отсчет со дня совершения нарушения и длится два месяца. В некоторых случаях, когда речь идет об определенных составах правонарушений, срок привлечения к административной ответственности может составлять один год. Однако, это общее правило. В случае же с длящимися правонарушениями срок привлечения к административной ответственности начинается свой отсчет со дня его обнаружения, а не совершения.

В сущности, необходимо отметить, что само по себе понятие «длящиеся правонарушения», которое используется в ходе квалификации какого-либо административного правонарушения, основывается на теоретических разработках и судебной практике, которые заимствованы из уголовного права и адаптированы к реалиям правоотношений, относящихся к сфере административного регулирования. Однако, стоит заметить, что, если в уго-

ловном праве теоретические аспекты применения понятия «длящиеся» в отношении составов преступлений достаточно разработаны и применяются в судебной практике, то с административными правонарушениями и применением такого термина ситуация складывается не так просто.

Таким образом, становится необходимым выделить те виды правонарушений, которые вместе с длящимися правонарушениями в качестве квалифицирующего признака имеют характеристику продолжительности. Так, к такого рода правонарушениям в первую очередь, необходимо отнести продолжаемые правонарушения [5, с. 85].

Если говорить о критериях, которые позволяют отнести то или иное правонарушение к категории «длящиеся» или «продолжительное», то можно предположить, что такими должны стать следующие:

- наличие множественности дискретных во времени эпизодов;
- возможность совершения правонарушения в форме действия либо бездействия;
- вина может быть выражена в форме умысла либо неосторожности;
- эпизоды совершения правонарушения должны иметь совпадающие существенные признаки.

Так, дискретность правонарушений, которые обладают совпадающими существенными признаками, подразумевает разграничение продолжаемого и повторного правонарушений. Повторность административных правонарушений, в свою очередь, предусматривается целым рядом статей Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и предполагает совершение один и тем же субъектом однородного правонарушения, за которое этот субъект уже был привлечен к административной ответственности и понес административное наказание. Центральное место в таком случае отводится состоянию административной наказанности. Такой квалифицирующий признак является обстоятельством, которое отягчает ответственность, и влечет за собой применение более строгого административного наказания.

Следуя положениям статьи 4.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, лицо, которому назначается административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым такому наказанию на протяжении одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания.

Так, можно сделать промежуточный вывод, что именно состояние наказанности служит критерием отграничения повторного правонарушения от продолжаемого. Более того, для последнего свойственно отсутствие на момент его выявления состояния наказанности за эпизоды, относящиеся к продолжаемому правонарушению.

В рамках рассматриваемого вопроса важно обозначить, что статья 4.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации не исключает вероятности повторного совершения продолжаемого правонарушения.

Чтобы сущность длящегося правонарушения была более прозрачной, необходимо определить сроки его начала, обнаружения, окончания и прекращения. Так, началом длящегося правонарушения считается, как правило, то или иное действие/бездействие, которое имеет в основе умысел либо неосторожность. Важно принимать во внимание особенности конструкции административных составов, где большая часть признаков закрепляется не охранительными нормами Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, а регулятивными нормами права различных отраслей российского законодательства. В этой связи обоснованной можно считать подход, когда под сроком, являющимся квалифицирующим признаком правонарушения, подразумевается установление законодателем календарной даты либо периода времени, позволяющего определить такую календарную дату [4, с. 130].

Для вопросов судебной практики момент обнаружения длящегося правонарушения также является весьма актуальным. Это объясняется тем фактом, что в соответствии с частью 2 статьи 4.5 Кодекса об административных правонарушениях именно этот момент является точкой отсчета срока давности для привлечения субъекта правонарушения к административной ответственности. Так, например, в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 5 указано, что днем обнаружения длящегося административного правонарушения должен считаться день, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выявило факт его совершения. В это же время, буквальное и четкое следование такому определению на практике недостаточно согласовывается с порядком возбуждения дела об административном правонарушении. Дело в том, что в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 28.1 Кодекса об административных правонарушениях [1] возбуждение дела связывается с получением достаточных сведений, указывающих на наличие события административного правонарушения. На момент же составления протокола об административном правонарушении уполномоченное лицо может не обладать всеми необходимыми документальными подтверждениями. Время, которое потребуется для их сбора, может превышать срок давности, что приведет к отказу в возбуждении дела об административном правонарушении по истечении срока давности. Такого рода ситуации возникают, к примеру, когда назначается по материалам проверки соответствующая экспертиза. При этом, так и не остается урегулированным вопрос, какого рода действия необходимо предпринимать при назначении экспертизы, ведь акт и протокол должны быть составлены только после получения результатов ее проведения.

Моментом окончания длящегося правонарушения считается наступление хотя бы одного из следующих событий:

— само лицо предприняло действия, которые направлены на прекращение правонарушения. Например, лицо

исполнило обязанности, возложенные на него; оно явилось в уполномоченный орган с заявлением о совершенном правонарушении;

— уполномоченные органы вмешались в ход совершения административного правонарушения. Например, они изъяли противоправно хранимое имущество;

— произошло наступление событий, которое однозначно препятствует дальнейшему совершению правонарушения. Например, лицо утратило противоправно хранимое имущество.

Так, необходимо обратить внимание на особенность длящегося правонарушения, которая связана с различием момента юридического окончания правонарушения и момента прекращения противоправного поведения [3, с. 152].

Наконец, окончательным правонарушением является тогда, когда оно характеризуется полной реализацией его объективной и субъективной сторон. То есть в деянии должны усматриваться все признаки состава правонарушения, установленные законом. В отношении длящихся правонарушений такое состояние может наступить при составлении уполномоченным лицом протокола об административном правонарушении, что позволяет привлечь виновное лицо к административной ответственности.

Если говорить о прекращении противоправного поведения, то оно имеет место, когда лицо уже не совершает каких-либо противоправных действий или когда государство в лице уполномоченных органов пресекло такое правонарушение.

Важно отметить, что характерным отличием длящихся правонарушений от совершенных является то, что, как правило, в момент юридического окончания противоправного деяния нарушитель по-прежнему находится в состоянии противоправного поведения, до его фактического прекращения. Так, в этой ситуации длящееся правонарушение считается окончательным, но противоправное действие либо бездействие все еще длится до момента его прекращения.

Анализ судебной практики позволяет отметить, что в своих постановлениях Верховный Суд Российской Федерации не указывает на то, что для отнесения правонарушения к разряду «длящихся» необходимо условие продолжения правонарушения на момент его обнаружения. Таким образом, длящиеся правонарушения могут быть окончательными при отсутствии противоправного состояния либо окончательными при нахождении в противоправном состоянии.

Интересно отметить, что некоторые ученые, определяя длящееся правонарушение, особенно настаивали на необходимости факта нахождения в противоправном состоянии при составлении протокола об административном правонарушении. Например, отечественный исследователь Э.А. Кононов предлагает подразумевать под длящимся правонарушением такое правонарушение, которое обладает непрерывным осуществлением единого состава

противоправного действия, пресекаемое его обнаружением [3, с. 151].

В сущности, одной из основных характеристик длящегося правонарушения является его непрерывность. Именно она позволяет отграничить длящееся правонарушение от продолжающегося, которое включает в себя множество дискретных во времени эпизодов. Дело в том, что само понятие «непрерывность», в отличие от дискретности, подразумевает полной отсутствие промежутков времени нахождения в другом состоянии.

Еще одной характерной особенностью длящегося правонарушения является продолжительность во времени, на что также обращают внимание большинство исследователей в области юриспруденции. Характеристика длительности или продолжительности является весьма отно-

сительным или даже субъективным понятием, ведь любое действие не может быть совершено вне времени. В рамках и для целей рассмотрения конкретного дела можно говорить только о незначительности временного промежутка, на протяжении которого осуществлялось то или иное деяние. Это позволяет сделать вывод, что обосновано относить к категории длящихся только те правонарушения, при обнаружении которых лицо продолжало находиться в противоправном состоянии.

В завершении исследуемого вопроса необходимо отметить, что проблема длящихся правонарушений вовсе не исчерпывается вопросов формирования определения данного понятия. Для определения основных проблем в данной области и разработки их решения требуется дальнейшее углубленное изучение.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Климашевская, О. В. Проблема классификации административных правонарушений в правоприменительной деятельности // Власть. 2021. Т. 29. № 4. с. 150-155.
4. Панова, И. В., Панов А. Б. Актуальные проблемы административной ответственности // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. Т. 21. № 3. с. 105-134.
5. Смоляков, П. Н. Сроки давности в УК РФ и КОАП РФ: современная проблематика // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4. с. 82-86.
6. Толкунов, В. М., Курова И. Н. Об актуальной практике применения статьи 4.5 Кодекса об административных правонарушениях // Арбитражные споры. 2020. № 4 (92). с. 15-28.

Виды неустойки и их характеристика

Адамова Оксана Фёдоровна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автором приводятся основные классификации неустойки, характеризуются её виды, затрагиваются некоторые проблемы применения неустойки в правоприменительной практике.

Ключевые слова: законная неустойка, договорная неустойка, альтернативная неустойка, пеня, штрафная неустойка, убыток, штраф.

Классификацией в законодательстве является прием законотворческой техники, который представляет собой формально-юридическое деление правового материала на классы (группы, виды) на основе классификационного критерия [5].

Классификацию неустоек целесообразнее начать с разбора самой очевидной классификации — по основанию возникновения. В частности, условие об уплате неустойки может быть предусмотрено законом (законная неустойка) или договором (договорная неустойка). Такая классификация неустоек вытекает из текста ст. 330 ГК РФ. Между ними наблюдается соотношение, вызванное тем, что они

являются особыми разновидностями способа обеспечения обязательств и меры ответственности.

Первая разновидность неустойки закрепляется без учета волеизъявлений сторон в соответствующем нормативном акте. При этом субъекты в рамках договорного взаимодействия лишены права ее уменьшения или отмены, но вправе по собственному усмотрению принять решение об увеличении ее размера.

Что касается второй разновидности, то она закрепляется уже на договорной основе и связывается с суммой денег, которые сторона должна уплатить контрагенту в случае неисполнения обязательства по своей вине.

При этом, в силу ст. 330 ГК РФ отсутствует требование в части доказывания ситуации причинения убытков. Для ее закрепления, требуется согласование соответствующего условия в установленном порядке обеими сторонами. В случае отсутствия соглашения сторон по указанному вопросу, установлена договорная неустойка не будет. Лишен такого прав и суд.

Исходя из содержания п. 1 ст. 330 ГК РФ в договоре можно установить неустойку в виде:

— штрафа. В частности, основанием для установления штрафа может выступать виновное несоблюдение договора должником;

— пеней. Последние могут быть предусмотрены для незначительных нарушений, когда сторона не утрачивает возможность исполнить обязательство. Примером может выступать пеня за поставку товаров с просрочкой 0,1% от их стоимости за каждый день.

Не исключается и возможность закрепления смешанной неустойки, в которой найдет отражение как штраф, так и пеня.

Определение законной неустойки вытекает из положений п. 1 ст. 330 ГК РФ. Подобным статусом наделяется установленная законом сумма денег, претендовать на получение которой может кредитор, в случае наличия нарушений со стороны должника. Некоторые авторы отмечают, что законная неустойка предопределяется особенностями правовой нормы, регулирующей ее начисление. Если она закреплена императивно, то может быть изменена диспозитивной нормой, «если стороны не предусмотрели иной размер неустойки» [1].

В.В. Витрянский указывает, что законная неустойка не может признаваться способом обеспечения исполнения обязательства, обосновывая это тем, что она никак не «привязана» к какому-либо конкретному обязательству или к конкретным сторонам, которые вступают в такое обязательство, соответственно и не может служить целям обеспечения его исполнения.

Однако позволим себе не согласиться с данным подходом. То обстоятельство, что она не согласована сторонами, не оказывает опосредующего воздействия на ее обеспечительный характер. По мнению Б. М. Гонгало, субъекты договорного взаимодействия, руководствуясь правилом о том, что незнание закона не освобождает от ответственности, осознают правовые последствия несоблюдения возложенных на них обязанностей в виде неустойки, хотя даже она и не закреплена на договорном уровне [2].

Безусловно, уровень стимулирующего воздействия со стороны указанного правового института в немалой степени отличается конкретным размером неустойки, поскольку чем он выше, тем более опасным для должника будет невыполнение условий соглашения. Учитывая ограниченные возможности коррекции размера законной неустойки, можно отметить ее недостаточно высокий уровень гибкости в сравнении с договорной неустойкой, при сохранении, однако, довольно высокого обеспечительного значения.

Размер и основание данной разновидности неустойки установлены на законодательном уровне, а стороны вправе заявлять соответствующие требования вне зависимости от наличия или отсутствия положения о такой неустойке на уровне договора. Такую неустойку можно оценить в качестве одного из изъятий из базового фундаментального гражданско-правового принципа свободы договора.

Законная неустойка может быть установлена федеральным законом (п. 1 ст. 330, ст. 332, п. 2 ст. 3 ГК РФ). Однако допустимо установление неустойки и в подзаконном нормативном акте.

Законная неустойка, как и договорная, может быть установлена в виде:

— штрафа. В подобном качестве может быть назван штраф за односторонний отказ от исполнения договора транспортной экспедиции (п. 5 ст. 6 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности»);

— пеней. Например, пени предусмотрены за просрочку доставки грузов железнодорожным транспортом (ст. 97 Устава железнодорожного транспорта РФ). Продавец в случае нарушения срока передачи потребителю товара, оплаченного заранее, должен оплачивать пени в размере 0,5% от суммы заранее оплаченного товара (ст. 23.1 Закона РФ «О защите прав потребителей»).

Верховный Суд РФ в одном из своих Обзоров судебной практики за 2018 год, разъяснил, что законной неустойкой является пеня, которую должны уплачивать лица, несвоевременно и (или) не полностью внесшие плату за жилое помещение и коммунальные услуги [6].

В правоприменительной практике чаще всего указанные обязательства расцениваются в значении денежных. Однако существует и альтернативная квалификация. Так, в одном из судебных решений содержалось указание на то, что основой для указанного обязательства является договор перевозки, и обязательство не носит денежный характер. Однако этот тезис в итоге приводит суд к совершенно противоположному выводу о снижении законной неустойки до размера двойной ставки рефинансирования [8]. Следует согласиться с О. В. Карпеевым в том, что данное обязательство носит в силу п. 1 ст. 330 ГК РФ денежный характер [4].

Ключевыми дифференцирующими свойствами между договорной и законной неустойками выступают:

— договорную неустойку согласовывают сами стороны, законную устанавливает закон. Однако если включить в договор законную неустойку, она не станет от этого договорной, если ее размер не будет увеличен;

— стороны лишены права отказаться от законной неустойки, но вправе ее увеличить. В отношении же договорной неустойки у сторон наличествуют более обширные правовые возможности, поскольку они вправе ее уменьшить, отказаться от нее вовсе или повысить ее размер. Коррекция может быть осуществлена посредством оформления дополнительного соглашения.

— суд может уменьшить договорную неустойку, взыскиваемую с предпринимателя, лишь в исключительных

случаях, что связано с недопустимостью получения одним из участников правоотношений необоснованной выгоды (п. 2 ст. 333 ГК РФ). В отношении законной неустойки подобные изъятия отсутствуют. Особенность установлена лишь для неустойки в пользу потребителей. Последняя подлежит снижению в исключительных ситуациях, с неперменным указанием мотивов допустимости такого снижения правоприменителем [7].

Стоит отметить, что неустойки делятся также исходя из критерия соотношения с убытками. По данной классификации, выделяются зачетная, штрафная, исключительная и альтернативная неустойки.

По общему правилу если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (абз. 1 п. 1 ст. 394 ГК РФ). Такая неустойка именуется зачетной.

Законом или договором могут быть предусмотрены случаи, когда:

1) допускается взыскание только неустойки, но не убытков (исключительная неустойка). В подобном качестве выступает значительное число штрафов, закрепленных транспортными уставами и кодексами, в частности на случай задержки транспортных средств под погрузкой и выгрузкой;

2) убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки (штрафная неустойка). Отметим, что в случае установления штрафной неустойки, кредитор может извлечь доход, взыскивая убытки, а также получить доход в виде штрафа (по инициативе суда он и может быть уменьшен). Очевидно, что именно условие о штрафной неустойке является для кредитора наиболее выгодным;

3) по выбору кредитора могут быть взысканы либо неустойка, либо убытки (альтернативная неустойка). Условие об альтернативной неустойке, как отмечается в литературе, предполагает, что, если кредитор заявил о своем выборе (неустойка или убытки), альтернативность прекращается, и обязанность должника сосредоточивается либо на неустойке, либо на убытках.

В доктрине гражданского права указывается, что зачетная неустойка идет в зачет суммы убытков, можно довызывать убытки в части, не покрытой неустойкой; если неустойка исключительная, то только она и взыскивается, убытки возмещению не подлежат; если установлена штрафная неустойка, то можно взыскать и ее, и убытки в полном объеме; если установлена альтернативная неустойка, то кредитор вправе по своему выбору взыскать либо убытки, либо такую неустойку [3]. Общим правилом является зачетное соотношение неустойки и убытков, но законом или договором может быть установлен один из альтернативных вариантов.

Описываемая доктринальная терминология является хорошо известной и указывается в качестве разъяснений в п. 60 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7, но в законе она прямо не закреп-

лена. Поэтому в процессе формулирования договорных условий о неустойке целесообразно не просто использовать одно из указанных наименований, но и конкретизировать, что именно имеется в виду.

В зависимости от метода исчисления, выделяют такие разновидности неустойки, как штраф и пеня.

Штраф представляет собой однократно взыскиваемую денежную сумму и устанавливается в виде твердой денежной суммы, либо в виде процента (пропорции) от суммы неисполненного обязательства или иной денежной величины, либо твердой денежной суммы, подлежащей однократному взысканию за неисполнение обязательства или исполнение обязательства ненадлежащим образом.

Пеня — это периодически начисляемый платеж. Чтобы условие о начислении пеней в договоре считалось согласованным сторонами, необходимо определить их размер, а также период, за который пени начисляются.

Пеня отличается от штрафа в первую очередь периодичностью начислений. Как правило, пеня начисляется за каждый календарный день неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Кроме того, она начисляется производятся с нарастающим итогом. Размер пени может быть установлен законом или договором.

Пеня по общему правилу не может быть взыскана одновременно с процентами за пользование чужими денежными средствами. Штраф за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства может быть взыскан с должника одновременно с процентами за пользование чужими денежными средствами.

Итак, все классификации неустоек носят познавательный, теоретический и практический характер. Они способствуют лучшему пониманию существа неустойки, ее значению в гражданском рыночном обороте.

В рамках наиболее классической классификации неустойка делится на договорную и законную. Стороны лишены права отказаться от законной неустойки, но вправе ее увеличить. В отношении же договорной неустойки у сторон наличествуют более обширные правовые возможности, поскольку они вправе ее уменьшить, отказаться от нее вовсе или повысить ее размер.

Неустойки также могут быть дифференцированы по критерию соотношения с убытками. По данной классификации, выделяются зачетная, штрафная, исключительная и альтернативная неустойки.

Неустойка и возмещение убытков являются различными способами защиты нарушенного гражданского права (ст. 12 ГК РФ). Убытки взыскиваются только в части, не покрытой неустойкой, и при наличии установленной законом или договором неустойки закон не предусматривает возможности взыскания только убытков (ст. 394 ГК РФ).

Суду может быть предоставлено право изменять размер только договорной, но ни в коем случае не законной неустойки. Допустимым видится наделение суда правом не только снижать, но и увеличивать размер неустойки,

как это предусмотрено в ряде европейских стран. Считаем возможным предложить внести изменения в часть 1 ст. 333 ГК РФ, где закрепить также право суда увеличивать размер неустойки в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушенного обязательства, при наличии заявления кредитора.

Литература:

1. Брагинский, М. И. Договорное право: учебник. Общие положения. 3-е изд., стереотип. В 3-х кн. Кн. 1./М. И. Брагинский
2. Гонгало, Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики/Б. М. Гонгало. — Москва: 2017. — с. 211.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации/отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. — 898 с.
4. Карпеев, О. В. Законная неустойка за просрочку доставки груза железнодорожным перевозчиком и судебское усмотрение // Транспортное право. 2018. № 2. — с. 13-25.
5. Чуманов, Е. В. Классификация в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук./Е. В. Чуманов — Н. Новгород, 2005. — 134 с.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // СПС КонсультантПлюс.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.05.2018 № 5-КГ18-35 // СПС КонсультантПлюс.
8. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 13.07.2021 по делу № А56-12676/2019 // СПС КонсультантПлюс.

Права личности и оперативно-розыскная деятельность

Амицба Лилиана Романовна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель;

Сметанина Ирина Евгеньевна, студент;

Косолапова Алина Викторовна, студент;

Северюхин Антон Александрович, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы обеспечения прав личности в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности на основе анализа материалов жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации и принятых по ним решений; авторами формулируются рекомендации для правоприменителей по обеспечению в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий права на неприкосновенность личности и частной жизни, на тайну переписки и телефонных переговоров, неприкосновенность жилища, а также вносятся предложения по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства в части регулирования оснований и порядка электронного наблюдения, процедуры продления сроков прослушивания телефонных переговоров, ознакомления с информацией, содержащейся в средствах мобильной связи, изъятых у правонарушителей, задержания с поличным, обследования жилых помещений.

Ключевые слова: права личности, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, частная жизнь, электронное наблюдение, тайна переписки, тайна телефонных переговоров, неприкосновенность жилища, Конституционный Суд Российской Федерации.

The rights of the individual and operational-investigative activity

Amichba Liliana Romanovna, candidate of pedagogical sciences, senior teacher;

Smetanina Irina Evgenievna, student;

Kosolapova Alina Viktorovna, student;

Severyukhin Anton Alexandrovich, student

Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University named after OE Kutafin (Kirov)

The article discusses some topical issues of ensuring the rights of the individual in the process of carrying out operational investigative activities based on the analysis of materials of complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation; the authors

formulate recommendations for law enforcement officers to ensure the right to personal and private privacy, the secrecy of correspondence and telephone conversations, the inviolability of the home, as well as make proposals to improve the operational and investigative legislation in terms of regulation of the grounds and order of electronic surveillance, the procedure for extending the terms of listening to telephone conversations, familiarization with the information contained in the means of mobile communication seized from offenders, detention red-handed, inspection of residential premises.

Keywords: *individual rights, operational-investigative activity, operational-investigative measures, private life, electronic surveillance, privacy of correspondence, privacy of telephone conversations, inviolability of the home, Constitutional Court of the Russian Federation.*

В соответствии со ст. 3 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту — Закон «Об ОРД») оперативно-розыскная деятельность (далее по тексту — ОРД) основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Исходя из данной статьи закона следует вывод, что на основании наличия специальных принципов ОРД является одним из видов правоохранительной деятельности государства. Также у ОРД есть еще одна специфика, основанная на этих же принципах. Она заключается в реализации конституционного принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД.

О существовании специфики указывает наличие большого количества жалоб граждан в Конституционный суд Российской Федерации (Далее — Конституционный Суд) на нарушение прав личности нормами Закона «Об ОРД», также на совещании Генеральной Прокуратуры РФ 19 марта 2021 года было оглашено, сколько нарушений было выявлено законодательства и их число составило 486,6 тысяч.

Но самый главный интерес в данных жалобах граждан является в том, какие конституционные права чаще всего нарушаются при осуществлении ОРД. Рассмотрим основные конституционные права, отраженные в жалобах, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Жалобы на конституционных правы граждан

Конституционные права	Процент количество жалоб от общего числа
Право на неприкосновенность частной жизни, ч. 1 ст. 23 Конституции РФ.	18% жалоб
Право на ознакомление с документами, ч. 2, ст. 24 Конституции РФ.	11% жалоб
Право на свободу и личную неприкосновенность, ст. 22 Конституции РФ	17,1% жалоб
Право на тайну телефонных переговоров, ч. 2 ст. 23 Конституции РФ	16% жалоб
Право на неприкосновенность жилища, ст. 25 Конституции РФ	7,4% жалоб

Первое право, гарантированное ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, неприкосновенность частной жизни. Субъекты ОРД обязаны соблюдать это конституционное право, которое прямо закреплено в ч. 1 ст. 5 Закона об ОРД. Но при выполнении данной обязанности возникает проблема разграничения границ и пределов права на неприкосновенность частной жизни. Эта проблема возникла из-за того, что законодательством не закреплено понятие «частная жизнь».

Из-за возникшей неопределенности понятия «частная жизнь», Конституционный суд РФ в определённых своих решениях определил его. Под «частной жизнью» понимается: «та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер» [4]. Исходя из вышеизложенной позиции вытекает вывод, что субъекты ОРД, вправе собирать, лишь ту информацию о лицах, которая может свидетельствовать о признаках подготавливаемых, совершённых или совершаемых преступлениях.

У права на неприкосновенность частной жизни есть две стороны относительно осуществления ОРД. С одной стороны, есть чрезмерное вмешательство в «частную жизнь», а с другой стороны ОРД объективно ограничивает данное конституционное право. Например, при наблюдении за человеком, о котором имеются сведения, что он участвует в совершении преступления, сотрудники оперативного аппарата не знают, что именно будет делать данный человек в период осуществления оперативно-розыскных мероприятий (Далее — ОРМ), а поэтому в руки сотрудников попадает информация, которая напрямую не связана с совершением преступления.

С правом на неприкосновенность частной жизни также связано и другое право, гарантированное ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, на ознакомление с документами, которые напрямую затрагивают права личности. Весь процесс реализации данного права при осуществлении ОРД нашёл нормативное закрепление в ч. 4 ст. 5 Закона Об ОРД. Данная статья предусматривает возможность ознакомления с полученной информацией для лиц, виновность которых так и не была доказана в установленном

законом порядке. Однако действие данной статьи обусловлено двумя условиями, с которыми категорически не согласен Конституционный суд РФ: в случае вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или же постановления о его прекращении по реабилитирующим основаниям. Данная формулировка привела к тому, что на практике лица, как объектам ОРМ, в отношении которых никаких процессуальных решений не выносилось, может быть отказано в реализации данного конституционного права. Поэтому Конституционный суд РФ в ряде своих решений отметил, «что право на ознакомление с документами, непосредственно затрагивающими права личности, распространяется на любых лиц, чья виновность в совершении преступления не доказана, независимо от того, выносились либо не выносились в отношении них процессуальные решения». [5]. Для наглядности стоит привести следующий пример: так, если лицо, которое проходит свидетелем по уголовному делу и в отношении него было проведено такое ОРМ, как прослушивание телефонных разговоров, то данное лицо вправе потребовать ознакомление с судебным решением об этом ОРМ, к примеру, для его оспаривания.

Также актуально и право, гарантированное ст. 22 Конституции РФ, на свободу и личную неприкосновенность. Конституционный суд ни раз указывал, что в Законе Об ОРД отсутствует правомочие на применение принуди-

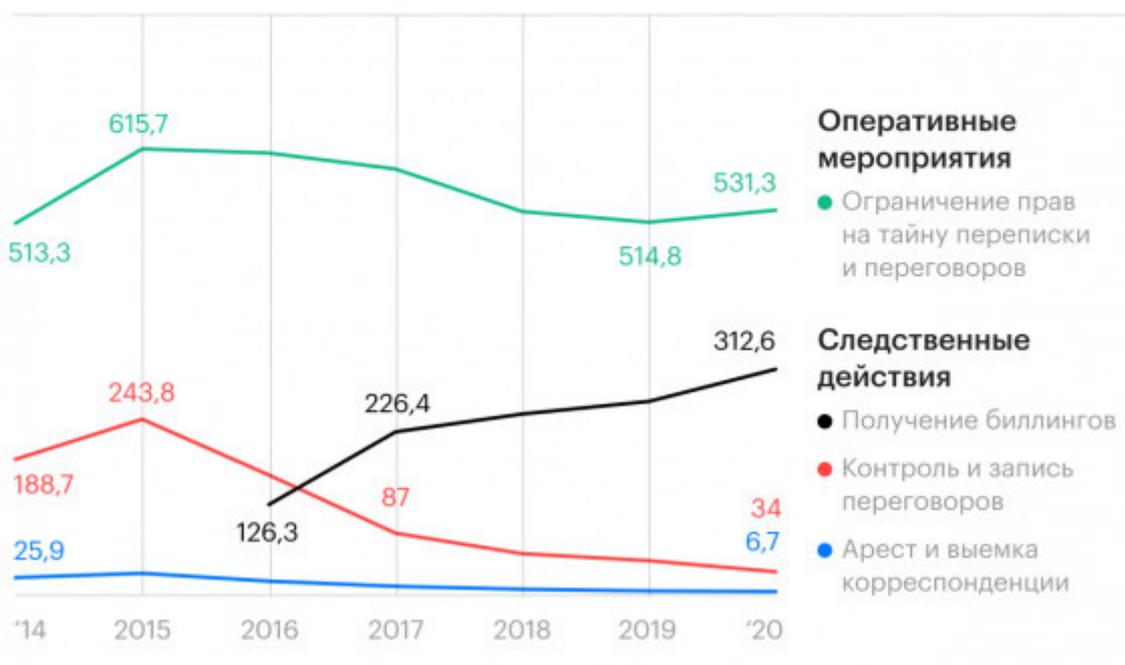
тельных мер в отношении лица при осуществлении ОРМ в их числе задержание и досмотр [6]. Но, как правило, поводом для жалоб в Конституционный суд РФ становятся: задержание заявителей при проведении ОРМ, принудительное доставление, удержание в служебных помещениях, которые осуществляются без соответствующего процессуального оформления, производство личного досмотра и т.д. Но есть и другая сторона данной проблемы. Как верно отмечается некоторыми исследователями, что вся практика осуществления ОРД не мыслима без применения принудительных мер в процессе пресечения совершения преступления, например, таких как задержание с поличным [1, с. 134; 2, с. 44; 3, с. 45]. На основании этого, необходимо гарантировать свободу и личную неприкосновенности, а также это нуждается в правовом регулировании в Законе Об ОРД.

Также одним из наиболее часто подвергаемых ограничению при осуществлении ОРД является право, закреплённое в ч. 2 ст. 23 Конституции, на тайну переписки. О масштабах ограничения данного права свидетельствует статистика, приведённая на рисунке 1 (рис. 1).

Присутствуют недостатки Закона Об ОРД в части регулирования всего механизма ограничений права личности на тайну телефонных переговоров усугубляются и игнорированием сотрудников правовых предписаний для попытки обойти установленных для них ограничений.

Как меняется количество запросов на прослушку, доступ к переписке и биллингам

Тыс. запросов

Источник: судебный департамент при Верховном суде

© РБК, 2021

Рис. 1. Статистика о масштабах ограничения права на тайну переписки

Также распространённым основанием для обращения в Конституционный суд РФ является право на неприкосновенность жилища. Нарушения данного права обычно связывается с проведением гласных ОРМ, а именно обследование жилых помещений, которые зачастую переходят в обыск. При этом такие ОРМ проводятся, как и при наличии судебного решения, так и без него, то есть на добровольном разрешении лица, но это всё же это фактически является не добровольным. Всё это объясняется тем, что в Законе Об ОРД не закреплено принудительного гласного обследования жилых помещений, а также там нет и порядка его проведения, в отличие от обследования нежилых помещений.

Стоит отметить, что Конституционный Суд в своем определении по жалобе, в которой оспаривалась возможность проведения под видом оперативно-розыскного обследования жилого помещения фактического обыска, отметил, что положения Закона об ОРД никаким образом

не допускают подмену следственных действий ОРМ [7]. Исходя из этого, следует вывод, что обследование жилых помещений как вид ОРМ при наличии судебного решения является легитимным, и, самое главное, не должен подменять собой другие виды ОРМ.

Всё, что было изложено выше, не исчерпывает всего круга проблем, которые возникают в процессе осуществления ОРД. Чтобы разрешить все проблемы требуются комплексные меры, направленные на разрешение всех пробелов законодательства, которые не в полной мере регулируют процессы реализации ОРМ, которые затрагивают и ограничивают конституционные права личности. Помимо этого, стоит уделить внимание и профессиональному обучению сотрудников оперативного аппарата, уделять особое внимание определениям и решениям Конституционного суда РФ и формировать конституционное правосознание, которое заключается в уважительном отношении к правам человека и гражданина.

Литература:

1. Давыдов, С. И. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при разрешении типичных оперативно-розыскных ситуаций // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов Всеросс. круглого стола 3 ноября 2011 г. — Санкт-Петербург, 2012. — с. 131-137.
2. Гусев, В. А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). — 2015. — № 3 (44). — с. 39-44. 181 Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 1 (81) 2019
3. Чумаров, С. А. О правовой форме принудительных процедур, применяемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). — 2015. — № 3 (44). — с. 44-46.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 158-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Эл. ресурс: СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2010 года № 644-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 2046-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чудова Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 5 Федерального закона.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2010 г. № 1197-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литвяка Максима Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 328-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рачкова Станислава Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьями 6, 7 и 8, пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).

Особенности административной ответственности за правонарушения в области налогообложения

Артёмова Арина Александровна, студент;
Панькина Инга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Ключевые слова: правоотношения, административная ответственность, налоговое правонарушение, налоговый орган

Features of administrative responsibility for offenses in the area of taxation

Keywords: legal relations, administrative responsibility, tax offense, tax authority

Положения об ответственности за совершение налоговых правонарушений предусмотрены в главе 15 НК РФ:

— налоговая ответственность представляет собой одну из разновидностей финансово-правовой ответственности;

— ответственность за совершение налоговых правонарушений несут как индивидуальные предприниматели, юридические, физические лица, достигшие возраста административной ответственности — 16 лет;

— лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения до тех пор, пока не будет доказана его виновность в порядке, предусмотренном федеральным законом;

— никто не может быть повторно привлечен к ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения;

— основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение налогового законодательства является решение налогового органа о привлечении его к ответственности.

В соответствии с положениями ст. 109 НК РФ налогоплательщик не может быть привлечен к ответственности в следующих случаях:

- 1) отсутствует факт совершения налогового правонарушения;
- 2) отсутствует вина лица в совершении налогового правонарушения;
- 3) совершение налогового правонарушения физическим лицом, которое на момент совершения не достигло возраста шестнадцати лет;
- 4) сроки давности привлечения к ответственности истекли.

Статьей 113 НК РФ установлен следующий срок давности привлечения к административной ответственности: три года со дня окончания соответствующего налогового периода.

В случае обращения в суд, существует и срок давности взыскания штрафов в судебном порядке. Согласно ст. 115

НК РФ — шесть месяцев с момента истечения срока исполнения требования об уплате.

В ст. 108 НК РФ закреплено положение, согласно которому назначенный организации налоговый штраф не снимает с ее должностных лиц иной ответственности, установленной законом, в том числе КоАП РФ. Это значит, что за одно и то же нарушение из числа перечисленных в НК РФ штраф может следовать одновременно:

— для юридических лиц — по соответствующей статье Налогового кодекса РФ;

— для должностных лиц (директора, главбуха и др.) — ответственность предусмотрена КоАП РФ.

В качестве субъекта административной ответственности могут выступать и организации. Но только не в случае с налогами. Для данной категории нарушений санкции по КоАП РФ установлены только для должностных лиц. Это можно объяснить тем, что назначение дополнительного административного штрафа организации, которая уже подверглась налоговому штрафу, нарушало бы принцип однократности привлечения к ответственности.

А это недопустимо. КоАП РФ предусмотрен целый спектр административных наказаний, начиная с предупреждения и заканчивая обязательными работами и административным арестом. Но за нарушения в сфере налогообложения в большинстве случаев налагается штраф. Однако за некоторые нарушения предусмотрено и предупреждение, но на практике его применяют редко.

Все случаи, в результате которых может наступить административная ответственность, закреплены статьями главы 15 КоАП РФ. Протоколы при этом составляются уполномоченными работниками налогового органа, а сам процесс рассмотрения дел полностью регулируется главой 29 КоАП РФ.

Административные правонарушения в сфере налогообложения условно можно разделить на несколько групп.

Первая из них касается порядка осуществления налогового контроля. В частности, административный штраф может быть назначен за нарушение сроков постановки

на учет в налоговой инспекции, за просрочку в сообщении об открытии счета и т. д.

Во вторую группу входят неправомерные действия, касающиеся, собственно, уплаты налогов. К их числу можно отнести нарушение сроков подачи декларации, а также порядка ведения бухгалтерского учета.

В последнем случае директор и главный бухгалтер освобождаются от ответственности при предоставлении уточняющего расчета с уплатой недостающей суммы налога и штрафных санкций. Уклонение от уплаты налогов и сборов вряд ли отвечает признакам незначительности проступка, в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ, когда возможно освобождение.

Очень важно правильно применять соответствующие санкции, в связи с тем, что налоги — это основной источник обеспечения экономики государства, а также гарант деятельности государства в различных сферах. Если их поступления в бюджет уменьшатся, это приведет к неэффективному выполнению страной своих обязательств, внутренних и внешних функций, что, в свою очередь, негативно скажется на жизни всех граждан.

Выделим лишь наиболее часто встречающиеся в юридической практике виды налоговых правонарушений, за совершение которых субъект правонарушения привлекается к административной ответственности:

— Несоблюдение сроков сдачи отчетности (ст. 15.5 КоАП РФ). За это ответственному лицу придется заплатить в бюджет государства от 300 до 500 руб. (в некоторых случаях вместо штрафа может быть вынесено предупреждение);

— Непредставление в ФНС документов, необходимых для осуществления контроля (ст. 15.6 КоАП РФ). В этом случае законному представителю организации придется заплатить от 300 до 500 руб., должностному лицу госоргана — от 500 до 1 тыс. руб;

— Ненадлежащее ведение бухучета (ст. 15.11 КоАП РФ). За такое нарушение на ответственное лицо налагается штраф в размере от 5 до 10 тыс. руб. Такое же нарушение, совершенное повторно, наказывается денежным взысканием в размере от 10 до 20 тыс. руб. или лишением права на осуществление трудовой деятельности в занимаемой должности на срок от 1 года до 2 лет.

К одной из основных современных тенденций российского налогового законодательства применительно к административной ответственности относится тот факт, что, в соответствии с примечанием к ст. 15.3 КоАП РФ субъектами административной ответственности за совершение налоговых правонарушений могут быть только должностные лица. Чаще всего им выступает руководитель организации или главный бухгалтер, то есть должностное лицо организации, в обязанности которого входит тот или иной функционал, связанный с обеспечением налогового контроля или учета б/о. Для того чтобы физическое лицо могло являться субъектом административной ответственности за налоговые правонарушения, оно должно достичь шестнадцатилетнего возраста. Здесь же отметим,

что иной современной тенденцией, связанной с должностными лицами организаций, является ужесточение для них административной ответственности. Это можно заметить на примере ст. 15.11 КоАП РФ, где за грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности на виновное должностное лицо налагается административный штраф в размере от 5 до 10 тысяч рублей, а в случае повторного совершения аналогичного правонарушения административный штраф составит от 10 до 20 тысяч рублей или заменен дисквалификацией на срок от 1 года до 2 лет. Следует отметить и тот факт, что несмотря на то, что в настоящее время КоАП РФ предусматривает множество различных административных наказаний за то или иное противоправное деяние, в подавляющем большинстве случаев основным видом административного наказания за совершение налоговых правонарушений является денежный штраф. Безусловно, не стоит забывать, что за некоторые налоговые правонарушения КоАП РФ в качестве санкции устанавливает предупреждение (например, нарушение сроков представления налоговой декларации — ст. 15.5 КоАП РФ), однако подобное решение встречается крайне редко и на практике практически не применяется.

На сегодняшний день существует проблема, связанная с тем, что нормы, которые регулируют ответственность в сфере налогообложения, распределены по нескольким нормативным правовым актам.

Таким образом, налоговая и административная ответственность выполняют разные функции. Если административная ответственность выполняет карательную функцию, функция налоговой ответственности является преимущественно превентивной. Как можно установить из вышеуказанного анализа, институт административной ответственности за налоговые правонарушения по настоящее время до сих пор является дискуссионным, поскольку отсутствуют единые подходы к установлению материальных и процессуальных норм в сфере налоговой ответственности. Между тем нормы КоАП РФ и НК РФ в отношении ответственности за налоговые правонарушения уже действуют на протяжении более 15 лет, что указывает на возможность совместного действия положений, как КоАП РФ, так и НК РФ.

Налоговая и административная ответственность тесно переплетаются друг с другом. От юридических лиц и граждан поступает большое количество жалоб на нарушения их права, связанного с незаконным принятием решения налоговым органом. В основном это объясняется тем, что действующее законодательство имеет сложную конструкцию, вызывая серьезные затруднения в правоприменительной практике.

Для разрешения данной проблемы можно предложить несколько вариантов объединения составов нарушений в сфере налогов и сборов:

1. Объединить все составы налоговых правонарушений в КоАП РФ методом исключения глав 15, 16 и 18 из НК РФ.

2. Перенести из гл. 15 КоАП РФ в главы 16 и 18 НК РФ нормы об ответственности за правонарушения в сфере налогообложения.

3. Разработать Кодекс РФ о правонарушениях в сфере налогов и сборов. Предполагается, что он будет включать в себя две части: общую и особенную.

В Общей части будут определены принципы, цели законодательства о налоговых правонарушениях, понятие

налогового правонарушения, виды наказаний и общий порядок их назначения.

В Особенной части будут закреплены все составы налоговых правонарушений и ответственность за их совершение. Все варианты имеют как свои плюсы, так и минусы. Но последнее предложение требует много сил и затрат, а именно создание нового Кодекса, поэтому наиболее рациональным будет унификация всех составов налоговых правонарушений в НК РФ.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. — Москва: Проспект, 2021. — 720 с.
2. Административное право: учебник для вузов. Под общей редакцией А.В. Зубача. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 530 с.
3. Васкевич, К.Н. Административная ответственность за правонарушения в области налогов и сборов в Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 177 с
4. Жеребцов, А.Н. Правовые фикции в механизме административно-правового регулирования управленческих отношений: монография/А.Н. Жеребцов, Н.В. Павлов, А.В. Юшко; под научной редакцией А.Н. Жеребцова. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 183 с.
5. Мигачев, Ю.И., Л.Л. Попов, Тихомиров С.В. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов. Под редакцией Л.Л. Попова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 456 с.
6. Стахов, А.И., Кононов П.И. Административное право России: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 624 с.
7. Пономаренко, Ю.В., Чернов Ю.И. Вопросы административной ответственности за совершение налоговых правонарушений // Эпомен. — 2020. — № 35. — с. 280-287.
8. Коняшина, Е.Н., Рузметов С.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере налогов и сборов // Административная ответственность за правонарушения в сфере налогов и сборов // Молодой ученый. — 2021. — № 34 (376). — с. 129-132.
9. Кравченко, Н.А. Проблемы реформирования административного законодательства в сфере налоговых правоотношений // Modern Science. — 2021. — № 7. — с. 83-89.
10. Сухин, Д.А. Особенности административной ответственности за правонарушения в области налогового законодательства // Научный альманах. — 2020. — № 11-3 (73). — с. 94-97.

Медиация как альтернатива устоявшейся системе разрешения споров

Архипов Сергей Борисович, профессиональный медиатор (г. Москва)

Современные реалии жизни во всем мире требуют современных решений и подходов во всех сферах. Традиционные методы решения вопросов устарели, не приносят желаемого результата. Быстрота современной жизни требует молниеносных решений, обесценивание традиционных ценностей, инфляция основных институтов общества, на которых держится современное мироустройство (деньги, законы, суды, правоохранители, власть) заставляет смотреть на проблему с другой стороны, подняться над эмоциями, выйти за пределы рамок и найти альтернативные способы. Споры возникают во всех сферах взаимодействия между людьми, это могут быть и семейные споры и споры между предпринимателями, трудовые споры и многие другие.

А какие есть решения всех видов споров? Ну, самое популярное решение, оставить спор как есть, многие споры так и остаются без решения, просто потому что никто не видит перспектив. Второе по популярности решение — судебное разбирательство. Люди идут в суд скорее потому, что не видят других альтернатив, обращаясь за решением своего вопроса, они понимают, что вопрос решится по закону, но будет ли данное решение желаемым для сторон, скорее это хотя бы какое-то решение по спору.

Есть еще некоторые виды разрешения споров, такие как третейский суд, жалобы в государственные органы, претензии и т.п.

В Российской Федерации 27.07.2010 принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегули-

рования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ¹. Давайте попробуем разобраться, что это такое и где можно применить данную процедуру.

Как только появились первые конфликты, возникла медиация. Только называлась она «предложением добрых услуг», «посредничеством», «ходатайством». С давних пор люди знали, что разногласия и серьёзные вопросы лучше решать переговорами.

Методы примирения первыми использовали вожди и жрецы. Так они пресекали убийства и насилие, которые угрожали племени.

Княжеские споры и междоусобицы в древней Руси также решались при участии посредников, которые были в основном из духовенства.

В начале XIX века действовали коммерческие суды в форме примирительного разбирательства. В отчётах тех лет появилось слово «медиатор» и даже отмечалось полезность участия медиатора в торговых спорах.

В современном понимании медиация появилась в США в 20–30х годах, в Европе в 70–80х годах XX века.

В России термин АРС — альтернативное разрешение споров появился после распада Советского Союза в середине 90-х годов.

2002 в арбитражном процессуальном кодексе появилась первая статья, которая разрешала обращаться к посреднику для разрешения спора [1].

В Англо-русском словаре слово «MEDIATION» — переводится как посредник.

В Законе дается определение процедуры медиации, как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Давайте разберем данное определение. Во — первых медиация является процедурой, а это значит, что это последовательные действия, связанные между собой, таким образом если переговоры ведутся хоть и с посредником, но не структурированно и беспорядочно, то медиацией такие переговоры назвать нельзя. Я тут упомянул слово переговоры, так вот дополняя понятие, указанное в Законе, медиация это особым образом организованные переговоры.

Урегулирование споров предполагает восстановление прежних, либо установление новых взаимоотношений посредством соглашения сторон.

Обязательным участником процедуры медиации является медиатор — независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. Опять же при отсутствии данного лица, медиация не является таковой. К медиатору есть требования, указанные в Законе. Для непрофессионального медиатора такими условиями является возраст 18 лет, полная дееспособность и отсутствие судимости.

Для профессионального медиатора требуются следующие условия: возраст 25 лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

Процедура осуществляется на основе добровольности, что означает то, что стороны участвующие в переговорах согласны на проведение данной процедуры, осознают последствия своих действий и готовы нести за них ответственность, никто из участников или сторонних лиц не принуждает стороны к участию в процедуре, а также к принятию решения.

И наконец, основной отличительный признак процедуры медиации от других способов урегулирования конфликта — достижение взаимоприемлемого решения. Взаимоприемлемость предполагает, что в ходе процедуры медиации выявляются глубинные потребности сторон, а не те, что стороны декларируют вначале спора. Путем применения этапов медиации и медиативных приемов и техник, медиатор выводит стороны на главный вопрос «зачем?», а когда стороны все — таки отвечают на него искренне, в решении спора остаются только технические вопросы, когда, сколько и т.д.

Символом медиации медиаторы всего мира считают апельсин, и рассказывают следующую историю. Жили две сестры, и был у них один апельсин, решили они его поделить, но никак не могли договориться. На их спор пришла мама (юрист), взяла апельсин и поделила его на две равные части. Вот и сказочке конец. Но недовольны сестры, вроде каждый получил одинаковую долю, по закону все верно и по справедливости тоже, но не так. В данную ситуацию вмешался папа (медиатор). Он поговорил с каждой из дочерей, и они ему рассказали следующее: одна дочка хотела попить апельсиновый сок, и ей нужна мякоть апельсина, а второй нужна была кожура, чтобы испечь пирог, по рецепту нужна кожура одного апельсина, а для стакана сока мякоть одного апельсина. Таким образом, в результате переговоров стороны пришли к взаимоприемлемому результату. Вот так на простом примере можно показать, что решение по закону справедливое, но не всегда взаимовыгодное.

Медиация — наиболее мягкая форма альтернативного разрешения споров. Основные различия в пользу медиации, от других видов разрешения споров, в частности судебного разбирательства являются: в отличие от судебного разбирательства медиация — процедура добровольная и может быть инициирована только после согласия обеих сторон. Судебное разбирательство возбуждается одной из сторон независимо от согласия другой. Медиатора выбирают стороны, судья назначается. В разрешение на процедуру медиации можно поставить сразу несколько разноплановых вопросов, что в судебном разбирательстве невозможно. По результатам медиации стороны сами принимают решение, медиатор только как ведущий интеллектуальной игры «ведёт» по этапам переговорного процесса от подготовки к переговорам до выхода из них и является

1 Далее Закон

фасилитатором, а не арбитром. В судебном разбирательстве решение принимает, по сути, чужой человек — судья. При принятии решения стороны в медиации могут отступать за нормы закона, за исключением тех норм, которые защищают неотделимые права человека, либо затрагивают законные интересы третьих лиц, судья выносит решение строго в соответствии с законом, даже если судья вынесет незаконное решение, оно будет отменено в вышестоящей инстанции.

Многие сталкиваются с проблемой понятия, что такое медиация, кто такой медиатор, зачем он нужен, если и так готовы договориться и так далее.

Так вот, если стороны могут сами договориться, то и спора как такового НЕТ, но если в результате таких договоренностей кто-то остался «с осадочком», то тут как раз и нужен независимый помощник, которым и является МЕДИАТОР. Все прекрасно знают, что со стороны виднее, когда решаешь свою проблему, эмоции мешают мыслить здраво, посторонний человек, который знает Вас буквально несколько часов, не подвержен Вашим эмоциям, а слышит, что говорит каждый их участников, и доносит до них истинные желания, а не эмоциональный фон.

Литература:

1. <https://vc.ru/u/649881-elena-gizerskaya-mediator-rukovoditel-soobshchestva-yuristov-i-mediatorov-4legal/205903-nemnogo-ob-istorii-mediacii>

Проблемы осуществления несовершеннолетними права на предпринимательскую деятельность

Багаудинова Аделия Рамилевна, студент;
Коннова Екатерина Алексеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Право на занятие предпринимательской деятельностью вытекает из конституционной нормы (статья 34 Конституции Российской Федерации [1]), в силу которой за каждым признается право заниматься предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью. Право на осуществление предпринимательской деятельности относится к экономической группе конституционных прав. В России развитие норм о защите прав и интересов предпринимателей носит динамический характер, что свидетельствует о постоянном внимании законодателя к данному вопросу, о необходимости четкой регламентации отношений в сфере защиты их прав и законных интересов. Государством поощряется развитие предпринимательских правоотношений любыми субъектами, имеющими на это право, включая несовершеннолетних.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская деятельность, несовершеннолетние, правосубъектность.

Важным нормативным актом в данной сфере является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), который в статье 2 раскрыл особенности предпринимательской деятельности [2]. Так, предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое по-

лучение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке. Как видно из анализа данной нормы, правовое определение предпринимательской дея-

Медиация помогает сэкономить время, деньги и эмоциональные силы, при ее проведении обстановка, регламент и содержание процесса могут быть определены индивидуально.

Медиация ориентирована не столько на конфликт или на выигрыш, сколько на конструктивный поиск решений. В процедуре медиации стороны работают не с тем, что было, а с тем, что есть на данный момент.

Временные позиции проведения процедуры медиации ограничены 180 днями если спор не рассматривается судом и 60 днями если спор находится в суде. Но в этих временных рамках стороны могут распределять время по удобному им графику, при этом процедура полностью конфиденциальна и каждый из участников может быть уверен, что все те доказательства и документы, которые представлены во время процедуры не будут использованы как доказательства в суде или правоохранительных органах. Такие доказательства исключаются из дела, как полученные незаконным путем.

Таким образом, в современном мире процедура медиации имеет перспективное направление и надеемся большое будущее.

лучение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке. Как видно из анализа данной нормы, правовое определение предпринимательской дея-

тельности, сформулированное российским законодателем в ГК РФ, содержит ряд следующих признаков: самостоятельность, риск, систематический характер, цель — получение прибыли, способ получения прибыли, государственная регистрация. Необходимо отметить, что эти признаки являются универсальными, и поэтому распространяются и на предпринимательскую деятельность несовершеннолетних. В этом определении получили отражение не только субъектные, целевые квалифицирующие признаки, но и особенности форм осуществления этой деятельности.

Правовой режим предпринимательской деятельности выражается преимущественно в дозволителем характере правового регулирования, выступающего ключевым элементом последнего. Этот правовой режим характерен для предпринимательства в целом и проявляет себя в различных правовых формах, в том числе и при осуществлении несовершеннолетними предпринимательской деятельности. Предпринимательская деятельность ориентирована на производство товаров, услуг и работ, осуществляемых в соответствии с системой законов финансового рынка (спрос, предложение, конкуренция, цены), которая является объективной основой для реализации общеэкономической функции. Формирование предпринимательства рассматривается как одно из основных условий экономического роста, для увеличения ВВП. Согласимся с позицией В. А. Бочаровой, которая отмечает, что этот фактор выступает как проявление общей экономической функции в системе экономических отношений [5, с. 53].

Для полного и подробного понимания особенностей осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетнего необходимо рассмотреть его дееспособность. Гражданская правосубъектность физических лиц определяется правоспособностью и дееспособностью. Согласно положениям статьи 17 ГК РФ, правоспособность гражданина — это его способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью. Гражданская правоспособность дает право любому гражданину осуществлять предпринимательскую деятельность. Однако для реализации всего объема правоспособности гражданину необходимо обладать дееспособностью. В соответствии со статьей 21 ГК РФ, дееспособность гражданина представляет собой способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Для исследования непосредственно дееспособности несовершеннолетних обратимся к статье 26 ГК РФ. Так, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет могут совершать сделки, а также нести

в связи с этим соответствующую имущественную ответственность. Также в данном контексте важна статья 27 ГК РФ, где установлены особенности эмансипации, то есть несовершеннолетний может быть объявлен дееспособным при достижении шестнадцати лет. Предпринимательство несовершеннолетнего является важным условием его эмансипации. Регистрация в качестве предпринимателя предшествует объявлению подростка полностью дееспособным до достижения восемнадцати лет. В правовой доктрине эмансипация для ведения предпринимательской деятельности несовершеннолетним оценивается положительно, так как получение полной дееспособности значительно меняет как гражданско-правовой статус несовершеннолетнего лица, поскольку он становится правомочен совершать любые сделки без согласия родителей, так и статус его родителей, поскольку для них официально прекращается обязанность по содержанию подростка [9, с. 169].

Получение права на осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетнего реализуется через государственную регистрацию. С того момента, как была осуществлена государственная регистрация, несовершеннолетний приобретает хозяйственную компетенцию и может осуществлять предпринимательскую деятельность от своего имени. Решение о государственной регистрации, принятое регистрирующим органом, является основанием внесения соответствующей записи в соответствующий государственный реестр [4]. Благодаря официальной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя несовершеннолетний может предпринимательскую деятельность с целью получения прибыли. В этом плане нет отличий от регистрации в качестве индивидуального предпринимателя дееспособного гражданина. Получив статус индивидуального предпринимателя, несовершеннолетний гражданин может осуществлять любую деятельность, указанную в заявлении на государственную регистрацию, конечно же, за исключением запрещенной деятельности для всех предпринимателей. Но необходимо нотариально заверенное согласие от родителей на заключение договора расчетно-кассового обслуживания, и согласие должны дать оба родителя. Если предпринимательская деятельность осуществляется без государственной регистрации, то такая предпринимательская деятельность считается незаконной. Те доходы, которые были получены от осуществления такой деятельности, подлежат конфискации.

Перейдем непосредственно к рассмотрению проблем осуществления несовершеннолетними права на предпринимательскую деятельность. К примеру, среди проблем законодательного регулирования в данной сфере можно выделить размытость норм семейного права, регламентирующих вступление в брак и эмансипацию соответствующих правовых оснований. Как уже было сказано выше, по общему правилу дееспособность наступает с 18 лет, но есть возможность заниматься предпринимательской деятельностью с момента эмансипации: со вре-

мени вступления в брак или объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным по достижению 16 лет. Но Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) [3] в статье 13 установил правило, благодаря которому вступить в брак можно и раньше 16 лет. Ряд авторов отмечает, что в некоторых регионах России в качестве индивидуального предпринимателя могут выступать граждане с 14 лет в связи с возможностью вступления в брак в этом возрасте, что порождает законодательные и практические проблемы в данной сфере [8, с. 118]. Необходимо устранить данную правовую коллизию. Также необходимо закрепить перечень видов сделок, которые могут заключать несовершеннолетние при осуществлении определенных видов предпринимательской деятельности.

Ю.В. Макарова и А.Э. Захарова, исследуя проблемы осуществления несовершеннолетним права на предпринимательскую деятельность, отмечают такую важную проблему, как определение нижней возрастной границы, когда несовершеннолетний может получить правовой статус предпринимателя. Согласимся с предложением авторов о необходимости расширения правосубъектности несовершеннолетних в возрасте 14 лет в сфере предпринимательской деятельности. Это действительно важно, поскольку сегодня растет роль малого бизнеса, и это нововведение поможет в его развитии, поскольку несовершеннолетние смогут развить свой потенциал в предпринимательской деятельности. В связи с этим следует внести соответствующие изменения в часть 2 статьи 26 ГК РФ [6, с. 21].

В свою очередь Ю.А. Мищенко обоснованно, на наш взгляд, исследует в рамках правовых вопросов осуществления несовершеннолетним права на предпринимательскую

деятельность также психологический аспект. Это действительно необходимо в связи с психологическими особенностями исследуемого возраста. Автор отмечает, что несовершеннолетний в желании получения самостоятельности и независимости может стать эмансипированным, но не все действительно могут брать на себя ответственность. Также Ю.А. Мищенко справедливо, на наш взгляд, выделяет такие серьезные проблемы, как отсутствие правовой просвещенности несовершеннолетних, что обязательно должно быть при осуществлении предпринимательской деятельности, а также низкий уровень физической и психологической зрелости. Поэтому органы власти при решении вопроса об эмансипации несовершеннолетнего в каждом конкретном случае должны проверять все необходимые условия для вынесения положительного решения [7, с. 29].

Таким образом, правовое положение несовершеннолетнего в сфере реализации права на осуществление предпринимательской деятельности требует законодательного совершенствования. Следует расширить правосубъектность несовершеннолетних в возрасте 14 лет в сфере предпринимательской деятельности. Необходимо четко закрепить в ГК РФ единый возраст, с которого несовершеннолетний может стать предпринимателем. Это позволит избежать правовых коллизий решить вопрос, связанный с привлечением несовершеннолетних предпринимателей к налоговой ответственности. Но, вместе с тем, органы власти при решении вопроса об эмансипации несовершеннолетнего в каждом конкретном случае должны проверять все необходимые условия для вынесения положительного решения

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. № 33 (Часть I). Ст. 3431.
5. Бочарова, В. А. Отличительные особенности предпринимательской деятельности в России // Научные записки ОрелГИЭТ. 2019. № 1. с. 53-57.
6. Макарова, Ю.В., Захарова А.Э. Проблемы осуществления несовершеннолетним права на предпринимательскую деятельность // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2021. № 6. с. 20-22.
7. Мищенко, Ю. А. Актуальные проблемы института эмансипации несовершеннолетних от четырнадцати до восемнадцати лет // *Лучшая научная работа 2020*. 2020. № 1. с. 27-32.
8. Сагитова, К. А., Спиридонова П. И., Низамова Г.Х., Анисимов В. А. Предпринимательская правосубъектность несовершеннолетних // *Образование и право*. 2020. № 1. с. 116-118.
9. Фёдорова, К. Д., Семёнова К. А. Эмансипация несовершеннолетних граждан в Российской Федерации // *Неделя науки СПбПУ*. 2020. № 1. с. 168-171.

Имущество муниципальных образований как показатель финансово-экономической самостоятельности

Базарнова Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье на основе действующих норм гражданского права Российской Федерации определён состав имущественного комплекса муниципального образования как составляющей части экономической основы местного самоуправления, рассмотрены возможности его использования в целях обеспечения финансовой самостоятельности и экономического развития муниципальных образований.

Ключевые слова: муниципальное образование, муниципальное имущество, имущество казны, объекты муниципальной собственности, приватизация, залог, доходы местных бюджетов.

Экономическую основу местного самоуправления, исходя из статьи 49 Федерального закона от 6 октября 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее по тексту — Закон о местном самоуправлении) составляют находящиеся в муниципальной собственности имущество, включая средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований.

Эффективность деятельности органов местного самоуправления зависит от ресурсов, которые они получают в свое распоряжение. Одной из основных проблем обеспечения финансовой устойчивости муниципальных образований является слабая собственная доходная база и как результат — высокая дотационность местных бюджетов. Поэтому важную роль в стабилизации экономики, социально-экономическом развитии муниципалитета, а следовательно, в оценке прочности финансовой системы играет муниципальное имущество.

На основании статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), статьи 50 Закона о местном самоуправлении в состав муниципальной собственности входят средства местного бюджета, имущество органов местного самоуправления, муниципальные земли, другие природные ресурсы, муниципальные предприятия и учреждения, финансово-кредитные организации, муниципальный жилищный фонд и нежилые помещения, муниципальные учреждения, другое движимое и недвижимое имущество, и прочее.

Подпункт 2 пункта 3 статьи 215 ГК РФ предусматривает, что средства местного бюджета и другое имущество, которое не закреплено за муниципальными предприятиями и учреждениями, составляют муниципальную казну муниципалитета. Остальное имущество закреплено собственником (муниципальным образованием) за муниципальными предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

Деятельность муниципальных учреждений регулируется нормами гражданского права, статьёй 9.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Выделяют казенные, бюджетные, автономные муниципальные учреждения. Только с целью оказания

услуг и выполнения работ в социальных сферах (культура, образование, наука, здравоохранение и прочее) создаются бюджетные и автономные учреждения.

Отметим особенности казённых учреждений, которые в обязательном порядке уже в силу закона о местном самоуправлении являются юридическими лицами. Потому как такое учреждение, с одной стороны, юридическое лицо (т.е. субъект с собственными имущественными интересами), с другой стороны — публичный субъект, действующий от имени муниципального образования и реализующий таким образом властные функции местного самоуправления.

Создание муниципальных унитарных предприятий регулируется положениями Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 № 161-ФЗ и целью их создания на муниципальном уровне является нормативно-правовое регулирование при выполнении муниципальных (социальных) функций, как правило осуществления деятельности предприятий тепло- и водоснабжения.

Муниципальные унитарные предприятия согласно статье 18 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» распоряжаются движимым имуществом самостоятельно, а недвижимым — только с согласия собственника. Муниципальные казенные предприятия, согласно статье 19 этого же закона, распоряжаются принадлежащим им имуществом только с согласия собственника. Кроме того, муниципальные предприятия не вправе без согласия собственника, а именно муниципального образования совершать различные сделки, связанные с предоставлением и получением займов, поручительств, получением банковских гарантий и иных сделок.

Осуществляя свою деятельность в сфере управления имущественным комплексом, муниципальное образование независимо от кого-либо решает, какие объекты подлежат отчуждению, а какие относятся к не подлежащим отчуждению. Так, небольшая часть имущества, принадлежащего публичным образованиям, может участвовать в гражданско-правовом обороте (это касается определения пообъектного состава, подлежащего при-

ватизации), большая же его часть (находящаяся в публичной собственности) из него изъята или участвует в нем в очень ограниченных законом рамках (как правило их отличает целесообразность и полезность).

Муниципальное имущество можно рассматривать как дополнительный источник привлечения финансовых ресурсов. И так как муниципальное имущество имеет свою определённую стоимость, то в целях социально-экономического развития территории указанное имущество может стать источником дополнительных доходов местных бюджетов или средством поддержки предпринимательства, развития экономики с помощью разработки и привлечения инвестиционных программ. Средства от продажи муниципального имущества поступают в местный бюджет и учитываются при планировании бюджета на очередной финансовый год. Приватизация или отчуждение муниципального имущества на возмездной основе муниципальным образованием осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее по тексту — Закон о приватизации). Но согласно статье 3 данного закона указаны случаи, на которые не распространяется действие закона, для этого предусмотрены специальные нормы права. В данном случае речь идёт об имуществе, изъятом или ограниченном в обороте.

Из статьи 13 Закона о приватизации следует, что к способам приватизации государственного и муниципального имущества относится преобразование унитарного предприятия в акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью, продажа государственного или муниципального имущества на аукционе или конкурсе, продажа акций акционерных обществ на специализированном аукционе, продажа государственного или муниципального имущества посредством публичного предложения или без объявления цены, внесение государственного или муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы акционерных обществ, продажа акций акционерных обществ по результатам доверительного управления.

В другом случае муниципальное имущество может рассматриваться как предмет залога. В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее по тексту — Закон об ипотеке), ипотека может быть установлена на имущество, которое принадлежит залогодателю на праве собственности или в порядке, установленном ГК РФ на праве хозяйственного ведения.

За исключением имущества, находящегося в хозяйственном ведении или оперативном управлении, имущество казны принадлежит муниципальному образованию на праве собственности, а следовательно, может быть заложено. Но статья 69 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ чётко оговаривает условие залога — «ипотека здания или сооружения допускается только с одновременной ипотекой по тому же договору земельного участка,

на котором оно расположено», то есть недвижимое имущество и земельный участок под ним являются собственностью муниципального образования. Однако статьёй 63 того же закона не допускается ипотека земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, и в любом случае договор ипотеки здания или сооружения без оформления ипотеки земельного участка в судебном порядке будет признан ничтожной сделкой. Из судебной практики отметим определение Верховного суда РФ от 24.12.2018 № 307-ЭС18-21692 по иску банковской организации к муниципальному образованию об обращении взыскания на предмет ипотеки — земельный участок, в котором суд подчеркнул, что не допускается ипотека в отношении земельного участка, который ограничен в обороте, и следовательно, не может отчуждаться, а, следовательно, и передаваться в залог.

Также нельзя передать в залог средства местного бюджета, имущество, изъятое из оборота, имущество, включенное в план приватизации, имущество, в отношении которого в установленном законом порядке предусмотрена обязательная приватизация, иные объекты, на которые наложены ограничения к отчуждению.

Необходимо отметить, что объём правомочий обладателя права хозяйственного ведения по распоряжению принадлежащим ему имуществом ограничен:

- 1) необходимостью получения согласия собственника в отношении недвижимого имущества (п. 2 ст. 18 Закона № 161-ФЗ, п. 2 ст. 295 ГК РФ);
- 2) возможностью отчуждения объекта только с учетом задач уставной деятельности унитарного предприятия и целевым назначением предоставленного для выполнения этих задач имущества (п. 4 ст. 18 Закона № 161-ФЗ).

Сделки, совершенные с нарушением требования сохранения целевой правоспособности предприятия, являются ничтожными (п. 3 ст. 18 Закона № 161-ФЗ), независимо от того, совершена она с согласия собственника (муниципального образования) или самостоятельно предприятием (п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8). При заключении залоговых сделок следует оценить, насколько предполагаемый предмет залога занят в производственном процессе, и не приведет ли его отчуждение к невозможности осуществления унитарным предприятием уставной деятельности (коммунальной инфраструктуры, используемых для жизнеобеспечения населения).

Таким образом, можно сделать вывод, что полномочия собственника, муниципальное образование осуществляет в первую очередь под свою ответственность. Муниципальное имущество является важной основой независимости муниципальных образований, так как существует возможность его использования с целью получения дополнительных источников финансирования вопросов местного значения. Залог муниципального имущества применяется для обеспечения исполнения обязательств муниципальных образований, а также с целью привлечения потенциальных инвесторов в муниципальную экономику.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ;
3. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»;
4. Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»;
5. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»;
6. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»;
7. Писарев, А. Н. Муниципальное право Российской Федерации. М., 1997, с. 76
8. <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122018-n-307-es18-21692-po-delu-n-a21-54832017/>
9. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20146/

Проблемы выплаты алиментов несовершеннолетними родителями

Белкин Егор Данилович, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассмотрена проблема возникающей при выплате алиментов несовершеннолетними родителями и ее значимость, а также возможные пути решения.

Ключевые слова: несовершеннолетний отец, выплата алиментов, родитель, семейный кодекс, отец ребенка, алименты.

Институт алиментов всегда был важен, как раньше, так и на данный момент времени, так как обеспечение ребенка должно быть в приоритете как у государства, так и у его законных представителей. Поэтому данный институт занимает важную часть среди других в этой же сфере, так как в России сейчас идет огромное количество разбирательств по поводу невыплаты алиментов, а также множество случаев, когда родитель в принципе отказывается выплачивать средства, либо пропадает, и ребенок остается без выплат, которые пошли бы на его обеспечение. Точного определения алиментов в семейном кодексе не дается, но предоставляется короткое описание этого термина.

В пункте 2 статьи 80 Семейного кодекса указано, что алиментами являются средства на содержание несовершеннолетних детей, которые взыскиваются в судебном порядке либо с согласия родителя, который должен будет выплачивать их регулярно. [2]

С несовершеннолетними родителями ситуация будет обстоять сложнее, так как два лица, не достигшие возраста совершеннолетия, все так же не являются полностью дееспособными, а также без постоянных источников дохода, если мы будем говорить о среднестатистических подростках, не достигших возраста 14-16 лет. Следует учитывать, что родители несут равные обязанности по воспитанию и финансовому обеспечению детей, которые будут заканчиваться с момента совершеннолетия общего ребенка или приобретения им полной дееспособности, также эти родители обязаны проживать с ребенком, воспитывать его и после развода. А также при установлении

отцовства, если отец старше 16 лет, то он исполняет уход за ребенком и исполняет обязанности по его воспитанию, не заключая брака с матерью.

То есть сама проблема будет заключаться в том, что большинство подростков, которые становятся родителями, например до 16 лет, не имеют опыта и возможности осуществлять уход за ребенком, но что более важно, — обеспечивать его материально.

В этом случае ребенку будет назначаться опекун, но на практике чаще всего опекунами будут являться либо родители одного из несовершеннолетних родителей, либо бабушка и дедушка. Об установлении опекуна говорит пункт 2 статьи 62 семейного кодекса, устанавливающий, что «несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, в случае рождения у них ребенка и при установлении их материнства и отцовства вправе самостоятельно осуществлять родительские права по достижении ими возраста шестнадцати лет».

До достижения несовершеннолетними родителями возраста шестнадцати лет их ребенку назначается опекун, который осуществляет его воспитание совместно с несовершеннолетними родителями ребенка [3].

Рассматривая практику по данному вопросу, я могу предположить, что если оба родителя полностью дееспособны и состоят в браке, к тому же достигли 16 лет, то алименты можно будет взыскать по общим основаниям, так как отец будет отвечать всем требованиям и отвечать за свои действия самостоятельно, платить установленные алименты будет отец ребенка. Здесь можно сказать о том, что если у несовершеннолетнего отца не будет постоян-

ного источника средств, для оплаты алиментов их могут давать ему его же родители, но такие ситуации крайне редки.

В случае, если родители ребенка эмансипированы, но в браке не состояли, тогда факт отцовства будет устанавливаться уже в судебном порядке по общим основаниям, установленным законодательством, с заявлением об установлении отцовства должна будет обратиться мать ребенка. Алименты в данной ситуации также будут взыскиваться с отца ребенка.

Следует также сказать о возможности требовать выплаты алиментов с несовершеннолетнего отца, который не эмансипирован, помимо того, что нужно будет провести процедуру установления отцовства, на это будет требоваться согласие его законных представителей, что усложнит процесс установления алиментов, но если же все пройдет успешно, то в таком случае алименты будут уплачиваться законными представителями несовершеннолетнего отца.

Но возможная проблема в том, что отношения между законными представителями и самим несовершеннолетним отцом не будут настолько хорошими, что они согласятся оплачивать алименты со стороны отца, и у него не будет достаточно средств для выплаты, в таком случае семейный кодекс в пункте 2 статьи 115, устанавливает ответственность за задолженность по алиментам. При образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки [4]. А также этот вопрос регулирует Административный кодекс: по статье 5.35.1, за неуплату алиментов без уважительных причин может взыскаться штраф в размере 20 тысяч рублей [1], но сразу же появляется еще один вопрос: как суд будет устанавливать уважительность неуплаты алиментов, если субъектом будет подросток, то есть достаточно трудным для него будет иметь постоянный достаток, а также учиться, но суд может и указать на тот факт, что работать он может, для минимальной выплаты в пользу ребенка, следовательно все будет зависеть от судьи.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ от (ред. от 06.02.2020) // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ от (ред. от 06.02.2020) // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ от (ред. от 06.02.2020) // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

Данную проблему можно решить, и в России сейчас рассматриваются пути ее решения, одним из наиболее подходящих является создание фонда для выплаты алиментов. На первый взгляд, данный выход поможет разрешить множество ситуаций, когда отец ребенка полностью отказывается оплачивать алименты, даже под натиском государственных органов, которые могут наложить штраф.

Также за злостный факт неуплаты алиментов может грозить и уголовное наказание. Если с учетом всех этих факторов алименты по-прежнему не оплачиваются, то даже то, что может назначаться штраф, и неплательщику грозит уголовное наказание, не значит, что он сразу же начнет их уплачивать. Ситуация осложняется тем, что такими плательщиками могут быть несовершеннолетние лица, о чем я уже говорил выше, поэтому что у них в принципе не может быть средств, а также родители могут отказаться от помощи несовершеннолетнему отцу, то есть сам ребенок может остаться без достаточных средств для обеспечения.

Следовательно, фонд для выплаты алиментов на данный момент — наилучший вариант, законопроект о фонде почти подготовлен и обсуждается с министерством финансов, хотя мнения ученых разделились. Одни считают, что это поможет множеству семейств, оставшихся без отцов, а также несовершеннолетним семьям.

Другие же ученые считают, что законопослушные люди, выплачивая свои налоги и совершая иные выплаты, не должны за свой счет выплачивать средства за отцов и матерей, которые отказываются или скрываются от уплаты алиментов, и предлагают рассмотреть методы решения данного вопроса, которые будут более экономичны.

Подытоживая все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что такая проблема существенна как для обычных семей, так и для несовершеннолетних родителей, и так как обеспечение детей у государства в приоритете, оно должно более подробно рассмотреть и ответственно подойти к решению данной проблемы. Автор статьи согласен идеей создать фонд для выплаты алиментов, в пример можно привести такой орган, который уже создан в Беларуси, и действует по сей день, упрощая выплату нужных средств на обеспечение детей.

Особенности правового статуса квалифицированного инвестора

Биколова Алина Радиковна, студент;

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье проанализированы особенности деятельности квалифицированных инвесторов на российском рынке ценных бумаг. Рассмотрены основные категории квалифицированных инвесторов, преимущества и недостатки предоставляемого статуса.

Ключевые слова: квалифицированный инвестор, правовой статус, рынок ценных бумаг.

В российском законодательстве дефиниция «квалифицированный инвестор» впервые была предусмотрена в 2007 году в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг», где были упомянуты существующие категории квалифицированных инвесторов и требования для приобретения специфического статуса физическим и юридическим лицам. Условия для получения устанавливались также в нормативных актах ранее существовавшей Федеральной Службы по финансовым рынкам России, а в последующем — Центрального Банка.

В настоящее время поле нормативно-правового регулирования составляют азы Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 N 39-ФЗ, в частности ст. 51.2, Указания Банка России, предусматривающие базисные положения: признание таких субъектов в силу закона, требования для получения квалифицированного статуса, которые дифференцированы для юридических и физических лиц [1].

Институт квалифицированных инвесторов в Российской Федерации отличается особенностью: разграничение внутри группы инвесторов не заканчивается, ведь в рамках уже квалифицированных инвесторов существует дифференциация. В частности, статус присваивается либо автоматически на основании Федерального закона «О рынке ценных бумаг», либо при выполнении конкретных требований. Квалифицированных инвесторов в силу закона можно охарактеризовать следующими субъектами: негосударственные коммерческие организации, выступающие в роли посредников на российском финансовом рынке. К их числу принадлежат профессиональные участники рынка ценных бумаг, клиринговые организации, кредитные организации, управляющие компании инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, страховые организации, негосударственные пенсионные фонды; государственные финансовые институты, осуществляющие деятельность на финансовом рынке. Список невелик, конкретнее, это Банк России, государственная корпорация «ВЭБ. РФ», Агентство по страхованию вкладов и «Российская корпорация нанотехнологий», а также Российская Федерация (орган исполнительной власти) в рамках инвестирования средств Фонда национального благосостояния; международные фонды и международные финансовые организации, такие как Мировой банк, Международный валютный фонд.

На основании выше названного закона и Указания Банка России от 29.04.2015 N 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами» физическим лицам для получения особого статуса инвестора необходимо соответствовать одному из пяти критериев [2]:

1. Общая стоимость активов, то есть ценных бумаг во владении, и (или) общий размер обязательств из договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, должно образовывать не менее 6 миллионов рублей.

2. Иметь опыт работы не менее 2 лет в организации, выступающей квалифицирующим инвестором и совершающей сделки с ценными бумагами или заключающей договоры, которые рассматриваются как производные финансовые инструменты, и не менее 3 лет в иных случаях.

3. За последние 4 квартала инвестор должен производить оборот в совокупной доле 6 миллионов рублей, с финансовыми инструментами не реже 10 раз в квартал, но не реже одного раза в месяц.

4. Претендент на статус инвестора должен владеть имуществом на сумму не менее 6 миллионов рублей. Стоит уточнить, что в него входят денежные средства на счетах и во вкладах в банках, ценные бумаги, требования к кредитной организации выплатить денежный эквивалент драгоценного металла по его учетной цене.

5. Наличие образования:

- аттестат о высшем экономическом образовании;
- аттестат ФСФР любой серии;
- квалификационный аттестат аудитора;
- квалификационный аттестат страхового актуария;
- сертификат Chartered Financial Analyst (CFA), или сертификат Certified International Investment Analyst (CIIA), или сертификат Financial Risk Manager (FRM).

В данном пункте следует сделать оговорку, что диплом о высшем образовании необходимо иметь государственного образца и вузом, который на момент выдачи документа осуществлял аттестацию граждан в сфере профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. Полный список необходимых для получения статуса квалифицированного инвестора документов следует уточнить у брокера, поскольку требования различаются в зависимости от основания.

Законодатель не предусмотрел ограничение срока, на который устанавливается статус квалифицированного инвестора физическому лицу. Следовательно, считается, что он действует бессрочно [3]. Важно отметить нюанс относительно юридических лиц, признанных квалифицированными инвесторами. Для них установлено правило об их соответствии условиям, которые ежегодно должны подтверждаться (п. 11 ст. 51.2 Закона № 39-ФЗ). Логично предположить, что рассмотренная норма в случае внесения соответствующих изменений в закон трансформируется и на физических лиц.

Огромным пробелом в правовом статусе можно отметить отсутствие единого реестра квалифицированных инвесторов, а также необходимость подтверждения статуса у каждого брокера отдельно. По данным из списка брокеров, размещенного на официальном сайте Банка России, лицензию на осуществление брокерской деятельности имеет 251 организация. Отметим известных: ВТБ Капитал Управление активами, Тинькофф Инвестиции, ПАО Сбербанк, АО «ИК «Финам», БКС Брокер, Открытие Брокер, ИК «Фридом Финанс».

У квалифицированного инвестора все же есть преимущества. Он считается более опытным и осведомленным, поэтому ему можно доверить более рискованные инвестиции и предоставить доступ к расширенному перечню инвестиционных инструментов. К примеру, такому участнику рынка будут доступны следующие опции: инвестиционные паи акционерных и закрытых паевых инвестиционных фондов некоторых типов (кредитных фондов,

фондов прямых инвестиций, хедж-фондов, фондов особо рискованных (венчурных) инвестиций и некоторых фондов недвижимости); сложные производные биржевые инструменты; некоторые иностранные ценные бумаги (еврооблигации), которые не обращаются в России; короткие позиции; маржинальная торговля; участие в IPO; депозитарные расписки.

Подводя итог, следует выделять следующие особенности функционирования института квалифицированных инвесторов в Российской Федерации:

1. дифференциация квалифицированных инвесторов по закону и по критериям. Разделение последних на физических и юридических лиц и в зависимости от «квалификации» по определенным финансовым инструментам;

2. иерархичность процедуры присвоения статуса квалифицированного инвестора заключается в делегировании государством и Центральным Банком основных функций по признанию инвесторов квалифицированными доверительным управляющим и брокерам. В связи с этим возникают спорные вопросы, касающиеся оппортунизма и злоупотреблений участников рынка при признании инвесторов квалифицированными;

3. ограниченность информации, касающейся услуг, предоставляемых квалифицированным инвесторам, их общего количества и средств переданных, к примеру, в рамках индивидуального и коллективного доверительного управления, не позволяет более детально изучить тенденции функционирования данного института.

Литература:

1. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. № 17. 1996. Ст. 1918.
2. Указание Банка России от 29.04.2015 г. № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами» // Вестник Банка России. № 51. 15.06.2015.
3. Габов, А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011., с. 491.

Проблемы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием кредитных и расчетных карт

Бирюкова Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент;
 Подоляк Иван Романович, студент магистратуры
 Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье авторы пытаются определить теоретические основы процесса расследования преступлений с использованием банковских карт.

Ключевые слова: банковские карты, расследование, преступления.

Достаточно активное развитие науки и технологий в последние годы способствовало проникновению

новых тенденций во все сферы жизни человека, в том числе и в банковскую сферу, что, в свою очередь, породило

появление новых видов преступлений, а также приспособлению уже известных в уголовной практике способов совершения преступлений к новым реалиям жизни.

Преступления, совершенные с использованием банковских карт, занимают в банковской сфере особенное место и при этом являются в наши дни одними из наиболее распространенных. Данный тип преступлений вошел уже вплотную в понятийный аппарат современных ученых-криминалистов, а также криминологов и экономистов, получив свое особенное название «пластиковая преступность», или же «пластиковое мошенничество». Логично предполагать, что это название получено от наименования материала, из которого изготовлены банковские карты.

Несмотря на достаточно устойчивую тенденцию к росту числа уголовных дел, возбужденных по факту преступлений с использованием банковских карт, число дел, успешно закрытых на стадии предварительного расследования, крайне мало.

Статистические данные судебно-следственной практики последних лет говорят о том, что производство по большинству уголовных дел подобного типа просто приостанавливается в связи с некачественно проведенным предварительным расследованием [1]. При этом вся важность раскрытия преступлений, совершенных с использованием банковских карт, выражается в том, что из-за ошибок в действиях правоохранительных органов, порой наносится непоправимый ущерб непосредственно самому имиджу банковской системы.

Сложности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием банковских карт, при этом традиционно вызваны различными факторами, к которым относятся ошибки при производстве некоторых следственных действий, а также элементарное отсутствие у самих следователей достаточного опыта расследования подобных преступлений.

Помимо этого, следователи, которые расследуют данный вид преступлений, порой просто не в полной мере применяют специальные знания, а также уже разработанные частные методики расследования [2].

При этом необходимо отметить тот факт, что криминалистическая характеристика преступления очень важна, поскольку она помогает понять, каким именно образом, а также кто при каких условиях совершает преступления

с использованием банковских карт, а также где именно отображаются следы подобной преступной деятельности и прочее. Как показывает практика, в ходе расследования такие сведения могут быть использованы непосредственно самим следователем, в том числе и для таких задач как выдвижение следственных версий или же планирование действий по их проверке и т.д. Также достаточно важными составляющими криминалистической методики расследования подобных преступлений являются такие элементы как особенности возбуждения уголовных дел, а также типичные следственные ситуации и версии, включая и алгоритмы действий по их разрешению и проверке.

Выдвижение ряда типичных версий по делам о преступлениях рассматриваемого вида реализуется прежде всего с учетом всех особенностей событий преступления, включая способы самого преступного деяния и также личность преступника. Также важным элементом методики по расследованию преступлений, совершенных с использованием банковских карт является тактика проведения непосредственно отдельных следственных действий [3].

Еще один важный элемент методики по расследованию преступлений, совершенных с использованием банковских карт содержит рекомендации по назначению судебных экспертиз. По делам о преступлениях рассматриваемого вида наиболее часто назначаются дактилоскопические, почерковедческие, фоноскопические, технико-криминалистические, а также компьютерно-технические экспертизы и экспертизы материалов и веществ. В рекомендациях чаще всего указывается, какие именно требуется направлять материалы и при этом какие требуется формулировать вопросы с учетом конкретного вида судебной экспертизы.

В завершение анализа проблематики содержания методики расследования преступлений, совершенных с использованием банковских карт, хотелось отметить важный момент, который заключается в том, что положения данной методики безусловно будут совершенствоваться, но при этом несомненный остается факт, что применение содержащихся в такой методике ряда практических рекомендаций позволит сотрудникам правоохранительных органов на достаточно высоком профессиональном уровне расследовать преступления рассматриваемого вида.

Литература:

1. Статистический бюллетень банка России № 3 (334) М., 2021. с. 123.
2. Акимов, В. Е. Методика расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств, совершенных с использованием банковских пластиковых карт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 20 с
3. Филиппов, М. Н. Расследование краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 187 с.
4. Бирюков, В. В., Бирюкова Т. П. Информационные основы расследования преступлений. Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27. № 4 (66). с. 172-177.

Проблемы в расследовании преступлений, совершаемых с использованием кредитных и расчетных карт

Бирюкова Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент;
Подольяк Иван Романович, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье авторы пытаются выявить основные проблемы в расследования преступлений с использованием банковских карт.

Ключевые слова: банковские карты, расследование, преступления.

В настоящее время идея преступлений, совершаемых с использованием банковских карт уже не является новой. В нашей стране преступления данного вида стали регистрироваться в конце прошлого столетия. Их появление было вызвано созданием и дальнейшим бурным развитием инфраструктуры по обслуживанию данной сферы. Ситуация стала меняться, когда произошел резкий рост числа эмитируемых банковских карт.

Безусловным остается тот факт, что популярность и удобство безналичных расчетов привлекают не только пользователей, но и злоумышленников. Преступления с использованием банковских карт на сегодняшний день получает все большее распространение в нашей стране. Существенным отличием такого типа преступления стал тот факт, что они на данный момент представляют собой категорию наиболее сложных и тяжело расследуемых форм преступления для всей банковской отрасли. Данный факт объясняется тем, что подобные преступления выделяются достаточно высоким уровнем латентности [1].

Мастерство преступников в данной области при этом повышается вместе с ростом уровня информатизации граждан страны, при этом все более активно создаются новые методы незаконного завладения чужими средствами.

Рассматривая наиболее известные схемы мошенничества, необходимо отметить один из наиболее распространенных, а именно так называемый «фишинг». Фишинг представляет собой процесс создания поддельных сайтов товаров, услуг, а порой просто онлайн-банков, при этом, как правило используются заграничные домены.

Потерпевший, попадая на подобные сайты, вводит данные банковской карты, которые таким образом попадают в руки преступников. После этого, используя полученные от пользователя данные, мошенники легко снимают деньги с карты потерпевшего.

Помимо этого, достаточно частой стала практика использования рассылки на телефоны. Такой тип рассылок содержит чаще всего данные фишингового сайта или же просто номера, на который требуется перезвонить потерпевшему. Если потерпевший переходит по ссылке, данные с его банковской карты, которые автоматически вводятся в программу онлайн-банкинга, попадают также к преступникам. Также необходимо отметить тот факт, что пре-

ступники достаточно часто специально создают сайты онлайн-магазинов, где стоимость товаров или услуг представлены в диапазоне гораздо ниже, чем у конкурентов. Подобный прием безусловно привлекает часть аудитории потенциально потерпевших. При этом зачастую сами потерпевшие высылают преступникам предоплату за товар или услугу, после чего сайт преступников перестает работать, и обратная связь полностью отсутствует [2].

Также иногда преступникам используется такой прием как непосредственный контакт с жертвой. Мошенники при этом сами звонят потерпевшим, корой представляясь или сотрудниками банков, или другими лицами, и уже в ходе разговора вынуждают потерпевшего подойти к банкомату и перевести деньги на указанный преступниками счет.

Немного менее популярный, но не менее действенный преступный способ — «фарминг». Фарминг представляет собой установку на компьютер потенциальных жертв преступников вирусного программного обеспечения, который мешает работе системы, и на компьютере появляются некоторые сообщения, поверив в которые, жертва для предотвращения последствий переводит денежные средства преступникам.

Здесь важно отметить тот факт, что согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [3], если жертва самостоятельно переводит денежные средства под действием уговора или обмана, с точки зрения законодательства, данный факт квалифицируется как мошенничество.

«Фарминг», «фишинг», а также создание ненастоящих онлайн-магазинов с точки зрения законодательства также расцениваются как мошенничество, а если на банкомат установлено считывающее устройство, то данный факт квалифицируется как кража.

В связи с фактом совершения преступления, необходимо провести ряд оперативных действий, которые помогут дальнейшему быстрому раскрытию преступления. При раскрытии такого типа преступления, как преступление, совершенное с использованием банковских карт, в первую очередь необходима оперативность проводимых следственных действий, а также активное взаимодействие оперативных служб и следователей, включая вопросы

комплексного сбора значимой информации из кредитных учреждений, включая быстрый обмен актуальной информацией между следственными органами, оперативными подразделениями полиции и службами безопасности банков.

При этом главная проблема расследования преступлений с использованием банковских карт состоит в низкой оперативности следственных действий, а также в общей сложности самих схем вывода денежных средств со счетов преступников.

Это обусловлено, прежде всего тем, что номера счетов преступников зачастую зарегистрированы в электронных системах хранения денег, зачастую просто не имеют регистрации. Преступники при этом применяют сим-карты, которые просто не зарегистрированы на действительный паспорт гражданина России. При этом, установить владельца становится просто невозможно. Помимо этого, денежные средства, которые переводятся на счета преступников, могут проделывать достаточно большой путь от первого подставного счета до счета непосредственно преступника. Кроме прочего, ряд необходимых следственных действий, к примеру, таких как направление за-

просов и получение ответа, занимают порой просто много времени.

Все перечисленные факты значительно затрудняет расследование данного типа преступлений. Несмотря на очевидную важность улучшения общего качества и процесса оперативности проведения непосредственно самих следственных действий, направленных на раскрытие преступлений с использованием банковских карт, большое значение также имеет и факт профилактики подобных преступлений [4]. Безусловным является тот факт, что правоохранительными органами должна регулярно проводиться информатизация граждан не только о произошедших фактах совершения подобного рода преступлений, но и обо всех современных и актуальных методах завладения мошенниками денежными средствами, находящимися на банковских картах, а также о том, как можно наиболее эффективно защищаться от преступников. В связи с этим, важность должной организации самого эффективного противодействия рассматриваемым преступлениям, в том числе и криминалистическими методами, является одной из наиболее важных задач правоохранительных органов нашей страны.

Литература:

1. Сухова, А. Р. О способах незаконного получения средств с банковских карт / А. Р. Сухова // Наука, техника и образование. — 2016. — с. 85-86.
2. Табак, И. С. Мошенничество с банковскими картами / И. С. Табак // Современные инновации. — 2018. — № 4 (26). — с. 37-40.
3. Фаина, Ю. П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сети Интернет / Ю. П. Фаина // Вестник Югорского государственного университета. — 2017. — № 1 (44). — с. 117-121.
4. Чалова, М. А. Уголовно-правовая характеристика объекта уголовно-правовой охраны при мошенничестве с использованием банковских карт / М. А. Чалова // Эпоха науки. — 2019. — № 4. — с. 179-181.
5. Бирюков, В. В., Бирюкова Т. П. Информационные основы расследования преступлений. Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27. № 4 (66). с. 172-177.

Судебное нормотворчество в Российской Федерации

Богатыренко Кристина Алексеевна, студент
Пензенский государственный университет

В статье автор проводит обзорный анализ правовых позиций по вопросу судебного нормотворчества в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная власть, высшие судебные органы, судебная практика, судебное нормотворчество.

Общественные отношения, не только в России, но и во всем мире, находятся в процессе постоянного развития. На скорость изменчивости общественных отношений влияют реалии, вызовы и тенденции нашей жизни. Так, сегодня большими темпами развивается масштаб коронавирусной инфекции, что требует от общества и государства принятия соответствующих и без-

отлагательных мер. Вместе с тем, процесс принятия нормативно-правового акта сопряжен со значительными временными издержками, что не всегда позволяет оперативно воздействовать на общественные отношения. Указанное делает актуальным научное осмысление проблем судебного нормотворчества в Российской Федерации.

На особую роль влияния реалий общественных отношений на право обращают внимание Г.А. Гаджиев и Е.А. Войниканис, которые утверждают, что «право не успевает за развитием технологий и социальными изменениями, которые его сопровождают, является известным и интуитивно понятным фактом. Сочетание масштаба и скорости технологических инноваций (которые хорошо иллюстрирует закон Г. Мура об экспоненциальном росте мощности компьютерных устройств) представляет собой серьезный вызов праву, для которого нормой является эволюционное развитие и преемственность» [1].

Одной из форм решения данной проблемы является судебное нормотворчество. П.А. Гук в своём исследовании, посвященном судебному нормотворчеству указывает, что «судебное нормотворчество — побочная деятельность высшего судебного органа, она не постоянна, как законотворчество, а возникает тогда, когда в процессе осуществления своих функций суд сталкивается с пробелом, дефектом в праве или законе, с неконституционным законом, с нормой правового акта, требующей ее толкования. В этих случаях для разрешения спора суд формулирует судебную норму, которая и разрешает спор, и становится дополнительным регулятором общественных отношений с характерными признаками прецедента. Именно в таких случаях включается механизм судебного нормотворчества как необходимый и неотъемлемый элемент правовой системы. Судебные нормы хотя и обладают определенной нормативностью, но сравнивать их с нормами права (закона) не следует, поскольку они содержат нормативные правила к конкретному случаю, распространяются только на схожие случаи и время их действия ограничено принятием новой нормы закона. Такое понимание нормотворчества со стороны высших судебных органов ни в коей мере не нарушает принципа разделения властей, поскольку у каждой ветви власти есть свои, строго определенные, функции нормотворчества. Законодательная власть изменяет, отменяет и принимает законы, исполнительная власть их исполняет, вырабатывает к ним подзаконные акты нормативного характера, судебная власть применяет нормативные правовые акты, создавая в необходимых случаях судебные нормы, выполняя функцию нормотворчества» [2].

М.В. Кучин, определяя основные формы судебного нормотворчества, утверждает, что «основными формами судебного нормотворчества в России выступают нормативные правовые акты и судебные нормативные решения, принимаемые высшими судебными органами, а также санкционируемые Президиумом Верховного Суда РФ судебные обычаи. При этом обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ, представляют собой источник, включающий различные по своей юридической природе нормативные положения и сочетающий качества нормативного правового акта (правоположения, устанавливаемые Президиумом ВС РФ) и судебного обычая (правовые позиции нижестоящих судов, санкционируемые Президиумом ВС РФ)» [3].

В другом своём исследовании М.В. Кучин описывает механизм судебного нормотворчества. Так, «при применении аналогии закона суд распространяет действие нормы на иной круг отношений, нежели предусмотрен данной нормой, т.е., по сути, формирует новое правовое положение, на основании которого выносит решение. При обращении к аналогии права пределы усмотрения суда еще шире и зависят от понимания им общих начал и смысла законодательства и основополагающих категорий естественного права, которые подвергаются разъяснению в преломлении к фактическим обстоятельствам. Обязательность такого толкования ограничена рамками конкретного дела. Иные суды при рассмотрении аналогичных дел юридически не связаны более ранним толкованием. Однако на практике нижестоящие суды обычно стараются придерживаться разъяснений, данных ранее вышестоящими судами, хотя каких-либо законодательных требований по этому поводу нет. Такие разъяснения применяются нижестоящими судами не в силу их обязательности, а в силу авторитетности мнения вышестоящего суда, обладающего правом отмены судебных актов нижестоящих судов. Но подобные разъяснения не могут обладать свойствами нормативности в связи с отсутствием общего характера вырабатываемых правоположений. Этот момент подтверждается, в частности, тем, что в разных регионах может сформироваться различная судебная практика относительно разрешения одной и той же спорной ситуации. Вместе с тем в ряде случаев казуальное толкование, предпринятое судами, выступает в качестве нормообразующего. Прежде всего это относится к разъяснениям норм права, содержащимся в судебных актах, принятых высшими судебными органами при разрешении конкретных дел [4].

М.С. Чунина, определяя феномен судебного нормотворчества в странах романо-германской (континентальной) правовой семьи, приходит к выводу о том, что «акты судебного нормотворчества в разные исторические эпохи выполняли второстепенную роль по отношению к законам (статутам). Вместе с тем высшие судебные инстанции исследуемых государств фактически осуществляют нормотворческую деятельность путем выработки судебной практики и судебных прецедентов коллегиями профессиональных судей и формированием в последующем официальных сборников судебной практики, что позволяет неограниченному кругу лиц знакомиться с новыми прецедентами и использовать их в дальнейшем при решении аналогичных или сходных дел. Это позволяет прежде всего достичь единообразия в применении законодательства и единства судебной практики в целом. В современном правовом пространстве наблюдаются тенденции конвергенции правовых семей, проявлениями которой можно считать использование статутного права в странах общего права и усиление роли судебного нормотворчества в странах континентальной правовой семьи. В этой связи считаем наиболее оправданным использование интегративного подхода к всестороннему из-

учению феномена судебного нормотворчества в правовых системах современности. На сегодняшний день представляется оправданным не выведение общего вектора реализации судебного нормотворчества и использование в качестве адекватной для России модели опыта европейских стран, а разработка собственной концепции судебного нормотворчества, учитывающей исторические особенности отечественной правовой системы, при использовании положительного зарубежного опыта [5].

Таким образом, судебное нормотворчество выступает тем самым инструментом, позволяющим оперативно

нейтрализовать пробелы, дефекты в праве или законе. При этом, стоит дополнительно подчеркнуть, что судебное нормотворчество не отрицает или отменяет теорию разделения властей, что подтверждается многочисленными исследованиями в указанной сфере. Вместе с тем, не смотря на положительные стороны судебного нормотворчества, данная деятельность прямо законодательно не предусмотрена. В целях совершенствования нормативно-правового обеспечения уже сложившихся общественных отношений, существует необходимость закрепления указанной деятельности в праве.

Литература:

1. Гаджиев, Г. А., Войниканис Е. А. Pacing problem и возрождение судебного нормотворчества // Закон. — 2021. — № 6. — с. 122-138.
2. Гук, П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex russica. — 2016. — № 7. — с. 14-27.
3. Кучин, М. В. Формы судебного нормотворчества // Российский юридический журнал. — 2018. — № 3. — с. 9-23.
4. Кучин, М. В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2017. — № 3. — с. 20-35.
5. Чунина, М. С. Феномен судебного нормотворчества в странах романо-германской (континентальной) правовой семьи // Российская юстиция. — 2020. — № 5. — с. 21-24.

К вопросу о лице, находящемся в беспомощном состоянии, как потерпевшем в случае его склонения к самоубийству

Богданов Дмитрий Андреевич, студент магистрант
Тюменский государственный университет

В статье производится анализ таких понятий, как суицид, а также лицо, находящееся в беспомощном состоянии. Обозначаются правовые коллизии, недостатки юридической техники и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: самоубийство, убийство, лицо, находящееся в беспомощном состоянии.

Не секрет, что Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» (далее Закон), законодатель ввел в УК РФ, ряд новых положений, таких как: новая редакция статьи 110 УК РФ, статьи 110.1, 110.2 УК РФ и так далее, тем самым не только устранив существовавшие ранее пробелы в праве, но и поставив перед правоприменительными органами ряд довольно сложных задач, а так же дав правоведам новую почву для научной полемики. Одной из таких задач и стал вопрос о квалификации склонения к самоубийству лица находящегося в беспомощном состоянии.

Любое исследование, независимо от его направления и объема принято начинать с определения понятий, которыми в последующем будет оперировать автор. Такими понятиями в данном исследовании являются суицид

и лицо, находящееся в беспомощном состоянии. Ни уголовно-правовая наука в частности, ни правовая наука в целом не содержат легального определения понятия суицид. Однако, ответ на данный вопрос дает такая наука как суицидология, в которой общепринятым считается следующее определение самоубийства: «добровольное, самостоятельное, осознанное и в достаточной мере саморазрушительное действие, непосредственной и ближайшей целью которого является лишение себя жизни» [1]. Среди прочих, в рамках обозначенной темы исследования, наибольший интерес вызывает такой признак самоубийства как осознанность. Видится весьма логичным в качестве синонима психологического понятия осознанности, то есть понимания субъектом, лишаящим себя жизни, значения и последствия совершаемых действий, их необратимость, назвать его юридический аналог — вменяемость. Под вменяемостью понимается психическое состояние лица, при котором оно способно осознавать общественную опасность своих действий и руководить

ими. Находящихся в данном психическом состоянии, наряду с лицами, не достигшими двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий, принято считать лицами, находящимися в беспомощном состоянии. «Лицо, совершившее самоубийство, обязательно должно быть вменяемым. Если лишает себя жизни лицо, неспособное понимать значение своих действий и руководить ими, то такая смерть не должна относиться к самоубийству» [2], — заключают С. В. Бородин и В. Б. Малинин в своей монографии.

Подводя промежуточный итог, весьма обоснованным кажется вывод о том, что склоняемое лицо, находящееся в беспомощном состоянии не способно совершить самоубийство, так как не способно понимать характер и значение совершаемых с им действий, направленных на лишение себя жизни. Казалось бы, УК РФ предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности в качестве исполнителя лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости, или иных обстоятельств предусмотренных УК РФ. В анализируемой ситуации можно проследить соответствие сразу двум положениям ч. 2 ст. 33 УК РФ. Первым таким обстоятельством выступает положение ст. 8 УК РФ, предусматривающей в качестве основания для уголовной ответственности совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Между тем, уголовный закон не содержит в своей особенной части статьи, предусматривающей ответственность за суицид. В качестве второго обстоятельства выступает беспомощное состояние лица, обусловленное его малолетним возрастом или психологическим расстройством, прямо предусмотренное ч. 2 ст. 33 УК РФ в качестве основания привлечения в качестве исполнителя лицо, совершившее преступление посредством использования малолетнего или невменяемого лица. По мнению Г. Н. Борзенкова, высказанному задолго до принятия Закона: «доведение до самоубийства или склонение к самоубийству малолетнего ребенка или психически больного, не отдающих отчета в своих действиях, следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти и квалифицировать по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ». [3]

Скорее всего, читатель уже задается вопросом, в чем же проблематика квалификации склонения к совершению самоубийства лиц, находящихся в беспомощном состоянии, ведь ученые в большинстве своем сошлись во мнении о квалификации данного деяния по п. «В» ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Помимо доктрины, по данному вопросу имелась судебная практика, так приговором Красносельского районного суда, города Санкт-Петербурга Лебедев был признан виновным в убийстве. Из обстоятельств уголовного дела следует, что осужденный в течение года неоднократно предлагал своей

жене, больной шизофренией, покончить с жизнью самоубийством, что она в итоге и сделала, поскольку жертва находилась в беспомощном состоянии, не обладала силой воли и не руководила своим поведением [4].

Законодатель на этот счет имеет собственное, отличное от доктринального мнение.

Согласно действующей редакции УК РФ, его ч. ч. 3 и 5 ст. 110.1 предусмотрена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства несовершеннолетних лиц, или лиц заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии. Закон, введя в УК РФ ст. 110.1 не только устранил правовой пробел, но и создал коллизию между п. «В» ч. 2 ст. 105 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ.

Представляется, что данный результат является законотворческой ошибкой ввиду спешки законодателя при разработке Закона, ведь, как следует из пояснительной записки к последнему: «Новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены» [5], хотя, в данной статье уже приведены мнения ученых, опередивших законодателя в данной проблеме почти на десятилетие. В поддержку данной точки зрения свидетельствует специфика объективной стороны ст. 110.1 УК РФ, потому как ввиду особенностей склонения, то есть действий, направленных на возбуждение у другого лица желания совершить самоубийство, последнее (склонение) может быть осуществлено только в отношении лица, способного принимать осознанное, волевое решение по лишению себя жизни. Кроме того прошло уже 4 года с момента данных изменений, в течение которых в УК РФ неоднократно вносились изменения и законодатель имел возможность исправить данную ошибку.

Ввиду отсутствия разъяснений высших судебных инстанций, судам не остается ничего иного, кроме как привлекать лиц, виновных в склонении или содействии совершению самоубийства малолетних и лиц, находящихся в беспомощном состоянии по соответствующей части ст. 110.1 УК РФ. В связи с этим можно предложить следующий комплексный путь разрешения данной коллизии. Посредством внесения изменений в УК РФ, исключить коллизионные признаки из ст. ст. 110, 110.1 УК РФ. С учетом разработанности доктрины «встать на новые (правильные) рельсы» судам не представит никакой сложности. Второй частью вышеуказанного комплекса, в целях обеспечения правильного и единообразного применения уголовного закона, видится необходимым внести соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», разъясняющие необходимость квалификации доведения до самоубийства, склонения, или содействия совершению самоубийства несовершеннолетнего, либо лица, находящегося в беспомощном состоянии, повлекшее самоубийство несовершеннолетнего, либо лица, находящегося в беспомощном состоянии, по п. «В» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Литература:

1. Трунов, Д. Г. Определение суицида: поиск критериев // Суицидология. 2016. № 1 (22). с. 67.
2. Бородин, С. В., Малинин В. Б. Убийство — общая характеристика: монография. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. с. 159.
3. Борзенков, Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учебнопрактическое пособие. М., 2008. с. 165.
4. Дело № 2-337. Архив Красносельского федерального районного суда г. СанктПетербурга за 1999 г. Цит. по: Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. с. 162.
5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению»

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере медицины

Бойкова Анастасия Витальевна, студент;

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Конституция Российской Федерации закрепила право каждого свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (часть 1 статьи 34). Право на осуществление предпринимательской деятельности — конституционный принцип и закрепленная правовая норма, предоставляющая любому лицу обеспеченное законом право на ведение предпринимательской или иной не запрещенной законом экономической деятельности. Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Предпринимательская деятельность осуществляется в различных сферах, в том числе, в сфере оказания медицинских услуг. В реализации предпринимательской деятельности в сфере оказания медицинских услуг возникает множество проблем, поэтому актуальность исследования не вызывает сомнений.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, медицинские услуги, оказание медицинских услуг.

Основным нормативным актом в данной сфере, как и в любой другой, является Конституция Российской Федерации, которая установила в статье 7, что Россия является социальным государством, а также закрепила основополагающие права и обязанности. В контексте развития страны и изучения государства как демократического и социального право человека на охрану здоровья перестает быть только личным правом и достоянием. Оно является важной ценностью для страны и всего общества в целом. Особенности права на охрану здоровья и медицинскую помощь заключаются в том, что оно относится к неотчуждаемым правам, принадлежит человеку ещё с его рождения, считается обязательным условием и связано не только с ответственностью страны за сохранение и поддержание здоровья людей, но и в первую очередь с потребностью заботы каждого человека о собственном здоровье.

Предпринимательство является особым видом экономической деятельности, требующим привлечения собственных средств и принятия на себя определенной ответственности и риска. Согласно ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой

риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Основными в данной деятельности являются имущество хозяйствующих субъектов, а также содержание осуществляемых ими имущественных прав.

Сущность предпринимательской деятельности Н. Д. Эриашвили и М. В. Саудаханов раскрывают через выполняемые предпринимателем функции, характеризующие его как: 1) человека, берущего на себя инициативу соединения факторов производства в единый процесс производства товаров и услуг с целью получения прибыли; 2) организатора производства, определяющего стратегию и тактику поведения фирмы и принимающего на себя бремя ответственности за успех их проведения; 3) новатора, внедряющего на коммерческой основе новые продукты, технологии, новые формы организации дела; 4) человека, не боящегося риска и идущего на него ради достижения цели бизнеса.

Состояние здоровья населения в настоящее время является большой проблемой, затрагивающей и медицинские, и правовые, и организационные аспекты, а также все сферы жизнедеятельности человека. То, в каком со-

стоянии находится здоровье населения, показывает состояние общества в целом, уровень развития государства, как политический, так и экономический, а также в целом уровень развития по всем сферам и направлениям. Медицина как неотъемлемая часть политики здравоохранения являет собой комплексную и многофакторную модель, адаптируемую под конкретные общественные и политические интересы реализуемой политики страны. Актуальная задача каждого государства — гарантировать защищенность и безопасность государства, каждого гражданина и общества в целом. Государство должно практически сразу откликаться на любую информацию, которая свидетельствует об опасности государственной защищенности. Качественные медицинские кадры являются главными ресурсами здравоохранения, от подготовки и профессионального уровня которых в значительной степени зависят состояние и перспективное развитие отечественной системы здравоохранения. Следовательно, здравоохранение можно считать жизнеобеспечительной отраслью. Поэтому так важно изучить особенности предпринимательской деятельности в сфере медицины.

Предпринимательство в медицинской сфере является одной из активных сфер жизнедеятельности человеческого общества. К.М. Гулов отмечает, что предпринимательство в сфере медицинских услуг является деятельностью по оказанию медицинской помощи, которая осуществляется в различных организациях здравоохранения [6, с. 171].

М.А. Абасова и Ф.С. Ципнаева справедливо, на наш взгляд, замечают, что государственное регулирование предпринимательской деятельности по оказанию медицинских услуг очень важно, так как потребителю крайне сложно оценить стоимость определенной медицинской услуги, но очень важно наличие у него критериев оценки качества оказания медицинских услуг. Согласимся с авторами, ведь роль государства заключается именно в этом — помочь предпринимателю регулировать определенные аспекты в данной сфере [3, с. 51].

В свою очередь С.В. Агиевец отмечает, что предпринимательская деятельность в сфере медицинской деятельности реализует такое важное направление, как обеспечение населения надлежащими медицинскими услугами. Они должны быть доступными и качественными. Это очень важно в социальном демократическом государстве, поскольку социальная значимость системы здравоохранения играет огромную роль в развитии страны и положительно влияет на статус государства и властных органов, на уровень трудового и экономического потенциала страны [4, с. 34].

В предпринимательской деятельности в сфере медицинских услуг есть множество проблем, связанных с пробелами в законодательном регулировании. Сегодня, в условиях пандемии, эта тема приобретает особую значимость. К примеру, А.Э. Захарова, исследуя деятельность саморегулируемых организаций (далее — СРО), справедливо, на наш взгляд, отмечает, что введение в России ка-

рантинных мер внесло свои коррективы в их работу. Несмотря на то что деятельность СРО в период пандемии не приостанавливалась, саморегулируемые организации не попали под действие мер государственной поддержки в условиях пандемии. В результате они были вынуждены разрабатывать и внедрять новые формы самоуправления в процесс саморегулирования в условиях распространения коронавирусной инфекции. Необходимо согласиться с автором, что переход на новый уровень ведения предпринимательской деятельности невозможен без эффективной государственной политики в данной сфере. Необходимость государственной поддержки и регулирования самозанятых граждан предопределяется рядом факторов и, в первую очередь, экономического характера, связанных с необходимостью вывода таких лиц из «теневое» бизнеса и пополнения казны за счет поступления налогов из дополнительного источника [7, с. 150].

К сожалению, сегодня уровень медицинского обслуживания далек от совершенства, поскольку в этой сфере есть множество проблем: низкий уровень финансирования, повышение цен на медицинские услуги, сокращение числа больниц и поликлиник, снижение качества лечения и медикаментов и др. Также важно отметить, что при рассмотрении данной категории дел у судей нередко возникают затруднения для корректной оценки действий виновных лиц, так как следует учитывать особенности медицинской практики, степень развития медицинской науки и другие факторы.

М.Р. Суворова аргументирует, что проблемное состояние предпринимательской деятельности в сфере здравоохранения связано с проявлением кризисных явлений в российской экономике, дефицитом бюджета, оттоком капитала, коррупцией, несовершенством законодательной базы, а также с недостаточно эффективной системой организации медицинской помощи. Необоснованная замена бесплатных медицинских услуг платными способствует получению дополнительных денежных выплат, но ограничивает право граждан на бесплатную медицинскую помощь, повышает расходы пациентов. Согласимся с позицией М.Р. Суворовой в той части, что государство должно урегулировать этот вопрос на законодательном уровне [8, с. 76].

А.З. Атемова отмечает проблему излишней законодательной зарегулированности предпринимательства в целом. Большое количество нормативных актов препятствуют развитию предпринимательства в сфере медицины. Автор замечает, что частное предпринимательство в медицинской сфере является дополнительным источником финансирования здравоохранения, поэтому государство должно участвовать в данных правоотношениях. Поэтому согласимся с автором, что необходим специальный закон, который бы отдельно регулировал предпринимательство в медицинской сфере [5, с. 248].

Таким образом, правовое регулирование предпринимательской деятельности в медицинской сфере требует комплексного подхода, одновременно учитывающего пу-

бличные и частные интересы. При этом в данной отрасли следует одновременно учитывать как нормы права, так и нормы морали, поскольку затрагиваются вопросы

жизни и здоровья граждан. Необходим специальный закон, который бы отдельно регулировал предпринимательство в медицинской сфере.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Абасова, М. А., Цинпаева Ф. С. Государственное регулирование предпринимательства в сфере медицинских услуг // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2020. № 1. с. 48-53.
4. Агиевец, С. В. Особенности правового регулирования медицинских отношений: состояние и перспективы развития // Человеческий капитал. 2017. № 2. с. 33-36.
5. Атемова, А. З. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в сфере медицины // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 7. с. 244-249.
6. Гулов, К. М. Предпринимательство — основной двигатель экономики // Вестник БГУ. 2020. № 1-1. с. 168-173.
7. Захарова, А. Э. Особенности деятельности саморегулируемых организаций в период распространения коронавирусной инфекции // Правовое обеспечение мер по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики Российской Федерации. 2021. № 1. с. 148-153.
8. Суворова, М. Р. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере оказания платных медицинских услуг в Российской Федерации и в Республике Беларусь // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2017. № 1. с. 74-77.
9. Эриашвили, Н. Д., Саудаханов М. В. К вопросу о сущности предпринимательской деятельности и корпоративных правоотношениях // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. с. 45-49.

Проблемные вопросы иммунитета единственного жилья должника при проведении процедуры банкротства

Борисова Анастасия Михайловна, студент;

Александрова Любовь Вячеславовна, студент

Научный руководитель: Чебоньян Татьяна Гайковна, кандидат юридических наук, доцент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируется проблема обращения взыскания на единственное жилье должника при проведении процедуры банкротства. Авторы анализируют опыт законодательства Российской Федерации и зарубежных стран при попытках разрешения данной проблемы.

Ключевые слова: банкротство, должник, единственное жилье, жилое помещение, кредитор, требования, имущественный иммунитет.

В современной российской практике при проведении процедур несостоятельности физических лиц возникают некоторые проблемные вопросы. Институт банкротства физических лиц, в целом, для российского законодательства довольно новый. Возник он в октябре 2015 года с включением в Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» новой главы X «Банкротство гражданина» [1].

Механизм банкротства гражданина является правовой основой для освобождения должника от требований кредиторов. При этом должник, действующий

добросовестно, должен претерпеть неблагоприятные для себя последствия признания банкротом, выражающиеся, прежде всего, в передаче в конкурсную массу максимально возможного по объему имущества и имущественных прав в целях погашения или частичного погашения требований кредиторов, обязательства перед которыми должником надлежащим образом исполнены не были.

Ключевым вопросом является формирование конкурсной массы и погашение требований кредиторов, так как объем и очередность удовлетворения требований кре-

диторов должника напрямую зависят от ее состава и стоимости.

В порядке реализации имущества должника включение или исключение жилого помещения из конкурсной массы стоит наиболее остро. В основном такая ситуация связана не только с действиями кредиторов, которые принимают различные меры, направленные на продажу имущества должника, но и с недобросовестным поведением самого гражданина-должника [2].

После принятия Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах право на жилище стало частью общепризнанных стандартов в области прав человека [3]. Статья 446 Гражданского процессуального кодекса закрепляет перечень имущества гражданина, которое не подлежит обращению взысканию. К такому относится жилое помещение или его часть, если для гражданина-должника и проживающих с ним членов его семьи это единственное пригодное для постоянного проживания помещение, за исключением случаев, когда оно является предметом ипотеки. Таким образом законодатель практически сформировал абсолютный исполнительский иммунитет единственного жилья, который на практике в некоторых случаях нарушал баланс прав кредиторов и должника [4].

Так недобросовестные должники часто принимали меры, направленные на прекращение права собственности на объекты, подлежащие взысканию по исполнительным документам, и ухудшали свои жилищные условия.

Также в практике судов известны случаи, когда должники, владевшие двумя соседними квартирами, сносили стену между ними, чтобы создать один жилой объект недвижимости, либо продавали несколько квартир и покупали одну более дорогую или при наличии значительной суммы долга приобретали единственное жилье с целью сохранить накопленные деньги в имуществе, после чего обращались в суд в целях прохождения процедуры банкротства.

С выходом Постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П произошел определенный прогресс в сторону уничтожения исполнительного иммунитета единственного жилья. В данном постановлении прослеживается стремление установить баланс между правом должника на жилище и правами кредитора. Конституционный Суд РФ указал, что право собственности на жилище, являющееся для гражданина и членов его семьи единственно пригодным для постоянного проживания, не может рассматриваться как исключительно экономическое право, поскольку оно выполняет социально значимую функцию и обеспечивает гражданам реализацию ряда основных прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ, в связи с чем нельзя полностью лишить человека пригодного для проживания жилья. В то же время соразмерное и пропорциональное ограничение права человека на жилище, которое не умаляет его права на достойную жизнь, с целью установления баланса между

правами должника и кредитора, является приемлемым. А имущественный иммунитет должен распространяться на жилые помещения, которые по своим объективным характеристикам разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилье как необходимом средстве поддержания жизни [5].

В связи с этим законодателю было предписано разработать изменения в законодательство, которое регулирует пределы действия исполнительского иммунитета на единственное жилье должника. В частности, законодателю необходимо было определить критерии, характеризующие достаточный уровень для обеспечения рациональной потребности гражданина-должника, а также членов его семьи в жилье и установить процедуру обращения взыскания на единственную жилую недвижимость должника, которая очевидно превышает критерии. При этом взыскание должно становиться допустимым только на основании решения суда при установлении несоразмерности обязательств и доходов должника при отсутствии другого имущества, на которое возможно обратить взыскание.

Критики считают, что в установленной редакции, Постановление № 11-П будет иметь малозначительный эффект на деятельность субъектов права, так как законодатель не ограничен в сроках внесения изменений, а у правоприменителей до сих пор отсутствуют критерии для исправления дефектной нормы [6].

Показательным является дело Арбитражного суда Удмуртской Республики № А71-16753/2017 о несостоятельности гражданина Стружкина Д. Г. Должник не женат, бездетный, владеет двухкомнатной квартирой площадью 40 квадратных метров. Данная квартира является его единственной жилой площадью. Кредиторы провели собрание с повесткой о включении в конкурсную массу квартиры, взамен предоставив замещающее жилье, площадью немного больше социальной нормы предоставления жилых помещений в регионе. Первоначальное жилье включается в конкурсную массу и выставляется на торги, а из вырученных денег компенсируются расходы спонсирующего кредитора и остаток распределяется между кредиторами согласно установленной законодательством очередности [7].

Судом первой инстанции такое решение собрания кредиторов признано недействительным, так как оно нарушает права должника на жилище, однако судом апелляционной инстанции, а затем и судом кассационной инстанции данное решение было утверждено. Позже, при рассмотрении Гражданской коллегией Верховного Суда РФ данного дела, практика предоставления замещающего жилья не была поддержана. В своем определении Верховный Суд РФ указал на то, что правоприменители не могут самостоятельно устанавливать условия для замещения жилья должника. Было отмечено, что Конституционный Суд РФ в Постановлении № 11-П указал на дефектность нормы и обязал законодательную ветвь власти внести изменения в правовое регулирование, однако пока критериев ограничения имущественного иммунитета

в законодательстве не выработано, суды не обязаны решать вопросы о замещении единственного дорогого жилья более дешевым.

В январе 2021 года на рассмотрении Верховного Суда РФ находилось новое дело, связанное с объединением должником двух смежных квартир в единый объект недвижимого имущества перед обращением в Арбитражный суд для признания себя банкротом и списания долгов. Суд обозначил, что должник в ходе процедуры банкротства может сохранить за собой один объект жилой недвижимости вне зависимости от его размеров и способов получения. Таким образом Верховный Суд РФ прямо указал на невозможность исполнения решения Конституционного Суда РФ до законодательного закрепления механизма реализации ограничения исполнительского (имущественного) иммунитета на единственное жилище.

С целью преодоления позиции Верховного Суда РФ Конституционный Суд РФ вынес Постановление от 26.04.2021 г. № 15-П, в котором дополнил свою ранее изложенную позицию и прямо указал, что отныне суды не имеют право отказывать в ограничении исполнительского (имущественного) иммунитета на единственное жилье ссылаясь на ст. 446 ГК РФ. В данном постановлении был разработан механизм ограничения исполнительского иммунитета, а также указаны случаи полного отказа от иммунитета. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что для ограничения исполнительского (имущественного) иммунитета необходимо, чтобы площадь жилья превышала установленные нормы предоставления жилых помещений по договору социального найма из расчета на должника и членов его семьи и кредиторы были готовы предоставить должнику замещающее жилье в том же поселении, по размерам не менее нормы предоставления жилых помещений по договорам социального найма. При выполнении данных условий суд устанавливает порядок предоставления замещающего жилья с учетом мнения лиц участвующих в деле. Стоит отметить, что Конституционный Суд не вводит конкретной процедуры предоставления замещающего жилья. Соответственно кредиторы не обязаны согласовывать месторасположение в пределах поселения и иные характеристики жилого помещения с должником. В части финансирования покупки объекта кредиторы также свободны [8].

На данный момент судебной практики утверждения процедуры изъятия жилья у должников не выработано. Однако представляется разумным сначала покупать замещающее жилье должнику, а потом продавать тот объект, с которым должник вышел на банкротство. В случае, когда сначала продается жилье гражданина, а на вырученные деньги покупается новый объект, у должника возникает

риск остаться без жилья вовсе в связи с тем, что будет невозможно найти на рынке жилой объект на замену.

Анализируя законодательство в области имущественного (исполнительского) иммунитета на единственное жилье в западных странах наблюдается, как правило, либо полный отказ от такого иммунитета (Испания, Италия, Казахстан, Латвия, Люксембург, Великобритания, Франция, Швейцария, Эстония), либо существенные ограничения иммунитета, выражаемые в изъятии жилого помещения в пользу кредиторов с правом должника на пожизненное проживание в нем, или переселение в жилое помещение по договору социального найма (Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Португалия, Словакия) [9].

Представляется, что подход, согласно которому должник лишается права собственности на единственное жилье, сохраняя за собой право на пожизненное проживание в нем, является наиболее рациональным в части достижения баланса интересов между должником и кредиторами. С одной стороны, кредиторы получают финансовый максимум с должника, хоть и отсрочено, а с другой должник не выселяется на улицу и не утрачивает за собой право на жилище. При этом должник не имеет прав распоряжения этим жильем.

Подход, согласно которому у должника изымается жилье и государство предоставляет ему жилое помещение по договору социального найма для России представляется нереализуемым в силу тяжелой экономической ситуации. Более того, авторы данной статьи полагают, что должники не являются социально незащищенным слоем населения, чтобы государство помогало им решать квартирный вопрос [10].

Полный отказ от исполнительского (имущественного) иммунитета излишний, так как он будет формировать большой пласт лиц без определенного места жительства, что способствует росту социальной напряженности в государстве. Более того, такой подход полностью лишает человека права на жилище, что создает перекося в сторону защиты прав кредиторов.

Таким образом, Постановление № 15-П в комплексной взаимосвязи с Постановлением № 11-П вводят существенные ограничения в части неприкосновенности единственного жилого помещения, что улучшает положение кредиторов и ликвидируют сложившийся дисбаланс в правовом положении сторон. Усматриваются позитивными позиции Конституционного Суда РФ в части ограничения исполнительского (имущественного) иммунитета на единственное жилье должника, формируется судебная практика, направленная на достижение баланса в соотношении права должника на жилище и имущественных прав кредиторов.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28.10.2002 г. — № 43. — Ст. 4190.

2. Исхакова, Р.Д. Проблема исполнительского иммунитета единственного пригодного для проживания жилого помещения должника в процедуре несостоятельности (банкротства)/Р.Д. Исхакова. — Текст: непосредственный // StudNet. — 2021. — № 5. — с. 12-19.
3. Всеобщая декларация прав человека/Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Резолюция 217А (III).
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18.11.2002 г. — № 46. — Ст. 4532.
5. По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 г. № 11-П // URL: <http://www.ksrf.ru>.
6. Грейть, В.В. Иммунитет единственного жилья в свете принятия постановления Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-п/В.В. Грейть, М.Д. Бибикова, У.Б. Хабибуллаев. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2021. — № 5. — с. 83-88.
7. Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2020 N 309-ЭС20-10004 по делу N А71-16753/2017.
8. По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 г. № 15-П // Российская газета. — 2021. — № 98.
9. Будылин, С. Жильё и жульё. Верховный Суд об иммунитете единственного жилья в банкротстве/С. Будылин, Ю. Тай. — Текст: непосредственный // Цивилистика. — 2020. — № 5. — с. 139.
10. Дударова, Д.А. Единственное жилье при банкротстве должника: предоставление иммунитета для роскошного жилья/Д.А. Дударова, Е.С. Якимова. — Текст: непосредственный // Образование и право. — 2021. — № 3. — с. 154-157.

К вопросу о международно-правовом регулировании банковской деятельности и его влиянии на банковскую сферу РФ

Бровкин Владимир Владимирович, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье анализируются международные документы, которые оказали влияние на развитие банковской сферы Российской Федерации. Автор характеризует содержание таких документов и особенности их реализации в России. В результате такого анализа установлено, что процесс внедрения рекомендаций Базель III в нашей стране еще не окончен, что обусловлено как субъективными (неготовность некоторых банков к переходу на новые жесткие стандарты), так и объективными (например, санкции) причинами.

Ключевые слова: банковская сфера, Центральный Банк Российской Федерации, Банк России, базельские стандарты.

Банковское право регулируется широким массивом международных нормативных правовых актов [6, 7, 19, 20]. Проанализируем содержание некоторых из них.

Принятие Международной конвергенции оценки капитала и стандартов капитала, более известной в научной литературе как Базельское соглашение о капитале или Базель I (1988 г.), стало переломным этапом развития банковской деятельности в мире, который начал институциональные изменения на международном уровне. Сначала соглашение было направлено на регулирование деятельности международных банков. Оно было обязательно только для стран-членов Базельского комитета по банковскому надзору. Однако относительная простота и доступность предложенных подходов способствовали ее распространению в мире и к 2004 г. Базельское соглашение о капитале полностью или частично было вне-

дрено почти в 130 государствах, причем в отношении всех банков, независимо от уровня их международной активности.

Международная конвергенция оценки капитала и стандартов капитала. Пересмотренная версия (Базель II), хотя частично и заменила Базель I, однако в ней были сохранены базовые положения последнего. Более того, до июня 2006 г. Базель I оставался действующим в отношении тех принципов, которые не противоречили Базелю II. Если мотивы принятия Базеля I были достаточно понятны — предоставить возможность американским и английским банкам конкурировать на равных условиях с японскими банками, а в целом — предотвратить косвенное субсидирование правительством своих банков путем предоставления гарантий в случае дефолта, то относительно Базеля II выявить мотивы сложнее.

Для стороннего наблюдателя реформы, введенные Базелем II по сравнению с Базелем I выглядят, скорее, как серия прагматичных поправок «по обстоятельствам» и «по требованию», с помощью которых Базельский комитет по банковскому надзору пытался защитить себя от критики со стороны банковского сообщества. В конце концов, это закончилось тем, что ведущие международные банки получили разрешение самостоятельно определять, каким образом за ними должен осуществляться контроль.

На самом деле Базель II намного сложнее, чем Базель I, особенно учитывая освещение «трех опор» — важнейших направлений регулирования достаточности капитала банковских учреждений: обеспечение адекватной капитализации (первая опора), рост роли надзорных органов (вторая опора) и более строгие требования к прозрачности (третья опора), что способствовало повышению не только регуляторной, но и рыночной дисциплины.

Следует отметить, что Базель II получил неоднозначную оценку как отечественных, так и зарубежных экспертов. В основном критике подвергается то, что в Базеле II не учтена динамика изменений в функционировании банковских институтов, постоянно ищущих новых инвестиционных возможностей и способов рефинансирования.

Как утверждают отдельные специалисты, в предложенной Базельским комитетом по банковскому надзору концепции регулирования и надзора за банками имеет место определенное несоответствие между целями пруденциального регулирования и банковского надзора. Основной обязанностью руководства банков, как, собственно, и руководства других компаний, является использование расчетных показателей рисков с целью максимизации капитала своих акционеров. Обязанности органов банковского надзора в этой сфере совсем другие. Их основной задачей является определение (насколько это возможно) «девиантных» институтов, которые подвергают опасности благополучие своих вкладчиков или стабильность финансовой системы, и применение к ним соответствующих корректирующих мероприятий. Таким образом, органам банковского надзора нет смысла вмешиваться в процесс ежедневного управления финансово устойчивых и платежеспособных банков. С другой стороны, те же органы надзора прибегают к принудительным мерам, как только замечают подозрительное поведение банковского учреждения, сталкивается с экономическими трудностями. Следовательно, вопрос заключается не в разработке и внедрении каких-то отдельных подходов к управлению банковскими рисками — это то, что регулятор не способен сделать. По нашему мнению, задача регулятора заключается в обеспечении простых показателей (по сути — системы раннего предупреждения), что предопределяет обстоятельства, при которых он будет иметь право вмешиваться в управление проблемным экономическим институтом [4, с. 26].

Глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. показал, что Базель II не оправдал надежд, которые на него

возлагали как национальные регуляторы, так и общество. В ответ на вызовы глобального финансово-экономического кризиса Базельский комитет по банковскому надзору в декабре 2010 г. принял два документа — Общие регуляторные подходы к повышению устойчивости банков и банковских систем и Международные подходы к оценке риска ликвидности, стандартов и мониторинга, также известные как Базель III. Новые стандарты представляют собой реформу регулирования капитала и ликвидности на международном уровне, направленную на укрепление банковского сектора, повышение его способности переживать финансовые и экономические потрясения, независимо от источника их происхождения, а также на совершенствование банковского регулирования и надзора.

Новая редакция Международной конвергенции оценки капитала и стандартов капитала: новые подходы, получившей название Базель III, содержит ряд документов, правил и рекомендаций, составляющих его основу. Международная конвергенция устанавливает новые минимальные требования к капиталу, новые показатели ликвидности и «леверидж», а также предлагает новые методики и подходы к оценке рисков. Кроме того, документ вводит более жесткие стандарты надзора за банковской деятельностью, в частности повышает требования к раскрытию информации по вопросам управления рисками.

К основным преимуществам Базеля III надо отнести то, что Базельские стандарты должны повышать устойчивость банков и защищать права потребителей финансовых услуг. Предложенный пакет новых правил должен обеспечить стабильность финансовой системы, минимизировать риски и вероятность будущих кризисов, помочь банкам преодолевать экономические и финансовые потрясения без существенной государственной поддержки, что будет способствовать укреплению банковских учреждений в долгосрочной перспективе и повышению доверия к банковской системе со стороны населения.

Следует заметить, что Базель III определяет конкретные сроки внедрения новаций для различных стран, и это является свидетельством того, что разработанные Базельским комитетом по банковскому надзору нормативы перестают быть лишь рекомендациями для мирового банковского сообщества — они являются обязательными требованиями к банковским учреждениям, невыполнение которых предусматривает жесткие санкции со стороны регуляторов [1, с. 76].

Внедрение в российскую правовую систему рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору началось еще в 1991 году [15]. К настоящему времени Базель I в Российской Федерации внедрен в полном объеме. Приведение банковской системы Российской Федерации к требованиям, установленным в Базель II, осуществлялось по следующим направлениям: (1) переход к оценке кредитного риска с использованием подхода на основе внутренних рейтингов [11]. Исследователи отмечают, что большинство российских банков оказались не готовыми к внедрению такого подхода ввиду высокой стои-

мости и трудоемкости соответствующих процедур [3, с. 115]; (2) изменение порядка расчета величины рыночного риска [12] и операционного риска [16, 14]; (3) изменения в организации внутренних процедур оценки достаточности капиталов [9] и т. д.

Несмотря на достаточно полную регламентацию внедрения Базеля II в России, этот процесс был связан с определенными трудностями. В обобщенном виде О.С. Борисов и Е.Н. Кондрат представляют эти трудности следующим образом:

— «относительно небольшое число национальных рейтинговых агентств, а также заемщиков, получивших кредитные рейтинги от международных рейтинговых агентств;

— недостаточный уровень развития систем внутренних рейтингов в большинстве коммерческих банков, значительные расхождения в определениях дефолта, просроченной задолженности и кредитных потерь, применяемых в банковской практике;

— недостаточный объем статистических данных по потерям вследствие кредитного и операционного рисков в распоряжении банков, желающих перейти на переходные подходы к оценке рисков;

— сравнительно малый объем данных по частоте дефолтов и миграции внешних рейтингов рыночных долговых обязательств и внутренних рейтингов банковских ссуд;

— отсутствие или недостаточное количество исследований, посвященных влиянию экономических и отраслевых циклов на уровни потерь и рисков в банковском секторе;

— нехватка финансовых, кадровых и информационных ресурсов, необходимых для внедрения более передовых подходов, как у самих банков, так и у регулирующих органов;

— неясность с объемом полномочий национальных органов надзора в части трактовки и конкретизации отдельных положений Базель II, отнесенных к их компетенции» [2, с. 127].

Несмотря на то, что под влиянием названных проблем в Российской Федерации не удалось осуществить полноценный переход к стандартам Базель II, имплементация Базель III началась еще до такого перехода. Для этого были

разработаны и приняты целый ряд нормативно-правовых актов [8, 10, 13, 18]. Из анализа этих и других нормативных правовых актов Банка России следует, что в нашем государстве установлены более жесткие требования, чем требования Базельского комитета, в целом ряде областей. В частности, текущие нормативы достаточности капитала, установленные Банком России, на 25% выше принятых Базельским комитетом [5, с. 63].

Несмотря на активные действия Российской Федерации по имплементации Базель III полное внедрение этих рекомендаций к 2019 году, как планировалось, не состоялось. Банк России отметил, что итоговый набор регуляторных требований к банкам, включающий в себя все изменения Базеля III, а также пересмотренные подходы к оценке рыночного риска теперь планируется к вступлению в силу с 2022 года [17]. Таким образом, очевидно, что внедрение таких жестких стандартов, которые предложены Базель III является сложным и длительным процессом. И это при том, что ряд требований, обозначенных в Базель III были предусмотрены российским законодателем еще до 2000 года. Так, например, на момент начала имплементации Базель III российские банки имели на своих балансах необходимый размер капитала, стандарты подготовки отчетности также соответствовали базельским стандартам и т. д.

Итак, в результате проведенного анализа пришли к следующим выводам:

— обобщено, что внедрение рекомендаций Базель II и Базель III осуществляется преимущественно нормативными правовыми актами Центрального Банка Российской Федерации. Имплементация указанных стандартов осуществляется в Российской Федерации двумя параллельными процессами;

— установлено, что в Российской Федерации сформирован фундамент для полноценного внедрения рекомендаций Базель III в российскую банковскую систему. Однако окончательно этот процесс еще не окончен, что обусловлено как субъективными (неготовность некоторых банков к переходу на новые жесткие стандарты), так и объективными (например, санкции) причинами. С трудностями при имплементации Базель III сталкиваются и зарубежные государства, что подтверждает сложность и объективную длительность такого внедрения.

Литература:

1. Бондаренко, И. А., Басиладзе Т. П. Об особенностях внедрения международных банковских стандартов банком России/И. А. Бондаренко, Т. П. Басиладзе // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 2. с. 315-323.
2. Борисов, О. С., Кондрат Е. Н. Практика внедрения Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в Российской Федерации/О. С. Борисов, Е. Н. Кондрат // Правовое поле современной экономики. 2016. № 3. с. 112-121.
3. Бризицкая, А. В. Особенности внедрения стандартов третьего поколения по достаточности капитала в банковскую практику зарубежных стран/А. В. Бризицкая // Финансовый журнал. 2015. № 4. с. 114-120.
4. Кахриманова, К. Р. Базельские соглашения и российская банковская система: проблемы внедрения/К. Р. Кахриманова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 1 (17). с. 25-59.

5. Логвиненко, В. Д., Корчагин А. Г. Базельские стандарты в России / В. Д. Логвиненко, А. Г. Корчагин // Теология. Философия. Право. 2017. № 3. с. 59-72.
6. Международная конвергенция оценки капитала и стандартов капитала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dvbi.ru/risk-management/library/token/download/ItemId/21> (дата обращения 13.02.2021).
7. Международная конвергенция оценки капитала и стандартов капитала. Пересмотренная версия [Электронный ресурс]. URL: safbd.ru/sites/default/files/basel.pdf (дата обращения 13.02.2021).
8. О методике определения величины собственных средств (капитала) кредитных организаций (Базель III): Положение Банка России от 28 декабря 2012 года № 395-П // Вестник Банка России. 27 февраля 2013. № 11.
9. О Методических рекомендациях по организации кредитными организациями внутренних процедур оценки достаточности капитала: Письмо Банка России от 29.06.2011 № 96-Т // Вестник Банка России. 2011. № 37.
10. О Методических рекомендациях по разработке кредитными организациями планов восстановления финансовой устойчивости: Письмо Банка России от 29 декабря 2012 г. № 193-Т // Вестник Банка России. 16 января 2013. № 1.
11. О Методических рекомендациях по реализации подхода к расчету кредитного риска на основе внутренних рейтингов банков: Письмо Банка России от 29.12.2012 № 192-Т // Вестник Банка России. 16 января 2013. № 1.
12. О порядке расчета кредитными организациями величины рыночного риска: Положение Банка России от 28.09.2012 № 387-П // Вестник Банка России. 2012. № 66.
13. О порядке расчета норматива краткосрочной ликвидности (Базель III) системно значимыми кредитными организациями: Положение Банка России от 26 июля 2017 г. № 510-П // Вестник Банка России. 31 декабря 2015. № 122.
14. О порядке расчета размера операционного риска: Положение Банка России от 03.11.2009 № 346-П // Вестник Банка России. 2009. № 77.
15. О порядке регулирования деятельности коммерческих банков: Инструкция Банка России от 30.04.1991 № 1 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1195/ (дата обращения 13.02.2021).
16. О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору «Принципы надлежащего управления операционным риском»: Письмо Банка России от 16.05.2012 № 69-Т // Вестник Банка России. 25 мая 2012. № 27.
17. О сроках внедрения Базеля III [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=06022018_120000ik2018-02-06t11_55_45.htm (дата обращения 13.02.2021).
18. О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года: Заявление Правительства РФ № 1472п-П13, Банка России № 01-001/1280 от 05.04.2011 // Вестник Банка России. 20 апреля 2011. № 21.
19. Общие регуляторные подходы к повышению устойчивости банков и банковских систем и Международные подходы к измерению риска ликвидности, стандартов и мониторинга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dvbi.ru/risk-management/library/token/download/ItemId/26> (дата обращения 13.02.2021).
20. Основополагающие принципы эффективного банковского надзора: Информационное сообщение ЦБ РФ от 02.07.1998 // Вестник Банка России. 22 сентября 2005. № 50.

Эффект Греты, или Неизбежная экологизация правосознания нового поколения: самураи с целью

Варлыгина Валерия Георгиевна, студент магистратуры
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматривается рост интереса со стороны гражданского общества к вопросам окружающей среды, в частности увеличения обеспокоенности правового аспекта среди представителей нового поколения.

Ключевые слова: право окружающей среды, гражданское общество, Грета Тунберг, правосознание, молодежь, абсентизм.

Как бы ни хотела определенная часть общества, но тема экологии и прав человека в сфере окружающей среды стремительно набирает обороты и все острее ставит

данные вопросы на повестку дня. Несмотря на то, что проблемы, вызывающие наибольшее беспокойство, в разных странах разные, что более чем объективно в силу раз-

личной степени экологического состояния и развитости правового поля, такая ныне распространенная популярность окружающей среды возникла относительно недавно.

В разные периоды истории преобладали диаметрально противоположные религиозные и философские точки зрения, связанные с взаимоотношениями между людьми и остальной природой. Так чешский правозащитник и государственный деятель Вацлав Гавел однажды сказал: «Спасение этого человеческого мира лежит в человеческом сердце, способности человека размышлять, в человеческом смирении и в человеческом чувстве ответственности... Ответственность — это нечто более высокое, чем моя семья, моя страна, моя компания, мой успех» [1].

Одним из ярких криков гражданского общества можно назвать призыв небезызвестной Греты Тунберг ответить весь мир на неудобные вопросы молодежи. Этот феномен современной Жаны Д»арк в результате привел к публичным извинениям еще тогда занимающей пост канцлера Германии Ангелы Меркель, отставки министра экологии Бельгии Жюке Шовигле, а также номинации школьницы на Нобелевскую премию мира и включения в список 100 самых влиятельных людей планеты в 2019 году по версии журнала Time [2]. Так представитель молодежи выразил недовольство одной из составляющей гражданского общества, которое, в свою очередь, имеет правовые рычаги давления, охраняемые государством, то есть права.

При этом стоит также отметить и тот факт, что сами по себе молодые люди не так активно выражают себя в правовом поле, в частности в Российской Федерации, согласно результатам исследования «Российское «поколение Z»: установки и ценности», которое было проведено немецким фондом имени Фридриха Эберта совместно с «Левада Центром» в 2020 году. Более 80% молодых людей не интересуются либо не имеют четких позиций относительно реализации политики и политической деятельности в целом. Кроме того, процент доверия к государственным институтам также вызывает опасения, что в последствии вытекает в обыкновенный абсентеизм, который сам по себе несет негативный характер для любого государства и юридической экосистемы [3]. Абсентеизм как форма добровольного отказа от участия в политической сфере ставит под сомнение развитие политической жизни целой страны. Его проявление среди основы процветания любого государства, то есть нового поколения, отражается в заторможенности реализации потенциала гражданского общества, формирования органов власти и их функционировании, а также в проявлении агрессивных настроений и низкой политической и правовой культуры [4].

Одной из современных черт молодежного гражданского участия профессор университета Суррея (Великобритания) Мартин Барретт называет сосредоточенность на конкретных проблемах. Такими проблемами для юного поколения на общемировом уровне являются вопросы, касающиеся окружающей среды, нищеты и голода, а на местном — преступность, удобная инфраструктура

и опять же экология. Эти пункты были выявлены в ходе исследовательского проекта «Процессы, оказывающие воздействие на организацию и участие в демократических движениях», что снова и снова подчеркивает ключевую роль молодежи в разрешении большого количества споров, среди которых преобладающую роль занимает окружающая среда, в том числе права человека в отрасли экологического права [5].

Право окружающей среды или международное экологическое право — это совокупность международно-правовых принципов и норм, регулирующих международные экологические отношения между субъектами международного права, т.е. отношения по поводу охраны окружающей среды, рационального природопользования, обеспечения экологической безопасности и обеспечения соблюдения экологических прав человека [6].

Экологические права человека стали результатом экологизации регулирования международных отношений. Процесс экологизации культуры, а впоследствии и права можно назвать передовым направлением политики наряду с технологическими и инновационными решениями для соответствия тем же экологическим целям концепции устойчивого развития ООН [7]. В настоящее время одним из главных источников экологических прав является Орхусская конвенция 1998 года. Данная конвенция содействует защите прав каждого человека как нынешнего, так и будущих поколений жить в окружающей среде, благоприятной для здоровья и благосостояния [8]. К экологическим правам человека относится право на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию о ее состоянии и право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Молодежь, как отдельная социально-демографическая группа, является преобладающим звеном в осуществлении и выявлении пробелов в законодательстве в реализации прав и обязанностей человека и гражданина. Управление Верховного комиссара по правам человека в своем докладе о молодежи и правах человека акцентировало внимание на тех сложностях, которые молодые люди испытывают при реализации своих прав в разных сферах жизни [9]. Отсюда можно сделать вывод о том, что данное положение неудивительно, ведь именно эта категория людей способна стать и становится движущей силой в экологическом право- и нормотворчестве, но при этом со стороны государства молодежи должны быть предоставлены все необходимые инструменты для реализации своих инициатив с обязательным внесением объективных корректировок от мастодонтов права окружающей среды.

Наблюдается неизбежная институционализация экологической проблематики при непосредственном расширении полномочий участия молодого поколения и государственной руки. Более того идеология экологизма все больше проявляется среди и зрелого населения, но которое не имеет того запаса времени для реального влияния на действительность, чем, в свою очередь, располагают потомки.

Литература:

1. По следам Вацлава Гавела. — Текст: электронный //: [сайт]. — <https://www.visitczechrepublic.com/ru-RU/cd337b98-d551-497e-bf46-89796df380c5/article/n-vaclav-havel-footsteps> (дата обращения: 23.11.2021)
2. BBC News. — Текст: электронный //: Официальный сайт: [сайт]. — <https://www.bbc.com/russian/news-50742196> (дата обращения: 23.11.2021)
3. «Российское «поколение Z»: установки и ценности. — Текст: электронный //: [сайт]. — <https://russia.fes.de/proekty> (дата обращения: 23.11.2021)
4. Самаркина, И. В., Логунова В. П. Абсентеизм молодежи как форма политического участия // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. — Текст: электронный //: [сайт]. — <https://cyberleninka.ru/article/n/absenteizm-molodezhi-kak-forma-politicheskogo-uchastiya> (дата обращения: 23.11.2021)
5. Processes Influencing Democratic Ownership and Participation (PIDOP), European Commission, 7th Framework Programme. — Текст: электронный //: [сайт]. — <http://www.pidop.surrey.ac.uk/> (дата обращения: 23.11.2021)
6. Валеев, Р. М. Международное экологическое право/Р. М. Валеев. — Москва: Статут, 2012. — 347 с.
7. UN. — Текст: электронный //: Официальный сайт: [сайт]. — <https://www.un.org/> (дата обращения: 23.11.2021)
8. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция). — Текст: электронный // ЕЭК. Официальный сайт: [сайт]. — https://www.unesco.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/2015/Aarhus_Convention_Implementation_Guide_R.pdf (дата обращения: 23.11.2021)
9. Управление Верховного комиссара по правам человека. — Текст: электронный // Официальный сайт: [сайт]. — <https://www.ohchr.org/RU/Pages/Home.aspx> (дата обращения: 23.11.2021)

Проблемы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в Российской Федерации

Васин Максим Викторович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор проводит обзорный анализ действующего законодательства по вопросу уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в Российской Федерации, а также имеющихся проблем уголовно-правовых средств борьбы с коррупционными преступлениями.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, уголовно-правовые средства борьбы с коррупцией, уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве, посредник.

Посредничество во взяточничестве является одним из самых опасных проявлений коррупционной преступности, так как значительным образом затрудняет выявление коррупционных проявлений. Кроме того, посредничество во взяточничестве может фактически свидетельствовать об организованной коррупционной преступности. Вместе с тем, несмотря на особую общественную опасность посредничества во взяточничестве, эффективность уголовно-правовых средств сдерживания данного вида преступления вызывает на практике ряд проблем и противоречий.

В. И. Михайлов, подчеркивая серьезность угроз коррупции для государства и общества, указывает, что «Конвенция ООН против коррупции 2003 г., отмечая связь между коррупцией и организованной преступностью, отмыванием денежных средств и другими формами преступности, относит коррупцию к числу угроз стабильности, безопасности и правопорядку не только для конкретных стран, но в целом для мирового сообщества и призывает

государства использовать в борьбе с коррупцией контролируемые поставки, электронное наблюдение, агентурные операции и другие специальные мероприятия, а также обеспечить условия для того, чтобы сотрудники правоохранительных органов и спецслужб могли выполнять свои функции эффективно и без какого-либо ненадлежащего влияния, обладали надлежащей квалификацией и ресурсами для выполнения своих задач. Представляется, что к «ненадлежащему влиянию» относится негативное влияние, которое оказывает на профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных органов и спецслужб рассогласованность правовой основы их деятельности. В названной Конвенции также подчеркивается необходимость использования для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней всеобъемлющего многодисциплинарного подхода» [1].

Л. В. Глазкова приходит к выводу, что «и профессиональная, и экономическая, и коррупционная преступ-

ность, составляющие ядро организованной преступности, не могли бы существовать и развиваться без содействия сонма бухгалтеров, финансистов, юристов и банкиров, помогающих не только в совершении конкретных преступлений, но и в легализации незаконных доходов, в совершении финансовых операций и различных сделок, направленных на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом, добытыми преступным путем. В результате массового взаимодействия криминальных и околокриминальных интересов складываются системы теневого характера, направленные на обслуживание организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций). Внутри этих систем различные виды преступности взаимодействуют как между собой, так и с обществом, влияя на общественное сознание населения и насаждая криминальную идеологию и преступные формы поведения» [2].

Как справедливо указывает К. С. Куц «анализируемая статья 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве» состоит из пяти частей, четыре из которых, предусматривают основной, квалифицированный и особо квалифицированные составы посредничества во взяточничестве, в то время как ч. 5 ст. 291.1 УК РФ регламентирует ответственность за самостоятельный состав преступления — обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Это стало абсолютной новеллой для российского уголовного закона. Данная норма устанавливает ответственность за обнаружение умысла на совершение посреднических действий в будущем, соответственно, если посредник реализовал свой преступный умысел, то есть сдержал данное ранее обещание и способствовал передаче предмета взятки, то он будет отвечать по ч. 1-4 ст. 291.1 УК РФ. В свою очередь, если обещание или предложение осталось невыполненным, подлежит применению ч. 5 ст. 291.1 УК РФ» [3].

М. О. Лепихин указывает, что «необходимость наличия в Уголовном кодексе статьи, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве, аргументируется рядом ученых тем, что так называемое «физическое посредничество» во взяточничестве не в полной мере подпадает под определение пособничества, согласно которому ранее квалифицировались действия посредника. Выступая в качестве «физического» посредника, лицо фактически предоставляет взяткодателю или взяткополучателю свои услуги в качестве способа перемещения предмета взятки. Пособником же в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также

лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы» [4].

С одной стороны, введение в Уголовный кодекс Российской Федерации указанного состава позволило нейтрализовать имеющиеся проблемы, связанные с квалификацией действий посредника во взяточничестве, но, с другой стороны, возникли новые проблемы, к примеру на практике зачастую возникают сложности квалификации посредничества при незначительном размере взятки.

К данной проблеме также обращаются М. А. Соколов М. А. и Д. А. Мелешко Д. А., которые приходят к выводу, что «посредничество во взяточничестве может быть признано преступлением лишь в тех случаях, когда размер предмета взятки является значительным, т. е. превышает двадцать пять тысяч рублей. Посредничество в даче или получении взятки в «мелком размере» (до десяти тысяч рублей) и в «незначительном размере» (от десяти до двадцати пяти тысяч рублей) уголовно не наказуемо. В равной мере это правило применимо для целей уголовно-правовой оценки посредничества во взяточничестве при наличии квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных ч. ч. 2 и 3 ст. 291.1 УК. Иными словами, наличие таких обстоятельств (например, совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения или организованной группой) не отменяет обязательность констатации криминообразующего признака состава преступления — значительности размера предмета взятки, что можно наблюдать на примере конкретных судебных решений» [5].

М. С. Кочина предлагает решение данной проблемы: «проблему предмета посредничества во взяточничестве следовало в УК РФ решать так, как она разрешена применительно к составам получения взятки (ст. 290) и дачи взятки (ст. 291), т. е. признать посредничество во взяточничестве основанием для уголовного преследования безотносительно к размеру взятки. В противном случае на фоне криминализации формально любого факта получения или дачи взятки легализуется декриминализация отдельных фактов посредничества во взяточничестве» [6].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости актуализации правового регулирования уголовно-правового противодействия коррупционным проявлениям. При этом большое количество проблем борьбы с данным видом преступления уже были исследованы в доктрине и могут быть основой для дальнейшей законодательной регламентации.

Литература:

1. Михайлов, В. И. Согласование запретов и дозволений, установленных в целях противодействия коррупции, как междисциплинарная проблема // Журнал российского права. — 2021. — № 6. — с. 117-130.

2. Глазкова, Л.В. Взаимодействие систем организованной преступности и коррупции // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 7. — с. 77-86.
3. Куц, К.С. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации // Молодой ученый. — 2018. — № 7 (193). — с. 130-133.
4. Лепихин, М.О. Посредничество во взяточничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 4. — с. 110-116.
5. Соколов, М.А., Мелешко Д.А. Вопросы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. — 2019. — № 8. — с. 54-58.
6. Кочина, М.С. Посредничество во взяточничестве: история законодательства и практики противодействия // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 4. — с. 117-123.

Проблемы борьбы с коррупционной преступностью в Российской Федерации

Васин Максим Викторович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Автор статьи проводит обзорный анализ действующего законодательства по вопросу противодействия коррупции в Российской Федерации, а также имеющихся проблем уголовно-правовых средств борьбы с коррупционными преступлениями.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, уголовно-правовые средства борьбы с коррупцией.

Современные реалии общественных отношений можно характеризовать важной тенденцией — реактивным развитием общественных отношений во всех сферах жизни. Особенно динамично данная тенденция проявляется в период распространения коронавирусной инфекции, а также общемировым кризисом. Вслед за развитием общественных отношений развитие получают новые коррупционные схемы и способы, что требует от государства и общества соответствующих мер противодействия. Вместе с тем, сегодня, право значительным образом отстает от регулирования, ушедших далеко вперед, общественных отношений. Анализ существующих реалий позволяет констатировать наличие необходимости реформирования системы борьбы с коррупцией, что и предопределило тему исследования.

Кроме того, Куракин А.В. и Сухаренко А.Н. в своём исследовании приходят к выводу, что «эффективная борьба с коррупцией требует качественной работы всего госаппарата, надлежащего международно-правового сотрудничества, тесного взаимодействия с институтами гражданского общества и частным сектором, а также политической воли. Разрушительные последствия пандемии коронавируса, требующие значительных финансовых затрат государства, обуславливают необходимость результативной антикоррупционной работы и подчеркивают важность адекватного госуправления в целом» [1].

Таким образом, в условиях развития коронавирусной инфекции, в условиях бюджетного дефицита и предстоящих трат на восстановление экономики страны, общественная опасность коррупционных преступлений значительным образом возрастает, что также свидетель-

ствует о необходимости пересмотра всей системы борьбы с данным видом преступности.

Начало любого реформирования необходимо начинать с научного осмысления проблем и противоречий между существующими общественными отношениями и действующими нормативно-правовыми актами. В доктрине права ведутся многочисленные исследования проблем борьбы с коррупционными проявлениями. Так, А.А. Амосова приходит к выводу, что «имеют место проблемные законодательные решения по уголовно-правовой регламентации ответственности за получение взятки. Речь идет о криминализации этого деяния, дифференциации уголовной ответственности за него и пенализации, в конечном итоге предопределяющих индивидуализацию наказания. Законодатель в данном случае сформировал некоторые спорные позиции: например, предусмотрел одинаковые санкции за получение и дачу взятки в крупном (ч. 5 ст. 290 и ч. 4 ст. 291 УК РФ), в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 и ч. 5 ст. 291 УК РФ). Не совсем понятна и идея с включением в кодекс ст. 291.2, в которой установлены равные пределы наказания за получение, дачу «мелкой» взятки и посредничество в этом. Кроме того, возникают определенные вопросы по редакции ст. 46, ч. 4-6 ст. 200.5, ч. 5-8 ст. 200.7 УК РФ» [2].

В.М. Зенцова утверждает, что «статья 304 УК РФ не является эффективной уголовно-правовой конструкцией, поскольку состав, изложенный в диспозитивной части нормы, по содержанию и логической форме не соответствует названию указанной статьи. Нелогичное описание элементов состава создает непреодолимые препятствия к доказыванию факта провокации преступления. В диспозиции исследуемой статьи провокацией взятки назы-

вается попытка передачи должностному лицу без его согласия денег, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа. Закрепленное в тексте статьи словосочетание «попытка передачи» исключает возможность привлечения сотрудников правоохранительных органов к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 304 УК РФ, в случае если должностное лицо, действующее в условиях провокации, приняло денежные средства или иное имущество» [3].

М. Г. Решетняк выявляет следующую проблему: «В частности, обратим внимание на различия в регламентации ответственности за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Если из диспозиции ч. 1 ст. 201 УК РФ следует, что виновное лицо использует свои полномочия вопреки законным интересам организации, в которой оно работает, то в диспозиции ч. 1 ст. 285 УК РФ говорится об использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы в целом. Следовательно, в случаях, когда лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, используя свои полномочия, умышленно причиняет существенный вред другой организации, гражданам, обществу или государству, но действует в рамках законных интересов своей организации, содеянное им формально не образует состав преступления, предусмотренный ст. 201 УК РФ. Также отметим отсутствие юридико-технического единства при описании общественно опасных последствий злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ): в первой из данных уголовно-правовых норм этот признак основного состава преступления обозначен через указание на причинение существенного вреда правам и законным интересам, а во второй норме — через указание на существенное нарушение законных прав и интересов. По нашему мнению, последние законодательные различия хотя и не являются существенными, однако они также не способствуют формированию единообразной практики по уголовным делам о данных преступлениях» [4].

О. В. Кочкина и Е. А. Дроздова Е. А. утверждают, что «эффективность средств по противодействию кор-

рупции зависит от большого количества факторов, одним из которых является четкое, единообразное определение незаконных действий. Эффектом антикоррупционной направленности могут быть наделены ограничения, обязанности, запреты, которые не имели прямого отношения к антикоррупционным (например, соблюдение законодательства Российской Федерации). Примечательно, что в научной литературе акцентируется внимание на том, что законодательством о государственной службе закреплены определенные требования к служащим, которые в законодательстве о противодействии коррупции уже отнесены к запретам. Многообразие ограничений, запретов, требований и обязанностей антикоррупционного характера необходимо систематизировать и классифицировать, так как рассматриваемое направление можно отнести к разряду сложных, обусловленных спецификой и особенными условиями» [5].

О. А. Маркова и М. С. Кошелев приходят к выводу, что «большие расхождения в трактовке коррупции имеются и между государствами, и между международными организациями, что затрудняет работу по противодействию коррупции. Широкий спектр научных подходов к определению понятия «коррупция» пока не находит своего отражения в действующем законодательстве, раскрывающем коррупцию в основном через совокупность отдельных составов правонарушений. Однако предусмотреть исчерпывающий перечень коррупционных деяний вряд ли возможно, поскольку разновидности коррупционной деятельности постоянно совершенствуются, меняются в зависимости от средств противодействия. Многие проявления коррупции не рассматриваются как коррупционные правонарушения. В качестве примера можно привести «коррупционные проявления в деятельности соответствующих должностных лиц» (например, коррупционный протекционизм, коррупционный фаворитизм, nepotизм и иное злоупотребление властью)» [6].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости актуализации правового регулирования уголовно-правового противодействия коррупционным проявлениям. При этом большое количество проблем борьбы с данным видом преступления уже были исследованы в доктрине и могут быть основой для дальнейшей законодательной регламентации.

Литература:

1. Куракин, А. В., Сухаренко А. Н. Противодействие коррупции в условиях пандемии коронавируса // Российская юстиция. 2021. N 1. с. 58-60.
2. Амосова, А. А. Дифференциация уголовной ответственности за получение взятки и пенализация данного посягательства — «криминальный парадокс» цивилизованного общества // Российский следователь. 2021. N 5. с. 42-46.
3. Зенцова, В. М. Провокационно-подстрекательская деятельность сотрудников правоохранительных органов по делам о взяточничестве // Адвокатская практика. 2020. N 1. с. 10-15.
4. Решетняк, М. Г. Актуальные проблемы соотношения уголовно-правовых мер противодействия коррупции в частной и публичной сферах в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2021. N 4. с. 34-38.

5. Кочкина, О. В., Дроздова Е. А. К вопросу о противодействии коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. с. 47-49.
6. Маркова, О. А., Кошелев М. С. Проблемы организации профилактики коррупции в государственных органах // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 11. с. 39-44.

Проблемы квалификации похищения человека как преступления, посягающего на свободу личности

Вейнберг Людмила Юрьевна, юрист частной практики (г. Краснодар)

В обязанности любого государства, в том числе и Российской Федерации, вся нормотворческая доктрина которой сводится к превознесению человека, с его свободами и правами, входят сбережение и преумножение граждан, создание благоприятных и безопасных условий для их развития, жизни и здоровья посредством корректного функционирования правовых механизмов и инструментов. В равной степени это касается и проведения квалифицированных расследований преступлений, связанных со свободой личности. В настоящей статье проанализированы основные проблемы квалификации похищения человека, как противного праву деяния, покушающегося на свободу личности.

Ключевые слова: свобода личности, преступление, проблемы квалификации, похищение человека.

Problems of qualifying kidnapping as a crime infringing on personal freedom

The duties of any state, including the Russian Federation, whose entire rule-making doctrine boils down to the exaltation of man, with his freedoms and rights, include the preservation and multiplication of citizens, the creation of favorable and safe conditions for their development, life and health through the correct functioning of legal mechanisms and instruments. This applies equally to the conduct of qualified investigations of crimes related to personal freedom. This article analyzes the main problems of the qualification of kidnapping as an act contrary to the law, encroaching on the freedom of the individual.

Keywords: personal freedom, crime, qualification problems, kidnapping.

В современном международном сообществе Россия объявила себя демократическим правовым государством, высшей ценностью которого признается «человек, его права и свободы» [6]. Гарантом признания, исполнения, а также защиты прав и свобод человека и гражданина, равно как и индивидуальные права каждой личности «на свободу и неприкосновенность как неотъемлемое и неотчуждаемое право человека, принадлежащее каждому от рождения» [6], определена отечественная Конституция.

При этом «реализация права на свободу и личную неприкосновенность предполагает осознанный и по своей воле выбор лица, в каком месте находиться и на протяжении какого временного отрезка» [8, с. 105], что подтверждают работы А. А. Лукьяновой, то есть любое принуждение исключается.

Международные нормативно-правовые акты, в частности: Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Всеобщая декларация прав человека, иные схожие по содержанию национальные и международные акты, также согласуются с отечественной точкой зрения о всемасштабной (общемировой) значимости таких понятий

как человеческая свобода и жизнь, о чем указывает их содержание.

В обязанности государства, в числе прочих, входят сбережение и приумножение населения, создание благоприятных и безопасных условий для его развития, жизни и здоровья посредством грамотных функциональных правовых механизмов и инструментов, поскольку залогом процветания и роста государства, бесспорно является, процветание его жителей.

Между тем происходящие в стране социально-экономические и политические реформы и потрясения, в том числе смена властных структур, изменение, либо полное нивелирование курса страны и переход к иной модели функционирования, порождает волнение в общественных структурах и обострение криминальной обстановки.

Применительно к нашей теме исследования это выражается в росте корыстно-насильственных преступлений и преступлений, посягающих на личность, в частности похищение человека.

С развитием товарно-рыночных отношений человеческая жизнь постепенно утрачивает свою самостоятельную ценность, становясь предметом торга и обога-

щения людей, не отягощенными моральными терзаниями. Россию данный вид преступления также не обошел стороной.

Следует отметить, что в отечественном нормотворчестве вопрос о первых упоминаниях похищения человека как вида преступления вызывает немало дискуссий, разделив ученых-цивилистов, занимающихся исследованием данного обстоятельства на два противоположных лагеря.

Одни исследователи полагают, что «русичи» встречались и боролись с похищением людей еще с глубокой древности. К примеру, по словам Д. И. Петряйкина: «уголовная ответственность за данное деяние была установлена уже в «Русской Правде», а Е. В. Ушакова, ссылаясь на материалы XIX в., пишет о давности существования в российском уголовном праве понятия «похищение человека» [3, с. 35].

Ряд исследователей высказывают мнение, в частности Е. Н. Трикоз, о том, что исследуемый в настоящей статье вид преступления начал свое существование лишь после введения в 1993 г. Уголовного кодекса РСФСР (далее УК РСФСР), а именно после включения в него положений ст. 125.1.

Анализ исторической нормотворческой литературы показал, что, первые нормы права, которые затрагивали похищение человека, содержались еще в «Русской Правде» (ст. 29) и касались похищения холопа, причем ответственность за данное преступление в виде выплаты штрафа была в два раза выше, чем за его убийство. Полагаем, что все же речь в данном случае идет о похищении собственности (холопа) у хозяина, поскольку в то время жизнь холопа, по сути, была обесценена. Между тем норм о защите личной свободы человека данный памятник русского права не содержал.

Воинский Артикул 1715 г. включал такую норму: «Ежели кто человека украдет и продаст, оному надлежит, ежели докажется, голову отсечь» [3, с. 38]. Указанное утверждение дает нам основание полагать, что по крайней мере в 1715 г. уже существовала как минимум, одна известная официальная норма, регулирующая защиту физической свободы человека вне зависимости от пола и ответственность за подобное преступление.

Позднее свое развитие норма о похищении получила в отечественном нормотворчестве лишь в XIX–XX веках в таких нормативных актах, как: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., УК РСФСР, УК РФ. В современном же законодательстве, в частности в УК РФ, исследуемая норма отражена в ст. 126, которая так и именуется — «Похищение человека» [16].

Следует отметить, что положительной тенденцией развития и регламентации мер уголовной ответственности за рассматриваемый нами вид уголовного преступления является постепенное снижение динамики его совершения. Так, И. И. Крапива, в своих трудах, приводит следующую статистику преступлений, связанных с похищением человека: «в 2006 г. было зарегистрировано 994 факта

похищения человека, в 2007 г. — 837, ... в 2013 г. — 442, ... в 2019 г. — 351, в 2020 г. — 411» [7, с. 230]. Причем рост подобных преступлений в 2020 г. обоснован серьезным всплеском социально-экономических и политических изменений, происходящих не только в России, но и на международной арене в целом.

В настоящей статье мы предлагаем исследовать проблемы квалификации похищения человека, как покусившееся на личностную свободу преступное деяние.

«Похищение человека и его незаконное лишение свободы являются наиболее типичными и распространенными преступлениями, посягающими на физическую свободу личности, предполагающую возможность беспрепятственно выбирать место своего нахождения, определять продолжительность последнего, а также направление и способ дальнейшего передвижения» [11, с. 123], считает А. В. Саранов.

Основными проблемами квалификации исследуемого преступления являются: отсутствие конкретного определения похищения человека, сложности с объективными и субъективными признаками состава данного преступления, разграничение данного преступления от иных подобных.

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, регламентирующегося главой 17 УК РФ, выступает личность.

Непосредственным объектом является личная физическая свобода лица (возможность самостоятельно передвигаться и определять свое место пребывания по собственной воле без любого принуждения). Как факультативный объект преступления можно рассматривать жизнь и здоровье человека.

В качестве субъекта похищения по исследуемому преступному деянию рассматривается любое вменяемое физическое лицо, возраст которого на момент совершения преступления определен не ниже 14 лет. Субъективная сторона преступления, в свою очередь, выражена прямым умыслом (преступник осознает свои действия и нацелен на получение результата, несущего опасность для общества).

Потерпевшим может выступать абсолютно любое живое лицо. При этом ни пол, ни возраст, ни гражданство не имеют приоритетного значения. При этом статистика указывает, что потерпевшими, как правило, выступают: «мужчины — 58,4%, со средним профессиональным образованием — 71,3%, работоспособные, в возрасте от 18 до 45 лет — 81,8%, указывают на цель их удержания, способы, механизм преступлений. В ситуациях, предполагающих сексуальную эксплуатацию, потерпевшими в 83,3% случаев были женщины» [5, с. 163].

Полагаем, что интересной информацией является то, что «исследование уголовных дел по похищению человека показывает, что возрастной ценз преступников мужского пола имеет три возрастные группы: 20–35 лет составляет 56,2%; 36–45 лет — 37%; 46–55 лет — 6,8%, при этом возраст женщин, участвующих в похищении, можно раз-

делить на две возрастные группы: от 16 до 18 лет — 24% и от 19 до 45 лет — 76%» [1, с. 164-165].

Следует отметить, что легитимное понятие «похищение человека» в действующем уголовном законе отсутствует, что теоретиками и практиками признается существенной проблемой, поскольку затрудняет квалификацию указанного преступления. Указанное корреспондирует к нормам УК РФ, в частности статьям 3, 8, 14, предусматривающими приоритет уголовного закона в установлении «преступности и наказуемости деяния».

Между тем, определить данное понятие нам помогает п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 (далее Постановление № 58): «под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют» [15].

Из указанного следует, что объективная сторона похищения человека определяется тремя характерными действиями:

- 1) «завладение человеком (его захват);
- 2) перемещение его в другое место;
- 3) последующее удержание человека помимо его воли» [4, с. 40].

Причем согласно определению похищения, данному в Постановлении № 58, указанные действия должны совершаться в обязательном порядке друг за другом (последовательно), о чем пишет и А. Н. Хоменко в своих исследованиях, указывая, что: «на совокупность действий в определенной последовательности в окончанном похищении человека указывает союз «и», а также слово «последующее» перед словом «удержание» [13, с. 36].

При этом захват, в более широком смысле, включает «завладение человеком путем установления физического господства посредством применения насилия к потерпевшему или психологического воздействия» [2, с. 164].

Перемещение представляет собой перевозку (транспортировку) из обычного местопребывания в иное место, как с использованием транспортного средства, так и без него.

Причем, Г. А. Решетникова указывает, что, в случае, когда «перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием и, к примеру, прерванное на этой стадии, оно не образует окончанного похищения человека, а является неоконченным преступлением (приготовление к похищению человека)» [10, с. 139].

Наконец, под удержанием, понимается «физическое либо психическое воздействие на потерпевшего, препятствующее свободному с его стороны оставлению места пребывания» [2, с. 164].

Следует упомянуть и о многообразии мотивов и целей, побуждающих субъекта похищения совершать подобное преступление (например, корыстные побуждения, иные), а также о способах и инструментах похищения (ненасиль-

ственные, насильственные; реализованные путем обмана или злоупотребления доверием, когда сам потерпевший, казалось бы, по собственной инициативе и без видимого принуждения достигает места его последующего, далеко не добровольного, содержания).

Так называемая, точка (момент окончаня) в похищении человека «ставится в зависимость от того помимо либо против воли совершалось деяние» [14, с. 1419]. При этом преступление предполагается окончаным в непосредственный момент фактического захвата человека. При этом срок удержания не представляет собой квалифицирующего признака.

Следует отметить, что примечанием к ст. 126 УК РФ установлено, что: «лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления» [16].

Важно указать, что регулируемые ст. 126 УК РФ (похищение человека) и ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) составы преступлений во многом схожи, что затрудняет их практику применения.

Основные отличия указанных составов, как правило, лежат в плоскости объективной стороны преступления. К примеру, в отличие от похищения, при «незаконном лишении свободы потерпевший не захватывается, не изымается из своей среды, не похищается, а остается в том месте, где находился, но ограничивается в свободе передвижения. Потерпевший незаконно, помимо его воли, в принудительном порядке удерживается в том месте, где он сам добровольно до этого находился (например, квартира, рабочий кабинет и т. д.)» [4, с. 40].

Не стоит забывать, что при похищении человека с применением насилия (психического либо физического) оно способно «совпадать с насилием, применяемым в рамках и преступления, предусмотренного ст. 127, т. е. выражаться в насильственном удержании человека в существенно ограниченном пространстве» [9, с. 114]. Что касается отягчающих и особо отягчающих обстоятельств (признаков) преступлений, предусмотренных ст. ст. 126, 127 УК РФ, то следует констатировать, что они во многом тождественны (к примеру: совершение преступления группой лиц, в отношении заведомо несовершеннолетнего, в отношении двух и более лиц).

По мнению Н. Ю. Скрипченко: «...к изъянам юридической техники следует отнести не только законодательную неопределенность деяний, образующих похищение человека, но и определение незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ) посредством указания отсутствия признаков похищения человека» [13, с. 97].

Постановление № 58, толкующее ключевые субъективные и объективные признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 126, 127, 127.1 УК РФ, к сожалению, не содержит разъяснений по важным вопросам квалификации преступлений против физической свободы человека и разграничения похищения человека и составов

иных преступлений, создавая тем самым серьезные трудности в работе следственных органов.

Таким образом, полагаем, что для решения актуальных проблем уголовного законодательства в отношении похищения человека, необходимо: привести единообразное понимание термина похищение человека; закрепить его на доктринальном уровне и внести в особенную часть УК

РФ; конкретизировать субъективные и объективные составляющие признаков похищения; конкретизировать момент окончания преступления; провести понятное и точное отграничение похищения человека от схожих преступлений, в частности, от незаконного лишения свободы, путем определения основных категориальных понятий.

Литература:

1. Азрапкин, А. П. Виктимологический аспект похищения человека // Образование и право. 2019. № 4. с. 162-166.
2. Аюпова, Г. Ш., Ефимов И. А., Ахроркулов С. Х. Особенности уголовно-правовой квалификации похищения человека // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. с. 163-168.
3. Иванова, Е. В. Уголовная ответственность за похищение человека: возникновение нормы в законодательстве России // Российский судья. 2019. № 4. с. 35-39.
4. Ковалев, А. А. Разграничение похищения человека и незаконного лишения свободы // Отечественная юриспруденция. 2018. № 6 (31). с. 40-42.
5. Колужный, А. Н., Шурухнов Н. Г. Некоторые корреляции в системе криминалистической характеристики преступлений против свободы личности (по результатам эмпирических исследований) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. с. 161-164.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) — Доступ из СПС «Консультант Плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Крапива, И. И. История развития уголовной ответственности за похищение человека в российском законодательстве на рубеже XX-XXI веков // Закон и право. 2021. № 11. с. 229-231.
8. Лукьянова, А. А. Ограничение свободы и личной неприкосновенности в уголовном процессе: от сущности к проблеме неопределенности правового статуса (положения) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1. с. 102-111.
9. Мирошниченко, Н. В., Максимов В. Ю. Проявления насильственного способа совершения деяния в преступлениях, предусмотренных главами 17-34 УК РФ // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. с. 113-119.
10. Решетникова, Г. А. Судебное толкование похищения человека, незаконного лишения свободы и торговли людьми // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. № 1. с. 139-144.
11. Саранов, А. В. Особенности регламентации уголовной ответственности за похищение и незаконное лишение свободы несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации и других государств-участников СНГ // Закон и право. 2021. № 6. с. 123-126.
12. Скрипченко, Н. Ю. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми // Уголовное право. 2020. № 2. с. 97-103.
13. Хоменко, А. Н. К вопросу о квалификации деяний, посягающих на физическую свободу человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). с. 35-43.
14. Шарипова, А. Р. Проблемы применения уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за похищение человека // StudNet. 2020. № 12. с. 1416-1422.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // «Российская газета». 2019. № 296.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Кибератаки: как государства реагируют на инциденты, затрагивающие кибербезопасность информационных систем на современном этапе международного информационного права

Власенко Валерия Эдуардовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает существующие механизмы реагирования государств, в частности, Соединенных Штатов Америки, Российской Федерации, а также государств Европейского союза на инциденты, затрагивающие кибербезопасность информационных систем.

Ключевые слова: киберпространство, киберпреступность, кибератака, механизмы реагирования, защитные меры, кибербезопасность информационных систем, поставщик цифровых услуг, оператор основных услуг.

При быстром развитии технологических реалий появление новых механизмов реагирования на атаки в сети «Интернет» набирают большую актуальность. Иногда государства, помимо создания правовых превентивных норм, проведения двусторонних переговоров по данной тематике и разработки безопасных операционных систем, вынуждены прибегать к отдельным концепциям военной науки.

Наиболее тесное сотрудничество происходит между Российской Федерацией (далее — РФ) и Соединёнными Штатами Америки (далее — США). При этом уделяется внимание всем возможным областям правовой и фактической информационной защиты. Так, 9 июля 2021 года президенты России и США Владимир Путин и Джо Байден провели телефонный разговор, в ходе которого было выбрано основное направление отношений двух стран по поддержанию международной кибербезопасности, а именно взаимодействие в сфере борьбы с киберпреступностью, устанавливающее при этом «постоянный, профессиональный и неполитизированный характер отношений» [3].

Многие технологические компании сегодня разрабатывают собственные стандарты кибербезопасности. Для извлечения прибыли и стабилизации экономической системы, корпорации применяют цифровые технологии, проводя большую часть финансовых операций через сеть «Интернет». Для корректного, достоверного и защищённого порядка и для минимизации рисков такие операции должны быть полностью защищены.

Механизмы реагирования на инциденты, затрагивающие кибербезопасность информационных систем («защитные меры по обеспечению безопасности информационных систем»), — явные и скрытые меры и операции в киберпространстве, предназначенные для сохранения и дальнейшего безопасного использования информации, а также защиты данных, сетей и информационных систем [6].

Несмотря на попытки государств выстраивать двусторонние и многосторонние отношения для реализации норм и правил по защите баз данных и предотвращении кибератак, основным механизмом реагирования остаются правовые нормы и законодательные акты государств.

На международном уровне правовое регулирование кибербезопасности включает директивы, которые обеспечивают безопасность информационных технологий и компьютерных систем и предоставляют возможность организациям защитить свои базы данных от кибератак, таких как вирусы-шифровальщики, несанкционированный доступ, DDoS-атаки и так далее. С подробным разбором инцидентов, затрагивающих кибербезопасность информационных систем, можно ознакомиться в статье Власенко В.Э. «Правовые аспекты инцидентов, затрагивающих кибербезопасность информационных систем на современном этапе международного информационного права» [2].

Родоначальником системы защиты информационного пространства является США. Появление большого количества корпораций, связанных с информационными технологиями (ИТ), таких как *Microsoft Corporation* (Корпорация «Майкрософт»), Apple («Эппл») и других, привело к резкому увеличению киберпреступлений.

В 2011 году Министерство обороны США приняло руководство под названием *The 2011 U.S. Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace* («Стратегия Министерства обороны по работе в киберпространстве 2011 года»), в котором сформулированы несколько основных направлений:

- принимать информационное пространство как область для оперативного действия;
- применять модернизированные концепции защиты сетей, систем и баз данных Министерства обороны;
- оказывать правовую поддержку иным агентствам и организациям [17].

Основными источниками, содержащими нормы противодействия и предупреждения кибератак на информационные системы США, являются:

1. *The Homeland Security Act of 2002* («Закон о внутренней безопасности 2002 года»), включающий *Federal Information Security Modernization Act of 2014 (FISMA 2014)* («Федеральный закон о модернизации информационной безопасности 2014 года») [19] [12];
2. *Comprehensive Crime Control Act of 1984* («Закон о всеобъемлющей борьбе с преступностью 1984 года»),

включающий в себя Computer Fraud and Abuse Act of 1984 («Закон 1986 года о Компьютерных мошенничествах и злоупотребления информацией») в качестве поправки к нему [7], [8].

Первые два источника активно применяются в каждом правительственном учреждении Соединённых Штатов и определяют направления для разработки и детального употребления обязательных норм, принципов и стандартов безопасности информационных систем. Однако данные положения не охватывают некоторые области и группы, связанные с компьютерами, например, деятельность провайдеров Интернет-услуг (ISP) и разработка программного обеспечения [9]. К сожалению, в правилах не указан диапазон и виды норм, доступных к применению, отмечается только «разумный» уровень контроля.

Поправка в форме законодательного акта о компьютерных мошенничествах устанавливает ответственность за киберпреступления. Закон также включает:

- компьютерный шпионаж;
- несанкционированный доступ к скрытой информации;
- компьютерное мошенничество;
- умышленное или небрежное повреждение и/или уничтожение защищенных компьютеров и прочего [8].

Один из разделов закона посвящен экономическим киберпреступлениям и предусматривает увеличение штрафов за кражу интеллектуальной собственности американских компаний. Так, срок тюремного заключения за такое преступление может составлять от 15 до 20 лет [7]. При краже со взломом сети компьютерной инфраструктуры Соединённых Штатов, а именно телевизионной сети, электросети, каналов транспортной связи, систем управления водными ресурсами — срок тюремного заключения может составлять 30 лет без права на условно-досрочное освобождение [8].

При сравнении правовых норм Европейского Союза (далее — ЕС) и Соединённых Штатов следует учитывать различия в обществе, инфраструктуре и ценностях в данных странах. Зачастую нормы одного всеобъемлющего стандарта безопасности не могут быть оптимальным для снижения рисков всех государств в целом. В то время как стандарты США стремятся обеспечивать основу для урегулирования операций во всём мировом сообществе, Европейский Союз создаёт индивидуально-специализированные нормы для корпораций и предприятий, ведущих свою деятельность только на территории ЕС.

В рамках ЕС разработана стратегия единого цифрового рынка, законодательную основу для которого составляют и образуют:

1. The European Union Agency for Cybersecurity (ENISA) (Агентство Европейского Союза по кибербезопасности) [18];
2. The Directive on Security of Network and Information Systems (the NIS Directive) of 2016 («Директива о безопас-

ности сетей и информационных систем 2016 года» (Директива NIS)) [14];

3. The EU General Data Protection Regulation (GDPR) of 2016 («Общий регламент ЕС по защите данных 2016 года» (GDPR)) [13].

Первоначально Агентство Европейского Союза по кибербезопасности (ENISA) было создано Постановлением ЕС № 460/2004 Европейского парламента и Совета от 10 марта 2004 г. с целью контроля над всеми сетевыми и информационными аспектами безопасности для всех операций в ЕС. Данный документ был отменён и переписан. ENISA в настоящее время работает в соответствии с Регламентом (ЕС) № 526/2013 [10]. ENISA также активно сотрудничает с государствами-членами Европейского Союза для предоставления определённого перечня информационных услуг. В деятельности организации внимание акцентировано на трёх аспектах:

- рекомендации государствам-членам относительно действий при нарушениях безопасности;
- поддержка разработки и реализации политики для всех стран-членов ЕС;
- прямая поддержка ENISA с практическим подходом к работе с оперативными группами в ЕС [5].

ENISA как профильное агентство ЕС по кибербезопасности неоднократно выпускало и выпускает до сих пор исследования, охватывающие все основные вопросы информационной безопасности. Прошлые и текущие инициативы ENISA:

- облачная стратегия ЕС;
- открытые стандарты в области информационных коммуникационных технологий;
- стратегия кибербезопасности ЕС;
- координационная группа кибербезопасности [5].

ENISA также работает в сотрудничестве с существующими международными организациями по стандартизации, такими как ISO и ITU [15].

6 июля 2016 года Европейский парламент ввел в действие Директиву безопасности сетей и информационных систем (Директива NIS) [16].

Цель Директивы NIS — повышение общего уровня информационной безопасности и обеспечение информационно-технологического контроля за предприятиями Европейского Союза. Поставщики цифровых услуг (DSP) и операторы основных услуг (OES) — категории, деятельность которых регулирует данная директива. OES — любые виды организаций, деятельность которых напрямую связана с информацией, информационными системами, цифровыми услугами, т.е. в случае нарушения их кибербезопасности деятельность будет нарушена или прервана [11]. Несмотря на то, что DSP и OES несут ответственность за сообщение о серьезных инцидентах безопасности, нормы, применяемые к DSP, более лояльные, чем к операторам основных услуг, поскольку именно они организуют основную деятельность по защите и контролю за информационной безопасностью цифровых систем.

Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR) был введен в действие 14 апреля 2016 года. Цель регламента — внедрить единый стандарт защиты данных для всех стран-членов ЕС. Применяется «географический фактор». Теперь при обработке данных гражданина ЕС организация попадает под действие GDPR вне зависимости от того, где именно обрабатываются эти данные [15].

В Российской Федерации Уголовный кодекс содержит главу 28 «Преступления в области компьютерной информации», которая включает в себя четыре статьи с 272 по 274.1:

- незаконный доступ к компьютерной информации;
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;
- нарушение правила эксплуатации хранилищ, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей;
- неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации [4].

Уголовный кодекс России относит компьютерные преступления к преступлениям против собственности, а не к защите прав и свобод личности [1]. Санкции вклю-

чают штрафы и тюремное заключение. Например, за незаконный доступ к компьютерной информации предусмотрен штраф в размере пятисот тысяч рублей или лишение свободы на срок до 7 лет [4].

Принимая во внимание, что преступления в цифровом пространстве становятся все более распространенными, Правительство России в настоящее время разрабатывает законопроект об ужесточении наказания за киберпреступления.

На мой взгляд, разработка и принятие вышеназванного законопроекта будет являться очень важным этапом не только в правовом аспекте развития данной сферы, но и в самом развитии кибербезопасности в стране. Россия постепенно должна принимать мощное развитие киберпространства и соответственно необходимым образом реагировать на это.

На данный момент в обществе, несмотря на быстрое развитие киберпространства, сложились механизмы реагирования государств на происходящие киберпреступления, однако они должны постоянно совершенствоваться и актуализироваться в связи с увеличивающимся ростом киберпреступлений в мировом сообществе.

Литература:

1. Бородкина, Т.Н., Павлюк А.В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия. Социально-политические науки. № 1-2018. с. 158-160;
2. Власенко, В.Э. Правовые аспекты инцидентов, затрагивающих кибербезопасность информационных систем на современном этапе международного информационного права // Молодой ученый. — 2021. — № 21 (363). — с. 180-183. — URL: <https://moluch.ru/archive/363/81517/> (дата обращения: 20.11.2021);
3. Кибербезопасность и Сирия. Что обсудили Путин и Байден в третьем телефонном разговоре. URL: <https://tass.ru/politika/11871877> (дата обращения: 20.11.2021);
4. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954;
5. About ENISA — The European Union Agency for Cybersecurity URL: <https://www.enisa.europa.eu/about-enisa> (дата обращения: 25.11.2021);
6. CNSSI № 4009 Committee on National Security Systems (CNSS) Glossary of 06.04.2015 URL: <https://rmf.org/wp-content/uploads/2017/10/CNSSI-4009.pdf> (дата обращения: 20.11.2021);
7. Comprehensive Crime Control Act of 1984 Pub. L. 98-473, S. 1762, 98 Stat. 1976;
8. Computer Fraud and Abuse Act of 1984 S. 2864–98th Congress (1983–1984);
9. David Berteau, Steven L. Schooner Emerging Policy and Practice Issues. P.: GWU Legal Studies Research Paper No. 2016-1, Washington, 2016. p. 35;
10. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union». EUR Lex. 19 July 2016.;
11. Directive on security of network and information systems (NIS Directive)». Digital Single Market. Retrieved 2017-03-12 URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/nis-directive> (дата обращения: 25.11.2021);
12. Federal Information Security Modernization Act of 2014 S. 2521–113th Congress (2013–2014);
13. Home Page of EU GDPR. Официальный сайт. URL: <https://gdpr-info.eu/> (дата обращения: 22.11.2021);
14. Key Changes with the General Data Protection Regulation. EU GDPR Portal. URL: <https://www.dlapiper.com/en/us/focus/eu-data-protection-regulation/key-changes/> (дата обращения: 22.11.2021);
15. Purser Steve Standards for Cyber Security Best Practices in Computer Network Defense: Incident Detection and Response. P.: NATO Science for Peace and Security Series, Washington, 2017;
16. Regulation (EU) no 526/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 concerning the European Union Agency for Network and Information Security (ENISA) and repealing Regulation (EC) No 460/2004;
17. The 2011 U.S. Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace. URL: <https://csrc.nist.gov/CSRC/media/Projects/ISPAB/documents/DOD-Strategy-for-Operating-in-Cyberspace.pdf> (дата обращения: 25.11.2021);

18. The European Union Agency for Cybersecurity (ENISA) (Агентство Европейского Союза по кибербезопасности). Официальный сайт. URL: <https://www.enisa.europa.eu/>;
19. The Homeland Security Act of 2002. Public Law. 107-296 — NOV. 25, 2002 107th Congress

Субъекты рыночной экономики

Герасимова Татьяна Сергеевна, студент;
 Сарсекенова Дания Нурсултановна, студент;
 Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент
 Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье авторы раскрывают особенности субъектов рыночных отношений.

Ключевые слова: рыночная экономика, субъект рыночной экономики, государство, государственное регулирование, субъект хозяйствования, фирма, индивидуальный предприниматель, покупатели.

Как правило, субъектами рыночной экономики являются: предприниматели; работники, продающие свой труд; конечные потребители; владельцы ссудного капитала; собственники ценных бумаг; торговцы и т.д. Основные субъекты рыночного хозяйства принято подразделять на четыре группы: домашнее хозяйство; предприятие (фирма), банк и государство (правительство).

Субъекты рынка обладают такими признаками, как:

- 1) регистрация в установленном законом порядке;
- 2) хозяйственная компетенция, то есть совокупность прав и обязанностей, которые субъект получает после регистрации;
- 3) наличие обособленного имущества;
- 4) самостоятельная имущественная ответственность [1].

Рассмотрим сначала особенности государства как субъекта исследуемых правоотношений. Оно выступает главным институтом, который регулирует все области жизнедеятельности общества, поскольку оно обладает властью, аппаратом управления, а также правом принимать законы, которые регулируют работу всех отраслей и сфер жизни государства. Несмотря на то, что рынок может быть самоорганизованным, особенно по сравнению с плановой экономикой, механизм его функционирования основан на симбиозе свободной конкуренции и государственного влияния. При рыночной экономике задачей государства не является контроль производства и дальнейшего его распределения, как это происходит, к примеру, при плановой экономике. Государство в рыночной экономике осуществляет вмешательство в экономику для обеспечения экономического равновесия [2], что неоднократно отмечают исследователи.

Государство как специфический субъект рынка принимает в нем непосредственное участие, например, выпуская государственные ценные бумаги или опосредованно, создавая унитарные предприятия. При этом государство не только присутствует в хозяйственных

(предпринимательских) отношениях как участник, но и регулирует их. Поскольку само по себе государственное регулирование рынка сопряжено с принуждением, то его эффективность в значительной степени зависит от качества принимаемых законов, а также степени доверия граждан к государству. Государственное регулирование рынка является системой типовых мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, которая осуществляется государственными учреждениями и общественными организациями, которые обладают полномочиями по проведению соответствующих мероприятий. Как отмечает А. А. Мохов, именно в процессе государственного регулирования экономики реализуется экономическая функция государства [3].

Регулирование деятельности субъектов хозяйствования является специальным видом государственного регулирования экономики. Государство регулирует экономическую деятельность субъектов рынка, защищая бизнес от произвола и недобросовестной конкуренции, обеспечивает социальную защиту безопасности в стране. Однако если государство слишком настойчиво будет вмешиваться в деятельность рынка, может значительно ослабить рыночные механизмы и причинить ущерб экономике хозяйствующих субъектов. Поэтому, на наш взгляд, необходимо согласиться с позицией И. В. Смотровой, которая аргументирует, что государство в ходе своей деятельности на рынке должно сохранять баланс и уметь находить решение в сложных экономических ситуациях [4].

Основным субъектом рыночной экономики является хозяйствующий субъект. Это общее понятие, определение которого установлено в пункте 5 статьи 4 Федерального закона «О защите конкуренции». Так, хозяйствующий субъект — это коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве

индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации. То есть из данного определения мы видим, что хозяйствующим субъектом может быть как юридическое, так и физическое лицо. Они должны пройти определённую законом процедуру государственной регистрации [6].

Статья 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) закрепила, что юридическим лицом признаётся организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц [7].

В свою очередь Ф.Я. Полонкоева отдельно исследует фирму как субъект рынка. Фирма является экономической категорией, обособленным экономическим и социальным комплексом, который использует свои материальные и информационные ресурсы, для производства полезных для общества благ, что делается ею на свой страх и риск для получения выгоды. При анализе особенностей фирмы важен фактор его экономической обособленности, проявляющийся:

- 1) в осуществлении самостоятельного оборота стоимости средств производства;
- 2) в поставленной собственной цели производства (в получении прибыли);
- 3) в присвоении результатов производства.

К основному признаку фирмы также можно отнести факт наличия в его собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленного имущества, посредством которого обеспечивается материально-техническая возможность функционирования и экономическая самостоятельность предприятия [8].

Индивидуальный предприниматель — это гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица. Гражданин может действовать на рынке в качестве индивидуального предпринимателя только с момента его государственной регистрации. Правовой режим имущества индивидуального предпринимателя отличается от правового режима юридического лица. В частности, имущество индивидуального предпринимателя не обособляется в обязательном порядке в специальные фонды, как у юридического лица (уставный капитал т.д.). Также законодательство не содержит требований к минимальному размеру имущества индивидуального предпринимателя, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности [9].

Л.Ю. Емченко и Э.В. Атикян к недостаткам гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя относят следующие:

- 1) не подходит для коллективного ведения бизнеса;
- 2) требуется постоянное личное участие/контроль;
- 3) по обязательствам отвечать приходится собственным имуществом.

Но, вместе с тем, гражданско-правовой статус индивидуального предпринимателя обладает и рядом преимуществ, основными из которых являются:

- 1) право на ведение коммерческой деятельности;
- 2) небольшое число необходимых документов, минимальная стоимость регистрации статуса;
- 3) минимальные штрафы, например, в отличие от юридических лиц;
- 4) вправе самостоятельно решать, каким образом ему распорядиться доходами, которые приносит его бизнес, без необходимости ждать распределения прибыли;
- 5) предпринимательская деятельность совместима с любой иной, приносящей прибыль [10, 12, 13].

Деятельность предпринимателей должна осуществляться в рамках закона, иначе они будут привлечены к административной или уголовной ответственности. Так, например, главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) закреплены административные правонарушения в области предпринимательской деятельности. Особенно в практике распространены случаи привлечения к ответственности по статье 14.1 КоАП РФ за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) [11].

Статья 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) установила ответственность за незаконное предпринимательство. Так, осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие лицензия, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев.

Покупатели также являются важными субъектами исследуемых правоотношений. Они формируют, в свою очередь, спрос на те товары и услуги, что поставляют продавцы. Покупатели могут быть физическими, юридическими лицами либо государственными институтами. И покупатели, и продавцы могут одновременно выполнять сразу две роли. Например, одна фирма может продавать товар другой, и в то же время что-то покупать у нее. Поэтому представляется, что термин «субъект рынка»

будет правильнее употреблять в контексте обозначения текущей роли в конкретной, выполняемой тем или иным участником рыночных отношений.

Таким образом, субъекты рынка обладают такими признаками, как:

- 1) регистрация в установленном законом порядке;
- 2) хозяйственная компетенция, то есть совокупность прав и обязанностей, которые субъект получает после регистрации;
- 3) наличие обособленного имущества;

4) самостоятельная имущественная ответственность.

К субъектам рынка относятся как физические, так и юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации), которые осуществляют предпринимательскую деятельность, регистрируясь для этого в установленном порядке. Также можно сделать вывод, что успешное экономическое и социальное развитие страны зависит от правильной организации государственного управления, потому роль государства на рынке сегодня видится особенно важной.

Литература:

1. Свечников, В. А. Актуальные проблемы развития законодательства о субъектах предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 1. с. 2.
2. Исмагуллоев, Ф. И. Целесообразность и последствия вмешательства государства в процессы рыночного ценообразования // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 2. с. 17.
3. Мохов, А. А. Государственное регулирование и саморегулирование экономической деятельности с позиций теории систем // Государство и право. 2019. № 6. с. 58.
4. Смотров, И. В. Механизмы государственного регулирования экономической деятельности хозяйствующих субъектов // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 2-2. с. 203.
5. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3431.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
7. Полонкоева, Ф. Я. Фирма как хозяйствующий субъект рыночной экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 8. с. 146
8. Холина, О. И. К вопросу об имущественном положении индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательского права // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 1. с. 219.
9. Емченко, Л. Ю., Атикян Э. В. Гражданско-правовой статус индивидуального предпринимателя: актуальные проблемы и преимущества // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство. 2019. № 1. с. 44.
10. Решение Московского районного суда г. Калининграда от 27 января 2020 г. по делу № 12-67/2020. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/AK8900Jjtc1q/> (дата обращения: 06.10.2021);
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Постановление судебного участка № 237 мирового судьи Серпуховского судебного района Московской области от 14 июля 2017 г. по делу № 5-183/2017. Режим доступа: <https://sudact.ru/magistrate/doc/flSaKIV0RwLK/> (дата обращения: 06.10.2021);
13. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 24 декабря 2015 г. по делу № А47-11213/2015. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nvgZYlSkWlU1/> (дата обращения: 06.10.2021).

Правовые аспекты организации и проведения государственного надзора в области охраны окружающей среды

Головкина Юлия Александровна, студент

Научный руководитель: Плюснин Андрей Мелетиевич, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье рассматриваются некоторые аспекты порядка организации и проведения государственного надзора в области охраны окружающей среды.

Ключевые слова: государственный экологический надзор, плановая проверка, охрана окружающей среды, федеральные органы исполнительной власти.

В соответствии с Федеральным законом N 242 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» «под государственным экологическим надзором понимается деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями и гражданами требований, установленных в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в области охраны окружающей среды, посредством организации и проведения проверок указанных лиц, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, и деятельность уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния соблюдения обязательных требований при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами» [5].

Важно отметить, что «государственный экологический надзор организуется и осуществляется с учетом категорий объектов хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами, и с учетом перечня нарушений законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды, представляющих угрозу причинения вреда окружающей среде» [5].

К отношениям, связанным с осуществлением государственного экологического надзора, организацией и про-

ведением проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, применяются положения Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [4].

Согласно ст. 65 Федерального закона «Об охране окружающей среды» государственный экологический надзор осуществляется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации [3].

На федеральном уровне уполномоченным органом в сфере осуществления государственного экологического надзора является Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) и ее территориальные органы, помимо этого отдельные функции государственного экологического надзора могут возлагаться и на иные уполномоченные федеральные органы государственной власти) [1].

Региональный государственный экологический надзор проводится уполномоченными органами исполнительной власти субъектов РФ за объектами хозяйственной и иной деятельности независимо от форм собственности, находящимися на территориях субъектов РФ, за исключением объектов хозяйственной и иной деятельности, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору [1].

В ст. 66 Федерального закона «Об охране окружающей среды» устанавливаются права, обязанности и ответственность государственных инспекторов в области охраны окружающей среды. В данной статье указывается, что государственные инспектора в области охраны окружающей среды подлежат государственной защите, а также органы государственного надзора могут быть привлечены судом к участию в деле либо вправе вступить в дело по своей инициативе для дачи заключения по иску о возмещении вреда, причиненного окружающей среде и ее компонентам, безопасности государства, имуществу физических и юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу вследствие нарушений обязательных требований [3].

Проводимые Росприроднадзором проверки могут быть плановыми и внеплановыми. Порядок их проведения детально регламентируется Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также Административным регламентом исполнения Федеральной службой по надзору в сфере природопользования государственной функции по осуществлению федерального государственного экологического надзора, утвержденным приказом Минприроды России от 13 апреля 2017 г. № 178 [1].

Предметом плановой проверки является соблюдение юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем в процессе осуществления деятельности обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, а также соответствие сведений, содержащихся в уведомлении о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности, обязательным требованиям [4].

Программа проверок формируется контрольным органом на основании:

1. разрешения на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения, выданного контрольным органом;
2. истечения срока (завершения периода) проведения работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения, установленного охранным обязатель-

ством собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия [6].

При возникновении одного из указанных оснований инспектор, в должностные обязанности которого входит осуществление государственного контроля (надзора) в отношении данного объекта, в течение 3 рабочих дней готовит программу проверки и представляет ее на утверждение руководителю контрольного органа в установленном порядке [6].

В случае выявления в результате планового или внепланового мероприятия по надзору нарушений обязательных требований или в результате проведения внеплановой проверки должностные лица Росприроднадзора (его территориального органа):

— фиксируют факты выявленных нарушений в акте проверки;

— выдают предписание юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю об устранении выявленных нарушений с указанием сроков их устранения [1].

Таким образом, государственный экологический надзор является важнейшей правовой мерой обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды от вредных воздействий, функцией государственного управления и правовым институтом экологического права. Посредством осуществления определенных мер по экологическому надзору обеспечивается принуждение соответствующих субъектов экологического права к исполнению требований [2].

Литература:

1. Экологическое право/С. А. Боголюбов. — Москва: Юрайт, 2021. — 81 с. — ISBN 978-5-534-10925-2 — Текст: непосредственный.
2. Экологическое право/В. Б. Агафонов, Г. В. Выпханова и др. — Москва: Проспект, 2015-114 с. — ISBN 978-5-392-16430-1 — Текст: непосредственный.
3. Российская Федерация. Законы. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7 ФЗ — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
4. Российская Федерация. Законы. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294 ФЗ — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 18.07.2011 № 242 ФЗ — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
6. Российская Федерация. Правительство. О федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30.06.2021 № 1093 — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

Некоторые вопросы применения экспертизы о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства

Горскова Татьяна Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности применения на практике экспертизы о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. Анализируется необходимость оспаривания заключения арбитражного управляющего для заявления соответствующего ходатайства. Изучается отсутствие заключения арбитражного управляющего о признаках фиктивного или преднамеренного банкротства как препятствие для подачи соответствующего ходатайства кредитором.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, презумпция добросовестности, презумпция компетентности.

Some questions about the use of expertise about the presence of signs of a fictitious or premeditated bankruptcy

Gorskova Tatyana Nikolayevna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

The article describes the features of the practical application of expertise on the presence of signs of fictitious or premeditated bankruptcy. The article also analyzes the need to challenge the conclusion of the court-appointed receiver for the application of the relevant petition. The article considers the absence of the conclusion of the court-appointed receiver on the signs of fictitious or premeditated bankruptcy as an obstacle to the filing of the relevant petition by the creditor.

Keywords: court-appointed receiver, bankruptcy fraud, premeditated bankruptcy, presumption of good faith, presumption of competence.

Нередко стороны в деле о банкротстве не доверяют в полной мере заключению арбитражного управляющего о наличии признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. Такая ситуация не предсудительна по объективным и субъективным причинам: нельзя исключить человеческий фактор — к примеру, отсутствие достаточного опыта арбитражного управляющего, или лояльность к той или иной стороне банкротного дела вследствие чрезмерной «благодарности» за выдвижение кандидатуры арбитражного управляющего.

В таких случаях эффективным инструментом становится ходатайство о назначении судом экспертизы о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства в порядке п. 2 ст. 34 Закона о банкротстве по ходатайству и за счет заинтересованной стороны [1]. Между тем, на практике возникает немало спорных моментов в применении указанного инструмента, нередко суды занимают противоречивые позиции. Рассмотрим несколько таких случаев более подробно.

Многие инструменты, которые подарил нам Закон о банкротстве и арбитражный процессуальный кодекс РФ, могут использоваться недобросовестными сторонами в корыстных целях. Так, недобросовестный кредитор может заявить ходатайство о назначении экспертизы

о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, преследуя иные цели:

1) Волокита в одновременно рассматриваемых обособленных спорах, в том числе о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, оспаривании сделок и тд;

2) Зафиксировать более поздний момент информированности кредитора о каких-то сделках, чтобы передвинуть срок исковой давности для дальнейшего оспаривания сделок (позже, чем дата введения процедуры конкурсного производства);

3) Получить от арбитражного управляющего документацию о деятельности должника, которая не раскрылась им до этого момента, но будет раскрыта экспертом как приложение к заключению, приобщаемому к материалам дела;

4) Истребовать под благовидным предлогом интересующие кредитора документы лиц, участвующих в деле, которые ранее не раскрывались (якобы для полного и всестороннего изучения обстоятельств дела экспертом);

5) Использовать результаты экспертизы в иных обособленных спорах, в том числе в части вопроса о моменте объективного банкротства должника, который по умолчанию не входит в объем исследования, но иногда ста-

вится судом или исследуется экспертом для ответа на основные вопросы [16] [17].

Иногда побочные цели кредиторов настолько очевидны, что даже суды, отказывая в удовлетворении ходатайства, прямо указывают на недопустимость использования судебной экспертизы признаков фиктивного и преднамеренного банкротства как средства получения кредитором дополнительной информации и документации [19] [26].

Право кредитора заявить подобное ходатайство на любой стадии рассмотрения банкротного дела является безусловным. Однако в свою очередь и для суда вопрос удовлетворения такого ходатайства — также право, а не обязанность [5].

Еще Конституционный суд РФ указывал, что «вопрос о назначении экспертизы отнесен на усмотрение арбитражного суда и разрешается в зависимости от необходимости разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний» [3].

Уравновешивает эту позицию тенденция судебной практики о том, что отсутствие мотивировки подобного ходатайства не может служить безусловным основанием для отказа в его удовлетворении [13].

Логична позиция судов и в отношении повторного ходатайства после отказа в первом — необходимо обосновать, какие обстоятельства изменились в промежутке между предыдущим отказом и подачей нового ходатайства. Без такой мотивировки последует повторный отказ [26].

В некоторых случаях суды сразу нескольких инстанций считают препятствием для удовлетворения ходатайства о назначении экспертизы признаков преднамеренного и фиктивного банкротства отсутствием аналогичного заключения арбитражного управляющего [6].

Между тем, более целесообразной представляется иная позиция, согласно которой суды указывают на рекомендательный характер такого заключения арбитражного управляющего, и, поскольку его выводы не обязательны для кредиторов, отсутствие подобного заключения не может быть препятствием для реализации кредиторами своего права на проведение независимой экспертизы признаков фиктивного или преднамеренного банкротства [7] [8].

Интересно то, что некоторые суды напротив, пеняют лицам, обжалующим действия арбитражного управляющего, выразившиеся в проведении анализа финансового состояния должника в нарушение норм действующего законодательства, формальном подходе к подготовке заключения о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, на незаявление ходатайства о проведении судебной экспертизы наличия признаков фиктивного или преднамеренного банкротства [13].

Этот вывод согласуется и с общей позицией судов о безусловности права кредиторов на заявление подобного ходатайства на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве.

Однако при наличии заключения арбитражного управляющего о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства встает закономерный вопрос — имеется ли обязанность кредитора по оспариванию такого заключения для последующего заявления ходатайства о назначении судебной экспертизы? Судебная практика по настоящим вопросам также неоднородна.

В основном, суды придерживаются позиции презумпции обоснованности заключения арбитражного управляющего и достаточно часто считают наличие неоспоренного заключения достаточным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства кредитора о назначении независимой экспертизы [20] [5] [24] [21] [22], иногда указывая на презумпцию добросовестности и компетентности арбитражного управляющего [23].

Представляется более обоснованным иной подход, когда суды не предполагают необходимость в предварительном оспаривании заключения арбитражного управляющего для подачи соответствующего ходатайства. Суды при таком подходе указывают на появление новых доказательств уже после составления и публикации заключения арбитражного управляющего, получение статуса кредитора после истечения срока на оспаривание заключения арбитражного управляющего [18], [27], и даже на отсутствие возможности нарушений прав и законных интересов кредиторов заключением арбитражного управляющего, поскольку сведения из заключения не влекут каких-либо последствий для кредиторов, что исключает возможность оспаривания заключения кредиторами [7].

Безусловно, усилит позицию кредитора указание в ходатайстве об экспертизе признаков фиктивного или преднамеренного банкротства на ошибки и неточности в заключении арбитражного управляющего.

Однако, именно как мотивировку для удовлетворения ходатайства суды склонны принимать только те грубые ошибки и неточности, которые прямо влияют на достоверность — к примеру, арбитражный управляющий «забыл» оценить ряд сделок [10] [12], проигнорировал некоторые коэффициенты платежеспособности должника [9], [15] [11], нарушил порядок проведения проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства [4], определенный Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. постановлением Правительства от 27.12.2004 № 855) [2] и др.

Необходимо помнить, что в силу части 3 статьи 86 Кодекса заключение эксперта является только одним из доказательств по делу, не имеет заранее установленной силы, не носит обязательного характера и подлежит исследованию и оценке судом наравне с другими представленными доказательствами, в частности, наравне с заключением арбитражного управляющего.

При этом эксперт не может давать правовую оценку исследуемым сделкам.

Так, в одном из дел суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты первой и апелляционной инстанции и направляя дело на новое рассмотрение, указывает, что нельзя отдавать безусловное предпочтение экспертному заключению как более достоверному источнику выявления признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, нежели заключение конкурсного управляющего, поскольку суды обеих инстанций при этом проигнорировали достаточно грубые ошибки эксперта, выражающиеся, в том числе, в даче правовой оценки сделкам

должника, поскольку в таком случае эксперт подменяет собой суд, что недопустимо [14].

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии единой и целостной картины правоприменения ходатайств о судебной экспертизе наличия признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, что предполагает необходимость в урегулировании спорных вопросов если не на уровне законодательства, то хотя бы на уровне актов толкования Верховного суда Российской Федерации.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 18.12.2016).
2. Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. постановлением Правительства от 27.12.2004 № 855) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_51004/f5707a19acab62f1f6eaeff303c72d8c4a002cc/ (дата обращения: 30.10.2021).
3. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 29.09.2016 № 1974-О // СПС Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092016-n-1974-o/> (дата обращения: 30.10.2021).
4. Определение Верховного Суда РФ от 13.10.2017 № 304-ЭС16-19071 (5) по делу № А70-15411/2015 // СПС Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13102017-n-304-es16-190715-po-delu-n-a70-154112015/> (дата обращения: 30.10.2021).
5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 30.05.2018 № 305-ЭС18-6407 по делу № А41-19666/2015 // СПС Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30052018-n-305-es18-6407-po-delu-n-a41-196662015/> (дата обращения: 30.10.2021).
6. Определение Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 11.10.2013 по делу № А55-1148/2013 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PD66ozXdpTQv/> (дата обращения: 30.10.2021).
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.02.2020 по делу № А40-86229/2018 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Tm4iHBU3LgWJ/> (дата обращения: 30.10.2021).
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2018 № Ф05-4125/2018 по делу № А40-109796/2017 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=311641#l0WDjoSQIE6vJUSk> (дата обращения: 30.10.2021).
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2018 по делу № А40-181658/2016 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CO8Omb8sKRHR/> (дата обращения: 30.10.2021).
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.03.2018 № Ф05-22477/2016 по делу № А41-20910/2016 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=289188#7YZljoSIW8e7pvWG> (дата обращения: 30.10.2021).
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.03.2017 по делу № А56-10272/2015 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=200141#IIRJjoSenSKhF1m7> (дата обращения: 30.10.2021).
12. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.05.2017 № Ф03-1572/2017 по делу № А73-6944/2015 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/37177990/> (дата обращения: 30.10.2021).
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.06.2021 № Ф08-4245/2021 по делу № А32-20858/2018 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=168365#c2ICjoSMQZOр8yfr/> (дата обращения: 30.10.2021).
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.02.2019 № Ф08-12375/2018 по делу № А53-7604/2017 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=142116#A94JjoSEdcXgnGeo> (дата обращения: 30.10.2021).
15. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2017 по делу № А76-1522/2015 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_30/ (дата обращения: 30.10.2021).

16. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2019 по делу № А60–43300/2014 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/F0PPKcyDm6Wl/> (дата обращения: 30.10.2021).
17. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2018 по делу № А50–23876/2014 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EBCfMfzCzRHZ/> (дата обращения: 30.10.2021).
18. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.07.2016 по делу № А71–10734/2015 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9PrybihlMqdK/> (дата обращения: 30.10.2021).
19. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 21.04.2016 по делу № А40–64650/14 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/q1ubaaIJSg18/> (дата обращения: 30.10.2021).
20. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 19.02.2018 по делу № А40–66677/2015 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yoEkjNqlkWHB/> (дата обращения: 30.10.2021).
21. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2017 по делу № А40–251504/2015 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GCzroR6JymgX/> (дата обращения: 30.10.2021).
22. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2017 по делу № А40–48489/2016 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_800/ (дата обращения: 30.10.2021).
23. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.09.2016 по делу № А40–3086/2015 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_3700/ (дата обращения: 18.12.2016).
24. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.07.2016 по делу № А74–7048/2015 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cW8h1Z8AXMgg/> (дата обращения: 30.10.2021).
25. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 28.02.2020 по делу № А40–181577/2016 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 30.10.2021).
26. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 28.02.2020 по делу № А40–181577/2016 // СПС Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/KQT7Wwuv4Y5d/> (дата обращения: 30.10.2021).
27. Определение Арбитражного суда Кемеровской области от 02.11.2017 по делу № А27–20472/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/xHibI914YRrO/> (дата обращения: 30.10.2021).

Зарубежный опыт правового регулирования отношений по купле-продаже

Грибачева Ирина Сергеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье рассматривается опыт зарубежных стран по регулированию купли-продажи. Автор исследует законодательство США, Франции, Германии и делает вывод о возможности применения соответствующих положений иностранного законодательства в условиях России.

Ключевые слова: *купля-продажа, зарубежное законодательство, продажи, правовое регулирование.*

Foreign experience of legal regulation of purchase and sale relations

This article examines the experience of foreign countries in the regulation of purchase and sale. The author examines the legislation of the USA, France, Germany and concludes about the possibility of applying the relevant provisions of foreign legislation in the conditions of Russia.

Keywords: *purchase and sale, foreign legislation, sales, legal regulation.*

Купля-продажа является самым распространенным на вещь за оговоренную сумму денег, а покупатель принимает эту вещь и уплачивает ее стоимость продавцу. Другими словами, договор купли-продажи представляет

собой двустороннее, возмездное и консенсуальное соглашение.

В гражданском праве США договор купли-продажи именуется «Sales» — «Продажи» или «Продажа». Соответствующий договор носит название «sale contract» или «contract of sale» — «договор продажи». Отношения по купле-продаже в США урегулированы специализированным нормативным актом — Единообразным Торговым Кодексом (ЕТК, Uniform Commercial Code — UCC) [1]. Это нормативный акт федерального значения, в соответствии с которым штаты формируют свое законодательство. В ЕТК купле-продаже посвящена статья 2, однако нормы о купле-продаже содержатся и в законодательстве о защите прав потребителей, и в судебных прецедентах, которые в Америке считаются источниками права.

В ст. 2 ЕТК регулируется купля-продажа только товаров, к которым закон относит движимые вещи, которые уже существуют (goods) либо будут существовать в будущем (future goods), а также тех товаров, в отношении которых нет спора о праве [1]. Товарами в рамках данной статьи признаются и животные, растущие вещи, молодняк животных. Иначе говоря, в США нормами о купле-продаже ЕТК регулируются отношения по продаже наиболее распространенных в жизни объектов. Купля-продажа же недвижимости, ценных бумаг и иных специфичных объектов регулируется отдельными нормативными актами — нормами контрактного права. Следует отметить, что в основе контрактного права США в большей части лежат судебные прецеденты [5, с. 79].

В соответствии с ЕТК при сумме договора купли-продажи больше пятисот долларов договор должен заключаться в письменной форме. При этом письменной формой будет считаться не только общепринятый письменный документ, но и любой иной документ, при помощи которого можно подтвердить заключение договора. При этом в судебной практике США считается, что в таком документе указывать наименование продавца и покупателя, цену товара, а также время и место совершения договора, необязательно. В ЕТК указано, что в договоре купли-продажи должны быть указаны: наименования сторон и их подписи, предмет договора и его количество. Эти условия согласно ст. 2-201 ЕТК являются обязательными (существенными). При то в случае нарушения данных норм заключенный договор не будет признан недействительным, он лишается судебной защиты, то есть его нельзя исполнить в судебном порядке.

В США предусмотрены оферта (offer) и акцепт (acceptance), то есть предложение заключить договор и согласие на его заключение. В ст. 2-205 ЕТК сказано, что отправленная оферта будет являться безотзывной в течение указанного в ней срока, а если этот срок не указан, то в течение разумного срока, который не может превышать трех месяцев [1]. Но, указанное положение распространяется только на предпринимателей. Если сторона отправила согласие на заключение купли-продажи, но при этом изменила предложенные в оферте условия сотрудничества,

то это также будет считаться акцептом, если в оферте прямо не указано, что акцептом будет считаться согласие со всеми предлагаемыми условиями. Договор не будет считаться заключенным, если акцепт существенно изменяет предложенные в оферте условия. В таком случае, как и в отечественном праве, ответ на оферту будет не более чем новой офертой, также нуждающейся в акцепте. При действительности акцепта момент заключения договора продажи определяется моментом отправления акцепта оференту.

Основными обязательствами сторон купли-продажи по американскому праву являются: передача товара покупателю, передача титула на товар, оплата оговоренной покупной цены. Стороны могут отобразить в договоре минимум прав и обязанностей, это никак не повлияет на действительность договора.

Условие о цене не является обязательным условием договора купли-продажи. Стороны договора могут определить цену как в твердом значении, так и определить критерий определений цены на момент передачи товара. Если же цена не определена в договоре ни прямо, ни косвенно, то есть условие о цене остается открытым (open price term), предполагается, что стороны согласились о «разумной цене». В таком случае размер цены на товары будет зависеть от цен на аналогичный товар вместе заключения договора, а также особенностей самого соглашения и экономического положения сторон.

Количество передаваемого товара является существенным условием купли-продажи. Оно может быть определено как прямо, так и косвенно. В практике США можно выделить два способа косвенного определения цены товара: исходя из требований покупателя или из возможностей продавца. Договоры, содержащие условие о количестве, определенное по первому способу, называются uirement contracts («договорами требования»), по второму — output contracts («договорами выдачи») [6, с. 93].

Таким образом, в праве США договор купли-продажи регулируется довольно специфичным образом, например, в части закрепления существенных условий договора, его формы. Кроме того, в праве США к источникам права относится и судебный прецедент, что делает правовое регулирование исследуемого института более гибким, ориентированным на практику его применения.

Во Франции договор купли-продажи урегулирован нормами Гражданского кодекса. Существенное внимание здесь уделено форме продажи, ее природе, а также обязательствам сторон договора. Французский законодатель уделяет достаточно внимания праву собственности на вещи, предмету купли-продажи, цене товара, ответственности сторон и некоторым другим дополнительным условиям, например, страхованию товаров, их перевозке и т. д. Сторонами купли-продажи по французскому праву являются продавец и покупатель. Продавец обязан передать вещь и перенести право собственности на нее на покупателя. Покупатель же обязан принять ту вещь и уплатить за нее оговоренную цену.

К числу существенных условий купли-продажи относятся его предмет и цена. В качестве предмета купли-продажи могут выступать движимые и недвижимые вещи, а также вещи, которые будут существовать в будущем. Цена товара может быть выражена в валюте любого государства, какое будет согласовано сторонами. При этом в ГК Франции имеется положение, позволяющее на основании убыточности оспорить цену договора купли-продажи. Но оно применяется только отдельными субъектами в определенных в законе случаях (ст. 1305, 1306, 1308, 1657 ФГК) [6, с. 104].

В договоре купли-продажи, как правило, определены условия о качестве товара. Если такое условие отсутствует, то согласно ст. 1246 ФГК товар должен быть пригоден для его использования по назначению [2].

Значительное внимание уделено в ФГК правам и обязанностям сторон договора купли-продажи. Например, продавец согласно ст. 1604 ФГК обязан передать во власть и владение покупателя проданную вещь, товары в надлежащем качестве и количестве. При этом ответственность продавца за недостатки переданных товаров может быть ограничена, например, в случае наличия скрытых недостатков. Время платежа должно совпадать с моментом передачи — приемки товара или товарораспорядительных документов (ст. 1651 ФГК). При этом продавец получает право требовать оплаты переданной вещи, удерживать вещь до получения платежа. Если товар не был принят в срок, то договор аннулируется, а продавец может требовать возмещения убытков и иных потерь. Если вещь продавалась в кредит, то продавец может «остановить товар в пути» если покупатель объявлен не платежеспособным (ст. 1613 ФГК).

Покупатель должен принять и оплатить приобретенную вещь. При том он может потребовать возмещения убытков, связанных с договором купли-продажи, требовать его исполнения в натуре, безвозмездно устранить недостатки вещи, заменить вещь на аналогичную, если он приобрел вещь ненадлежащего качества и сопутствующие этому убытки, уменьшить стоимость приобретенной вещи, а также расторгнуть договор купли-продажи [4, с. 59].

Следует отметить, что французское законодательство во многом схоже с российским. Подобные права покупателя в российском законодательстве прописаны в законодательстве о защите прав потребителей.

В Германии предметом купли-продажи, как и в иных странах, является передача вещи (товара) и права собственности на нее. В немецком праве купля-продажа

может иметь как письменную, так и устную форму в зависимости от того, какой товар является его предметом и от суммы сделки.

Сторонами договора являются продавец и покупатель.

Существенными условиями договора является объект договора и цена. Законы не содержат положений о соответствии цены стоимости вещи, возможно признание договора недействующим при явной несоразмерных взаимных обстоятельств (ст. 139 ГГУ); товар должен иметь среднее качество § 243 ГГУ, если иное не предусмотрено договором [3].

Продавец обязан передать вещь в надлежащем месте; в надлежащий срок (предусмотренный в договоре); если срок не установлен в договоре, он определяется общими нормами, регулирующие исполнение обязательств — покупатель вправе потребовать, а продавец предложить немедленное исполнение (§ 271 ГГУ); в надлежащем количестве; надлежащего качества — продавец отвечает за качество товара, если даже не знал о существовании недостатка (§ 459 ГГК); нести по передаче вещи (стоимость возмещения, подсчета упаковки, маркировки, таможенные сборы и др.); принять вещь (товар) расходы по принятию товара несет покупатель (§ 448 ГГУ). Продавец имеет право требовать принятие вещи (товара); оплаты вещи (товара).

Покупатель обязан: оплатить покупную цену; время и место оплаты законодательство устанавливает местом оплаты является место нахождения продавца § 270 ГГУ, Венская конвенция ст. 57; покупатель обязан совершить за свой счет действия, необходимые для платежа, товар должен быть уплачен полностью, если иная возможность не предусмотрена договором. Покупатель имеет право требовать уменьшить цену товара (§ 462 ГГУ); устранить безвозмездно недостатки вещи; заменить вещь товаром надлежащего качества (§ 480 ГГУ); расторгнуть договор купли-продажи и взыскать убытки. [5, с. 80]

Российское законодательство в исследуемой сфере схоже с законодательством Франции и Германии в части определения прав и обязанностей сторон договора, его предмета, существенных условий. Представляется, что для российских условий полезным был бы опыт США, где правовое регулирование договора купли-продажи более свободно, гибко. Кроме того, использование судебных прецедентов как источника правового регулирования позволяет учесть те ситуации, которые возникают на практике и которые не урегулированы законодательством, поскольку предусмотреть в законе все возможные ситуации невозможно.

Литература:

1. Единообразный торговый кодекс США — Uniform Commercial Code (UCC) // <https://miripravo.ru/gallery/fl-us1-uniform-commercial-code.pdf>
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011). — М.: Инфотропик Медиа, 2012. с. 4-592.

3. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. — 4-е изд., перераб. — Москва, 2015. С. VIII-XIX, 1-715.
4. Корякин, В. М. Гражданское и торговое право зарубежных стран в схемах и таблицах. Учебное пособие. — Москва, 2020. — 112 с.
5. Матвеева, Н. В. Сравнительная характеристика договора купли-продажи в праве разных стран // Право и современные государства. 2012. № 2.
6. Соловьева, С. В., Гайдаенко-Шер Н. И., Грачев Д. О. Договоры в гражданском праве зарубежных стран. — Москва, 2021. — 336 с.

Понятие нетипичного работодателя: трудовой и гражданско-правовой аспект

Гурская Анна Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор пытается изучить понятие нетипичного работодателя в двух аспектах.

Ключевые слова: нетипичные работодатели, работодатель, трудовое право, религиозные организации.

Современное динамично развивающееся общество оказывает постоянное давление на совершенствование трудовых отношений. Глобальная конкуренция, выход за обычные рамки построения рынка труда, перевод большинства работников на удаленную работу, рост объема рекрутинговых компаний закономерно ведет к появлению новых «игроков» в отношениях работника и работодателя.

Кроме того, позитивные изменения таковых отношений должны развиваться в аспекте развития гибкости связи работник — работодатель. В связи с указанным, все чаще на рынке труда можно встретить отношения, в которых одним из участников трудовых отношений выступает нетипичный работодатель. Таким образом, современное трудовое право разграничивает два типа работодателей: типичные (основное большинство работодателей относится именно к данному типу) и нетипичные.

Понимание нетипичного работодателя весьма сложно из-за отсутствия определенных базовых функций, свойственных «типичному» работодателю, а также в особенностях отношений, возникающих между работником и таким работодателем. Для начала обратимся к определению работодателя, закрепленной в ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) «работодатель — физическое лицо либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. В случаях, предусмотренных федеральными законами, в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры» [3].

Таким образом, типичного работодателя будут характеризовать: традиционная роль в системе отношений работник — работодатель, для выполнения конкретных производственных, экономических, социальных и иных потребностей общества, наличие трудового (в редких случаях — гражданско-правового) договора, возможность

беспрепятственной легализации рабочих отношений в рамках действующего законодательства, а также иные признаки, позволяющие рассматривать его как классическую модель работодателя.

Отметим, что действующий ТК не содержит дефиниции «нетипичный работодатель», но ряд ученых, изучающих вопросы нетипичного работодателя, предлагают свое видение по этому вопросу. Так, например, Н. В. Заключная понимает нетипичного работодателя как субъекта трудового права, обладающего особым трудовым статусом, вытекающим из специфики легализации, цели и направленности трудового процесса, категории и численности работников, вступивших с ним в трудовые отношения, при значительном видоизменении коллективного и индивидуального правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений [1].

Нетипичные работодатели, в свою очередь, представляют собой немногочисленную по составу группу работодателей, их деятельности свойственны отдельные «нехарактерные признаки». Во-первых, в особенности легализации и осуществления трудового процесса — например, деятельность религиозных организаций, в которых построение трудового процесса отталкивается не от потребностей экономики, от заложенных религиозных традиций задолго до попыток нормативного закрепления таких «рабочих отношений». Во-вторых, зачастую просматривается отсутствие системы социального партнерства и профессиональных союзов (опять же, весьма обоснованно ввиду особенностей деятельности таковых организаций). В-третьих, значительная автономия правового регулирования трудовых отношений, включая особый характер организационных и личностных связей. В-четвертых, наличие работников с особой, узкой специализацией, свойственной только для возникающих отношений работник — нетипичный работодатель (уже

упоминавшиеся религиозные организации, а также спортивные организации. Сложно не согласиться, что работники, занятые исключительно в роли священнослужителей или вратаря сборной необходимы только в данных отношениях). В-пятых, малочисленный коллектив работников, возможность построения рабочего процесса с одним-двумя работниками. В-шестых, рассматривая возникновение трудовых отношений в религиозных организациях, можно отметить и нетипичные иерархию построения отношений в коллективе, основанную на религиозных нормах. В-седьмых, неясность положения нетипичного работодателя в трудовых отношениях — например, агентства по найму работников, чей статус определен весьма специфически: по сути, нанимает на работу работника агентство, а выполняет трудовые отношения работник не в агентстве, а в иной организации [2].

Правомерно возникает вопрос в конкретизации отношения того или иного работодателя к «нетипичному» типу. Предлагаем разобраться в указанном вопросе на примере религиозных организаций.

Так, действующий ТК РФ впервые отдельно выделил (глава 54) в качестве работодателя — религиозные организации (конечно же, советское право указано было не свойственно) и определил, что согласно ч. 1 ст. 342 «работодателем является религиозная организация, зарегистрированная в порядке, установленном федеральным законом, и заключившая трудовой договор с работником в письменной форме». Отметим признаки, согласно которым можно говорить о том, что религиозные организации — нетипичный работодатель: специфическая цель их образования и дальнейшего функционирования; нор-

мативная разработка собственных внутренних установлений; отсутствие системы социального партнерства, включая полное исключение деятельности профессиональных союзов либо иных представительных органов работников; особый правовой статус руководителя религиозной организации, являющегося священнослужителем. Разберемся же, как регламентирует правовую природу религиозных организаций действующее гражданское законодательство. Так, согласно п. 10 ч. 3 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) [4] религиозные организации — юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями. Таким образом, гражданское законодательство относит религиозные организации к юридическим лицам. Как следствие — указанное ведет к объему взаимных прав и обязанностей нетипичного работодателя (юридическое лицо — религиозная организация) и работника.

Подводя итог, стоит отметить, что регулирование трудовых отношений, возникающих с нетипичными работодателями, отмечает потребностям заданной конъюнктуре современного совершенствования рабочего процесса. И было неправильным не замечать таких работодателей или пытаться из ограничить только рамками действующего права. Считаем возможным закрепления в ТК РФ отдельной дефиниции нетипичного работодателя, а также закрепить основные признаки таковых работодателей. Полагаем, что указанное нововведение позволит в сложный период, продиктованной мировой пандемией, качественно справиться с кризисными явлениями в экономике, а возможно, и дать старт новым ресурсам трудовых отношений.

Литература:

1. Н. В. Зайцева. Нетипичные трудовые отношения: видоизменение классических признаков// Вестник Брянского государственного университета. 2015 № 29.
2. О. Б. Зайцева, Ю. Г. Тулупова Нетипичные работодатели в Российской Федерации: правовая природа и перспективы развития. Монография. Изд. Проспект. 2016. 140 с.
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/faedf3a7c3cd35871542ce0c323e898871ca1753/(дата обращения 05.11.2020)
4. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/3a585d0351c74adc4c9878b6019d704cdd9d3699/ — дата обращения 05.11.2020

Обеспечение прав человека посредством деятельности ГИБДД МВД России

Девяткова Анна Леонидовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: права человека, безопасность дорожного движения, государственные функции.

Обеспечение прав человека при осуществлении государственной функции по обеспечению безопасности дорожного движения данный вопрос актуален прак-

тически для каждого человека. Ведь в наши дни, трудно представить жизнь без участия в дорожном движении. Практически в каждом населенном уголке мира суще-

ствуется автотранспортное движение. Миллионы грузов доставляются по автомобильным дорогам, люди перемещаются из одной точки в другую. Автомобили, автобусы, автофургоны — это источники к обеспечению благ человека. Не мыслима работа промышленных предприятий без автотранспортных средств, без них не обходится ни сельскохозяйственное производство, ни торговля, ни медицина, ни иные виды обслуживания. Перемещаясь на отдых, на работу или на учебу, человек невольно становится участником дорожного движения, будь то пешеход, водитель или пассажир транспортного средства. Так автомобилизация является важнейшей составляющей социального общества, способствует развитию экономики, культуры и других сфер жизни.

Каждый человек, участвуя в дорожном движении, прежде всего рассчитывает на гарантированное Конституцией Российской Федерации, а также международными правовыми актами, право безопасно перемещаться, без угрозы для жизни и свободы передвижения, на правоохранную функцию со стороны уполномоченных государственных органов, а в случае утраты, на защиту своих прав.

Вторая статья Конституции Российской Федерации (далее Конституция РФ) провозглашает высшей ценностью человека его права и свободы и возлагает на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите. Основной государственный Закон (ст. 7) утверждает, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Конституцией (ст. 8) гарантировано свободное перемещение товаров и услуг, защищаются разные формы собственности, закрепляет (ст. 20) право каждого на жизнь и право каждого (ст. 27) на свободу передвижения. Российской Федерацией признается провозглашенные Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. (ст. 3) право на жизнь и (ст. 13) право свободно передвигаться.

Государственные функции в области обеспечения безопасности дорожного движения возложены на органы Министерства внутренних дел, в которых выделено структурное подразделение Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее ГИБДД) или как принято называть Госавтоинспекции. Помимо прямого предназначения, которое выражается в предупреждении дорожно-транспортных происшествий, с целью недопущения гибели и травматизма на дорогах, сотрудники ГИБДД, при выполнении государственных функций, обязаны обеспечивать права человека, обеспечивая его право на безопасность.

Соглашусь с И. П. Климовым, который под понятием права человека, понимает: «неотъемлемую, установленную законом возможность осуществлять активное или пассивное действие, направленное на реализацию его интересов» [Климов, с. 7]. Применительно рассматриваемого вопроса, рассматривается обеспечение органами ГИБДД права человека на его безопасное движение.

Нормативную основу на которую опирается вся деятельность Госавтоинспекции составляет: Конституция РФ, общепризнанные акты международного права: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав и основных свобод 1950 г., Венская Конвенция «О безопасности дорожного движения» 1962 г., федеральные законы № 196 — ФЗ от 10.12.1995 г. «О безопасности дорожного движения», № 342 — ФЗ от «О службе в органах внутренних дел РФ», ФЗ № 3 от «О полиции», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и другие законы и постановления правительства, указы президента, приказы и распоряжения МВД РФ, а также акты толкования права высших судебных органов Российской Федерации.

Гуманизм, уважение прав и свобод человека — это принципы, на которых должна строиться деятельность Госавтоинспекции в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. N 711. Данный Указ утверждает правовое положение подразделения, устанавливает основные контрольно-надзорные функции, которые осуществляют сотрудники ГИБДД для обеспечения прав человека на безопасное движение. Таким образом, деятельность, направленная на обеспечение безопасности дорожного движения, это государственная функция, направленная на соблюдение и защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина на жизнь, на охрану здоровья и законных интересов.

Служащие Госавтоинспекции, относятся к органам исполнительной власти, их законные решения, требования и указания, в рамках их компетенции, обязательны как для граждан, так и для должностных лиц, а также для юридических лиц, независимо от формы собственности и иных организаций.

Федеральный закон № 196 указывает о праве граждан на безопасные условия движения по дорогам Российской Федерации, которые гарантируются государством и обеспечиваются путем выполнения законодательства России и международных договоров Российской Федерации. При этом участники дорожного движения имеют право на свободу и беспрепятственное передвижение по дорогам, получать и владеть верной информацией по дорожным условиям, при этом знать о причинах установления ограничения или запрещения движения по дорогам. Кроме того, каждый человек, участвующий в дорожном движении, может рассчитывать на оказание бесплатной медицинской помощи, на спасательные работы и любой иной экстренной помощи в случае дорожно-транспортного происшествия. Статья 30 ФЗ № 196 посвящена контролю и надзору в части безопасности, которые осуществляет служба ГИБДД. Контрольная деятельность подразделения тесно связана с различными ведомствами, организациями, имеющими направление обеспечения безопасности на автодорогах. А поэтому принципы данной деятельности носят комплексный, и в большинстве случаев и собирательный характер.

В ходе осуществления должностных полномочий сотрудники Госавтоинспекции, применяют меры административного воздействия, в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Административное законодательство служит правовой основой построения и функционирования исполнительной ветви власти. Нормы, содержащиеся в Кодексе, закрепляют права и обязанности граждан и юридических лиц в отношениях с органами исполнительной власти. Сотрудники ГИБДД при осуществлении контрольных и надзорных функций применяют меры административного воздействия, защищая личность, охраняя права и свободы человека, общественный порядок и общественную безопасность, при этом защищая законные интересы физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, которые потенциально могут нести угрозу безопасности.

Законность и объективность — эти принципы лежат в основе задач производства по делам об административных правонарушениях. В соответствии со ст. 24.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, заключаются во всестороннем, полном, объективном и своевременном выяснении обстоятельств каждого дела, в также разрешения его в соответствии с законом. Кроме того, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, это все те условия, которые должны выполняться в соответствии с применяемым Кодексом. Должностные лица Госавтоинспекции, в целях пресечения выявленного административного правонарушения, установления личности, составления протокола, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела, вправе применять следующие меры обеспечения производства такие как: доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей,

досмотр транспортного средства, изъятие вещей и документов, освидетельствовать на состояние алкогольного опьянения, направлять на медицинское освидетельствование, задерживать транспортное средство и осуществлять привод.

Важно отметить, что при выполнении функций Госавтоинспекцией, на любой стадии производства по делу об административном правонарушении, лица участвующие в производстве, должны быть ознакомлены с предоставляемыми правами, которые предусмотрены главой 25 Административного Кодекса. Так должностным лицом, при возбуждении дела разъясняются права лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Об ознакомлении с правами ставится подпись в административном протоколе, в случае отказа в подписи, права разъясняются с помощью фиксации на видеозаписывающее устройство, либо в присутствии понятых. Разъяснение прав нередко становится причиной судебных решений, которые отменяют решения, принятые сотрудниками Госавтоинспекции. Помимо этого, сотрудник осуществляющий производство по делу об административном правонарушении обязан разъяснить о праве заинтересованного лица, на обжалование принятого решения.

В цепочке исполнения административного законодательства условно можно выделить следующие элементы:

- 1) сотрудник, который осуществляет надзор и выявляет нарушение
- 2) сам нарушитель
- 3) общественный порядок, на который посягает нарушитель и еще один элемент — это условный потерпевший, лицо которому создается непосредственная угроза на дороге.

Таким образом, пресечение любого нарушения сотрудником ГИБДД — это обеспечение права других участников на безопасность и свободу передвижения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями и дополнениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 196 — ФЗ «О безопасности дорожного движения». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. От 01.07.2021, с изм. От 09.11.2021) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.10.2021) Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс.
4. Указа Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. N 711 (ред. От 19.02.2021 г) «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» (вместе с положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации). Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс
5. Климов, И. П. Права и свободы граждан в российских конституциях: Учеб. пособие. Тюмень: Издательский дом «Слово». 2021. 60 с. [Климов]

Добровольный отказ от преступления: признаки и их характеристика

Жернова Анастасия Валерьевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье определяются признаки добровольного отказа от преступления и дается анализ данных признаков.

Ключевые слова: неоконченное преступление, добровольный отказ от преступления, покушение на преступление, приготовление к преступлению.

Уголовный закон предусматривает, что к лицам, которые преступили уголовный закон, но после этого по собственной воле отказались от продолжения дальнейших действий по его совершению, может применяться институт добровольного отказа от доведения преступления до конца. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

Добровольный отказ по своей юридической природе представляет собой единый поступок и не является суммой приготовления, покушения и отказа, несмотря на то что норма о нем содержится в гл. 6 УК РФ «Неоконченное преступление» [1].

Более того, употребление при определении добровольного отказа понятия «приготовление к преступлению» противоречит нормам ч. 2 ст. 29 и ч. 1 ст. 30 УК РФ, поскольку существенным признаком приготовления к преступлению выступает прерванность преступного деяния по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, следовательно, при наличии приготовления к преступлению возможность добровольного отказа от преступления исключена [2].

В научной литературе, несмотря на существование легального определения добровольного отказа, авторы формулируют понятие в широком и узком значении. Кроме этого, не сложилось единого мнения о признаках добровольного отказа от преступления. Нет единого подхода к установлению количества и содержания данных признаков.

Наиболее часто встречающейся точкой зрения является выделение двух основных признаков добровольного отказа от совершения преступления: добровольность и окончательность. Данные признаки закрепляются в ч. 2 ст. 31 УК РФ. Ряд ученых условно для более подробного изучения и удобства применения на практике добровольного отказа от преступления выделяют субъективные и объективные признаки. В юридической литературе высказываются также и другие мнения относительно признаков добровольного отказа от преступления. К примеру, А.И. Ситникова, Г.В. Назаренко в своих работах отмечают, что «добровольный отказ от преступления характе-

ризуется такими признаками, как добровольность, своевременность и окончательность» [3, 4].

На наш взгляд, добровольный отказ от преступления обладает следующим рядом признаков:

1. Лицо прекращает действия (акт бездействия), направленные на достижение преступного результата;
2. Деяния, направленные на достижение преступного результата, носят добровольный характер;
3. Лицо осознает реальную возможность доведения преступления до конца;
4. Окончателность отказа от преступления;
5. Полный отказ от преступления.

Первый из признаков — **лицо прекращает действия (акт бездействия), направленные на достижения преступного результата**. Факт прекращения преступного деяния, означает недоведение преступления до конца. Добровольный отказ возможен тогда, когда лицо уже произвело определенные изменения во внешнем мире, направленные на осуществление преступления, но изменяет свои преступные намерения и прекращает посягательство.

Поэтому добровольный отказ исключается, если преступление совершено. После окончания преступления действия, которые предпринимаются лицом, будут образовывать деятельное раскаяние. Деятельное раскаяние не исключает уголовной ответственности, а лишь является смягчающим обстоятельством.

Так, Таова Н.Н. была осуждена по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В кассационной жалобе осужденная просила изменить приговор, указывая на то, что взяла кошелек у потерпевшей, но из него ничего не похищала, когда потерпевшая велела остановиться, она сразу бросила кошелек, отказавшись от преступления. Ссылается на показания свидетеля и потерпевшей, согласно которым свидетель нашёл кошелек и принёс его потерпевшей, которая, проверив содержимое, пропажи не обнаружила.

Судебная коллегия по уголовным делам Седьмого кассационного суда РФ оставила кассационную жалобу осуждённой Таовой Н.Н., апелляционное определение без удовлетворения. Как следует из установленных судом фактических обстоятельств дела, осуждённой были совершены все действия, входящие в объективную сторону тайного хищения. Таким образом, Таовой Н.Н. было совершено окончательное преступление, потому то обстоятельство, что осуждённая выбросила кошелек после того, как его похитила, на что обращено внимание в жалобе,

свидетельствует о распоряжении похищенным, а не о добровольном отказе [5].

Следующим и немаловажным является признак **добровольности**. Лицо по собственной воле, без какого-либо принуждения (психического или физического) отказывается от доведения преступления до конца. Мотивами могут выступать различные факты (жалость к потерпевшему, страх наказания, раскаяние).

«Добровольность трактуется, в контексте статьи 31 УК РФ, как чистота намерений субъекта, не подвержены воздействию внешних факторов, вследствие чего стремление лица прекратить преступное поведение реализуется» [6].

Так же одним из признаков добровольного отказа от преступления является **осознание лицом реальной возможности доведения преступления до конца**. Таким образом, лицо, желающее совершить преступление, осознает действительную возможность завершить преступление, он понимает и признает, что ему ничего не мешает идти до конца и исполнить задуманное. Лицо понимает, что это происходит именно благодаря его воле и прекращение преступной деятельности «характеризуется наличием у лица твердой уверенности в необходимости самому добровольно отказаться от своего замысла» [7].

Наглядным примером будет следующее решение суда. Гашков П. А. был привлечен к ответственности по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228 УК РФ. В кассационной жалобе он указывает, что 18 ноября 2019 года он намеревался приобрести наркотическое средство для личного потребления в значительном размере, но после того, как был остановлен сотрудниками полиции добровольно отказался от дальнейшего совершения данного преступления и добровольно передал им свой телефон с информацией о местоположении тайника с наркотическим средством, хотя мог бы ответить, что просто гуляет. Суд мог квалифицировать его действия и по ст. 31 УК РФ как добровольный отказ от преступления. В дополнении к кассационной жалобе указывает, что все признаки добровольного отказа от преступления в его действиях имеются, в деле есть расписка с добровольным согласием на осмотр телефона. Он осознавал возможность доведения преступления до конца и тот факт, что он был задержан сотрудниками наркоконтроля, не являлся для него непреодолимым препятствием, поскольку он мог сломать или испортить телефон.

Судебная коллегия оставила приговор без изменения, Гашков П. А. не довел до конца свои действия по приобретению наркотического средства вынужденно, так как был задержан сотрудниками полиции, а все последующие действия лишь способствовали раскрытию и расследованию преступления и обоснованно были признаны судом первой инстанции смягчающим наказание обстоятельством [8].

«Если субъект считал, что он может довести преступление до конца, хотя в действительности такая возможность отсутствовала, о чем ему не было известно, данный отказ надлежит признавать добровольным» [9].

Возможность окончить совершение преступления связана с отсутствием непреодолимых обстоятельств, которые препятствуют продолжению преступления. Именно это отличает добровольный отказ от неоконченного преступления. «Установление реальной возможности доведения преступления до конца позволяет дать оценку о вынужденности или добровольности отказа от преступления» [10].

Окончателность отказа от преступления означает действительное прекращение преступного намерения. Виновный отказывается от совершения преступления навсегда, а не временно, с целью дождаться удобного времени или условий, позволяющих продолжить преступление. К примеру, преступник, желающий вскрыть дверь и совершить кражу из квартиры, прекращает преступную деятельность с целью найти инструмент для отпирания дверей (добровольного отказа от преступления не будет при временном прекращении преступных действий).

В случае, когда с первой попытки не удалось совершить преступление и лицо отказалось от повторного совершения данного преступного действия, не будет добровольного отказа от преступления. В этом и заключается такой признак как **полный отказ от преступления**, лицо полностью отказывается от выполнения состава преступления, а не от повторения действий. Многие авторы не выделяют данный признак в качестве самостоятельного. Но он имеет большое значение.

К примеру, преступник пытался убить соседа на лестнице ударом топора по голове, но сосед успел отвернуться, и удар пришелся по плечу. После неудавшейся попытки совершить убийство, преступник бросил топор и ушел. В данном случае, виновный будет отвечать за покушение на преступление. Добровольный отказ в данном случае мог возникнуть, если бы преступник, подняв топор над головой жертвы, передумал и вместо удара по голове, бросил бы топор сторону. Отказ от нанесения повторного удара в данном случае не указывает на добровольный отказ.

В заключение необходимо отметить, что определение признаков добровольного отказа от преступления хотя и является достаточно изученным вопросом, все же имеет значительный интерес для науки.

В каждом конкретном случае необходимо выяснять причины, по которым преступление не было доведено до конца. «Не может быть признан добровольным отказ, который вызван невозможностью дальнейшего продолжения преступных действий вследствие причин, которые возникли помимо воли виновного» [11].

Для признания добровольного отказа необходимо установить наличие у лица решения по собственной воле прекратить преступную деятельность, лицо должно прекратить деяния, направленные на достижение преступного результата окончательно и полно и при этом осознавать реальную возможность доведения преступления до конца.

Установление данных признаков связано с полным исследованием всех обстоятельств содеянного. Лишь установив все данные по делу, установив психологические причины отказа от доведения преступления до конца

можно сделать вывод, что лицо не подлежит привлечению к уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от преступления.

Литература:

1. Сверчков, В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства // Уголовное право. — 2001. — № 2. — с. 28-31.
2. Дронова, Т.Н. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта — 2011. — № 9. — с. 123-130.
3. Ситникова, А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление: монография/А.И. Ситникова. — Москва: Ось-89, 2005. — 159 с.
4. Назаренко, Г.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. — Москва: Ось-89, 2005. — 256 с.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам седьмого кассационного суда общей юрисдикции РФ от 12.11.2020 по делу № 7У-11207/2020 // URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/573475783>.
6. Камышев, А.И. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 8 (188). — с. 117-119.
7. Шамина, М.А. Признаки добровольного отказа от совершения преступления // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2011. — № 10. — с. 203-207.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам шестого кассационного суда общей юрисдикции РФ от 14.10.2020 по делу № 7У-14159/2020 // URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/566293843>.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник/под ред. В.Н. Петрашева. — М.: «Издательство ПРИОР», 1999. — 544 с.
10. Борисова, В.Г., Шульга А.В. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Скиф. Вопросы студенческой науки — 2019. — № 4 (32). — с. 50-54.
11. Возгрин, Е.В., Казакова С. М, Середенко А.В. Добровольный отказ от преступления // Перспективы развития институтов права и государства. — 2019. — № 4. — с. 252-254.

Правовое регулирование обращения взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина в зарубежном законодательстве

Жукова Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье выявлена специфика правового регулирования института имущественного иммунитета на единственное жилое помещение должника-гражданина в зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: имущественный иммунитет, единственное жилое помещение, должник-гражданин, зарубежное законодательство.

Ставший уже традиционным конфликт конституционных ценностей, затрагивающих право частной собственности и его судебную защиту, с одной стороны, и право человека на достойные условия жизни — с другой, во многом решается путем установления имущественного иммунитета на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение или его часть.

Вполне закономерно, что институт имущественного иммунитета на единственное жилье имеет весьма богатое и разнообразное регулирование в правовых системах зарубежных стран [8, с. 7].

Каждая правовая система обладает определенными специфическими чертами. Указанное обстоятельство обуславливает тот факт, что зарубежные законодатели, стремясь найти справедливый баланс между соответствующими конституционными ценностями, по-разному подходят к решению вопроса о модели правового регулирования имущественного иммунитета на единственное жилье.

Анализ зарубежного законодательства и практики его применения позволяет обозначить по крайней мере четыре модели правового регулирования в рассматриваемой области, каждая из которых отражает представление законодателя о справедливом балансе имущественных

интересов кредиторов и личных прав должника, адекватном конкретно-историческим условиям развития государства [9, с. 10].

Первая модель правового регулирования института имущественного иммунитета характерна для законодательства ряда стран бывшего СССР, в которых по аналогии с российским законодательством установлен имущественный иммунитет на единственное жилье должника-гражданина.

Так, в приложении № 1 к Закону Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» от 24 октября 2016 г. № 439-З утвержден перечень имущества граждан, обращение взыскания на которое недопустимо. К такому имуществу, в частности, отнесены жилой дом с хозяйственными постройками или отдельные его части либо квартира или отдельные ее части, если должник и его семья постоянно в них проживают.

Единственным исключением из правила о недопустимости обращения взыскания на указанное имущество является случай, когда взыскивается задолженность по кредиту, предоставленному банком на строительство дома или квартиры, а также реконструкцию или приобретение жилого дома (квартиры), либо когда жилой дом или квартира обременены ипотекой при условии неисполнения должником обеспеченного ипотекой обязательства [1, с. 132].

Интересен тот факт, что законодатель при конструировании данной нормы фактически опустил упоминание о том, что жилой дом или квартира, на которые не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, должны являться не просто постоянным местом проживания должника и членов его семьи, но и единственным.

При буквальном толковании положений указанной нормы Закона об исполнительном производстве может сложиться ошибочное представление о том, что должник может сохранить за собой право на жилье, в котором он постоянно проживает, вне зависимости от того, сколькими квартирами или домами он еще владеет.

Статья 124 Закона Туркменистана от 8 ноября 2014 года № 135-V «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» содержит положение о недопустимости обращения взыскания по исполнительным документам на единственное жилой дом, квартиру (отдельные ее части), в которых должник и его семья постоянно проживают.

Формулировка указанной статьи позволяет сделать вывод о том, что законодатель особо подчеркивает статус жилого помещения как единственного пригодного для постоянного проживания должника, в отличие от законодателя Республики Беларусь [2, с. 34].

В целом, нельзя не отметить достаточно высокую степень схожести в формулировании законодателями ряда стран бывшего Советского Союза положений об имущественном иммунитете, что обусловлено общностью правовых систем этих государств.

Особенностью второй модели института имущественного иммунитета является практически полное отсутствие законодательного регулирования обращения взыскания на единственное жилое помещение должника [10, с. 33].

Указанная модель правового регулирования характерна для законодательства Испании, Франции, Великобритании, а также стран Прибалтики, включая Эстонию и Латвию.

Представляется весьма интересным тот факт, что законодательные акты Республики Казахстан и Украины, несмотря на их схожесть с российскими правовыми актами, не содержат норм, прямо исключающих возможность обращения взыскания на недвижимое имущество, которое является единственным жильем для должника и членов его семьи и не выступает в качестве предмета ипотеки.

Так, в статье 48 Закона Украины «Об исполнительном производстве» от 2 июня 2016 года установлено ограничение обращения взыскания на единственное жилье должника и земельный участок, на котором расположено такое жилье лишь в случае, если сумма по исполнительному документу не превышает 20 минимальных размеров заработной платы [3, с. 56].

Для третьей модели правового регулирования института имущественного иммунитета характерно установление возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника, но с условием предоставления ему взамен изъятого иного жилого помещения или же сохранения за должником права пользования жилым помещением. Такая модель характерна для Германии, Австрии, Бельгии и Лихтенштейна.

В законодательстве Федеративной Республики Германия не содержится такого понятия как «единственное пригодное для проживания жилое помещение», однако Гражданское процессуальное уложение допускает возможность обращения взыскания на любое недвижимое имущество должника.

При этом суд может предоставить должнику разумный срок для освобождения помещения, который в целом не должен превышать одного года. Суд также может полностью или в части отменить, запретить или приостановить меры принудительного исполнения, если они, даже исходя из потребности кредиторов, в силу особых обстоятельств означают затруднение, несовместимое с добрыми нравами (§ 721 и 765a Гражданского процессуального уложения Германии) [4, с. 234].

Для четвертой модели института имущественного иммунитета характерна возможность обращения взыскания на часть единственного жилого помещения должника, но лишь при условии, что она может быть выделена в натуре или в стоимостном выражении. Такая модель правового регулирования характерна для Болгарии, Узбекистана, США и Канады.

Так, статья 444 Гражданского процессуального кодекса Болгарии относит к числу «не изымаемых вещей» жилище при условии, что ни сам должник, ни проживающие со-

вместно с ним члены семьи не обеспечены каким-либо иным жильем.

При этом указанная статья содержит оговорку о том, что при превышении норм минимального обеспечения жильем должника и членов его семьи, определенных постановлением Совета Министров, часть жилого помещения, превышающая указанные нормы, при возможности его раздела подлежит продаже [5, с. 120].

Закон Республики Узбекистан от 29 августа 2001 г. № 258-II «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» допускает обращение взыскания на единственный жилой дом (квартиру) должника только в случае, если суд сочтет возможным раздел жилого дома (квартиры) в натуре. Выделяемая должнику и членам его семьи часть дома или квартиры должна быть достаточной для обеспечения нормальных условий жизни указанных лиц [6, с. 34].

Консолидированные законы штата Нью-Йорк содержат положение о запрете обращения взыскания на един-

ственное жилое помещение должника и совместно проживающих с ним лиц в случае, если его стоимость не превышает определенный размер (homestead exemption) [7, с. 135].

Схожим образом урегулирован вопрос обращения взыскания на жилье и в провинции Онтарио в Канаде, где существует законодательный запрет изъятия единственного жилого помещения должника, если его стоимость не превышает определенный размер (статья 2 Акта об исполнении) [9, с. 436].

Краткий обзор моделей правового регулирования рассматриваемого института позволяет сделать вывод о том, что даже в законодательстве стран со схожими правовыми системами могут найти свое отражение во многом противоположные концептуальные подходы к определению роли имущественного иммунитета на единственное жилое помещение должника — от признания его абсолютным и не подлежащим ограничению до установления вполне конкретных пределов его действия.

Литература:

1. Об исполнительном производстве: Закон Республики Беларусь от 24.10.2016 г. № 439-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2016. № 2/2437.
2. Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей: Закон Туркменистана от 8.11.2014 г. № 135-V // Нейтральный Туркменистан. 2014. № 331-333.
3. Про виконавче провадження: Закон України від 02.06.2016 г. № 1404-VIII // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2016. № 30. Ст. 542.
4. Гражданское процессуальное уложение Германии от 30 января 1877 г., ред. от 5 декабря 2005 г. (с изм. и доп. от 18.07.2017 г.) Zivilprozessordnung vom 30. Januar 1877, in der Fassung der Bekanntmachung vom 5. Dezember 2005 // BGBl. I S. 3202.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Болгария от 20.07.2007 г. // «Държавен вестник» № 59 от 20.07.2007 г.
6. Об исполнении судебных актов и актов иных органов: Закон Республики Узбекистан от 29.08.2001 г. № 258-II // Собрание законодательства Республики Узбекистан. № 21 (33). 2001. Ст. 145.
7. Consolidated Laws of New York Section 5205 — Personal property exempt from application to the satisfaction of money judgments // URL: <https://casetext.com/statute/consolidated-laws-of-new-york>.
8. Бондарь, Н. С. Обращение взыскания по исполнительным документам на единственное жилое помещение в современном международном и зарубежном праве и судебной практике конституционного контроля // Зарубежная практика конституционного контроля. 2012. Вып. 189. с. 7-9.
9. Нахова, Е. А., Волков Д. В. Проблемы имущественных (исполнительских) иммунитетов в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения и земельного участка // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2 (60). с. 162-175.
10. Стадник, А. Имущественный иммунитет должника // Жилищное право. 2012. № 8. с. 31-37.

Порядок утверждения положения о реализации имущества должника

Задирако Мария Александровна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Пушкарев Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент
 Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье акцентируется внимание на проблемных аспектах, связанных с утверждением положения о реализации имущества и проведения оценки имущества должника финансовым управляющим. Допущенные финансовым управляющим в ходе проведения оценки имущества должника существенные ошибки, как, связанные с проведением оценки, так и с подготовкой и оформлением письменного отчета, приводят к отказам арбитражных судов в удовлетворении ходатайств об утверждении положения о реализации имущества должника. С учетом выявленных проблем, автором сформулированы рекомендации и предложения по их разрешению.

Ключевые слова: должник, имущество, кредитор, оценка, положение, реализация, суд, финансовый управляющий.

Assessment and approval of the regulations on the sale of property

The article reveals the procedure for evaluating and approving the regulations on the sale of the debtor's property in bankruptcy cases. The author focuses on the problematic aspects of the legislative regulation of the assessment of the debtor's property by the financial manager. The significant errors made by the financial manager during the assessment of the debtor's property, both related to the assessment and the preparation and execution of a written report, lead to the refusal of arbitration courts to satisfy petitions for approval of the regulations on the sale of the debtor's property. Taking into account the identified problems, the author formulated recommendations and suggestions for their resolution.

Keywords: debtor, property, creditor, valuation, position, sale, court, financial manager.

Реализация имущества должника является, пожалуй, основным мероприятием в ходе процедуры банкротства, поскольку денежные средства, вырученные от продажи имущества, включаются в состав конкурсной массы должника и после погашения текущих расходов направляются на погашение задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, особенно важным является наиболее правильное определение начальной стоимости продажи имущества и порядка его продажи.

В отношении банкротства юридических лиц Федеральным Законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее Закон о банкротстве) предусмотрено утверждение Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника собранием кредиторов. Если с момента предоставления конкурсным кредитором Положения о реализации имущества собрание кредиторов в течение двух месяцев не утвердит данный документ, то конкурсный кредитор вправе обратиться в арбитражный суд с ходатайством об его утверждении. Кроме конкурсного управляющего с таким ходатайством в суд могут также обратиться конкурсный кредитор и (или) уполномоченный орган [2].

Определенной особенностью отличается утверждение Положения о реализации имущества должника в процедуре банкротства граждан. Специфика заключается в том, что Положение о реализации имущества должника — физического лица может быть утверждено только в судебном порядке (ст. 213.26 Закона о банкротстве). При этом, данный документ должен содержать в себе начальную

цену продажи имущества должника. Арбитражный суд при рассмотрении такого ходатайства осуществляет проверку Положения о реализации имущества должника на соответствие требованиям действующего законодательства РФ. Также арбитражный суд проверяет соответствие положений данного документа правам и законным интересам должника и конкурсных кредиторов [1].

Несмотря на достаточно полную и детальную законодательную регламентацию порядка утверждения Положения о реализации имущества должника в нормах действующего Закона о банкротстве, тем не менее, на практике возникают некоторые проблемы в исследуемой сфере.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на сложности оценки имущества должника для последующей его реализации.

Законодатель в ч. 2 ст. 213.26 Закона о банкротстве отмечает, что оценка имущества должника финансовым управляющим производится самостоятельно. Результаты проведенной оценки оформляются в письменном виде. При этом, как гражданин-должник, так и кредиторы, уполномоченные органы вправе в судебном порядке обжаловать результаты, проведенной финансовым управляющим оценки имущества должника.

Наделение финансового управляющего обязанностью по осуществлению оценки имущества должника, прежде всего, связано с тем, что он проходит обязательное профессиональное обучение, соответственно, финансовый управляющий является компетентным лицом в проведении оценки имущества должника. При этом, как сви-

детельствует анализ материалов правоприменительной практики, в некоторых случаях финансовые управляющие ходатайствуют перед судом о привлечении эксперта для проведения оценки имущества [4]. Объективная необходимость в привлечении независимых экспертов возникает, например, при необходимости проведения оценки части бизнеса должника, акций или доли участия должника в коммерческих организациях. Законодатель в п. 6 ст. 213.9 Закона о банкротстве предоставляет финансовому управляющему право ходатайствовать перед судом о привлечении оценщика. Оплата услуг оценщика осуществляется за счет должника. Однако, если в одних случаях привлечение независимого оценщика является необходимостью (как в ранее отмеченном нами случае, при котором знаний финансового управляющего недостаточно для проведения оценки стоимости доли участия в коммерческих организациях), то в других случаях финансовые управляющие безосновательно ходатайствуют перед арбитражным судом о приглашении независимого эксперта, что приводит к принятию судом решения об отказе в удовлетворении данного ходатайства. Так, если арбитражным судом будет установлено, что проведение оценки имущества должника не представляет особой сложности и финансовый управляющий обладает необходимыми специальными знаниями по проведению оценки имущества должника, суд отказывает в удовлетворении ходатайства о привлечении независимого оценщика [5].

Также отметим, что закон не запрещает конкурсным кредиторам привлекать к производству оценки независимого оценщика. Однако, такие случаи на практике являются достаточно редкими. Данную меру реализовать сложно из-за вполне объяснимого нежелания конкурсных кредиторов нести дополнительные расходы по делу о банкротстве гражданина, имеющего долги [Кудинова М. С., 2019:66].

О результатах проведенной оценки имущества должника финансовый управляющий составляет письменный

отчет. На уровне норм Закона о банкротстве не содержится требований к структуре и содержанию данного документа. По результатам анализа материалов правоприменительной практики можно прийти к выводу о том, что суды предъявляют к отчетам финансовых управляющих по оценке имущества должника общие требования федеральных стандартов оценки. При подготовке данных отчетов необходимо также руководствоваться нормами ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ. При этом, как свидетельствует анализ материалов судебной практики, в некоторых случаях суды не утверждают Положение о реализации имущества должника по причине нарушения установленных требований по оценке имущества должника. По результатам анализа материалов правоприменительной практики можно выделить следующие виды нарушений, допускаемых финансовыми управляющими при подготовке Положения о реализации имущества должника: отсутствие исследовательской части в отчете, а также использованных методов оценки [6], отсутствие информации, позволяющей идентифицировать движимое имущество должника, отсутствие информации об аналогах, с которыми финансовым управляющим было проведено сравнение (в том числе, с интернет-сайтов) [7].

По результатам анализа типичных ошибок, допускаемых финансовыми управляющими при подготовке оценочного заключения (письменного отчета), признаем целесообразным дополнить Закон о банкротстве самостоятельной статьей — ст. 213.26.1 «Оценочное заключение финансового управляющего». В рамках данной статьи необходимо предусмотреть требования не только к форме, но и к содержанию отчета финансового управляющего по оценке имущества должника. При установлении структуры оценочного заключения необходимо руководствоваться как федеральными стандартами оценки, так и требованиями ФЗ от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Литература:

1. Агаларян, Р.С. Реализация имущества при банкротстве: проблемы и перспективы/Р.С. Агаларян // Аспирант. 2021. № 4 (61). с. 13-15.
2. Волосников, С.Н. Рыночная стоимость и цена продажи имущества при банкротстве/С.Н. Волосников // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 6 (225). с. 38-42.
3. Кудинова, М.С. Актуальные аспекты процедуры банкротства граждан/М.С. Кудинова // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 1 (208). С 66-73.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 марта 2019 г. № Ф08-1757/2019 по делу № А53-23123/2016. URL: base.garant.ru/40728833 (дата обращения: 17.11.2021)
5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 07 ноября 2018 г. № 08АП-11371/2018 по делу № А46-16345/2017. URL: base.garant.ru/62229393 (дата обращения: 17.11.2021)
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 ноября 2017 г. № 13АП-25342/2017 по делу № А56-83243/2015. URL: sudact.ru/arbitral/doc/ts7kr2UMtsZj (дата обращения: 17.11.2021)
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06 августа 2020 г. по делу № Ф08-5813/20 по делу № А63-4453/2019. URL: base.garant.ru/40784874 (дата обращения: 17.11.2021)

Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент;

Каналиева Дана Урынгалеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются понятия и значение инвестиций и инвестиционной деятельности в Российской Федерации, проводится структурный анализ законодательства данной сферы. Авторами выделяются проблемы и недостатки правового регулирования, а также способы их разрешения.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, Российская Федерация, правовое регулирование, Оренбургская область, Сеульская конвенция.

В настоящее время совершенствование экономики требует периодического и регулярного вливания капитала, а также его рационального использования. Инвестиционная деятельность, как реализация капитала, представляет собой достаточно сложный и последовательный процесс. Она имеет свои особенности и отражает черты предпринимательской и иной экономической деятельности. Поэтому в целях обеспечения единства и последовательности инвестиционного процесса правовое регулирование направлено на создание системы организационно-правовых форм, направленных на защиту инвестиций, а также установление гарантий их безопасности.

Несомненно, исключительное право государства на установление и поддержание надлежащего правового режима является основой для развития инвестиционной деятельности. В частности, А. А. Старшов в своей научной работе отмечает: «Такая способность государства определяется большим количеством правовых механизмов, которые способствуют реализации функций собственника и регулятора» [1]. Кроме того, ряд учёных отмечают, что эффективная реализация данных функций государства определяется рядом определенных факторов, например, уровень экономического развития, политическая стабильность в государстве, ориентация на решение социальных задач, компетенция органов государственной власти в области инвестиционной политики и правовое обеспечение инвестиционной деятельности».

В своей диссертации об иностранных инвестициях А. В. Ведерников указывает, что целью правового воздействия на инвестиционную деятельность, безусловно, должно быть содействие расширению инвестиционных отношений и недопущение отношений с пороком интересов [2]. Здесь можно отметить, что эффективность инвестиционной деятельности напрямую зависит от качественной нормативной базы, регулирующей данные отношения. Анализ российской правовой базы позволяет нам выделить следующие её особенности: ориентация на постоянное совершенствование финансовых рынков, а также стремление к развитию законодательства в данной области на уровне субъектов Российской Федерации.

Эффективность и качество инвестиционного регулирования, по мнению многих учёных, достигается различ-

ными путями. Например, А. М. Хайруллина в своей публикации отмечает, что такими средствами являются: системное использование федерального и регионального законодательства, а также компетенция региональных органов в данной области права [3].

Стоит отметить, что инвестиционная деятельность в России регулируется как общегосударственным законодательством, так и системой специальных нормативных актов на федеральном и ведомственном уровнях. Также в регулировании инвестиционной деятельности с участием иностранного капитала большое место отводится актам международного права. Одним из важнейших международных договоров в области регулирования инвестиционной деятельности является Сеульская конвенция «Об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ)», подписанная в Сеуле в 1985 г. [4]. В документах Сеульской конвенции утверждено понятие иностранного инвестирования, под которым понимается деятельность по вложению капитала в приобретение права участия в предприятии на длительный срок. Причем это предприятие должно вести свою деятельность в стране, не являющейся страной инвестора. Кроме того, механизмы разрешения экономических споров, возникающих в ходе осуществления инвестиционной деятельности, разработаны и действуют на основе Вашингтонской конвенции 1966 г. «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» [5]. В итоге, анализ Вашингтонской и Сеульской конвенций показывает, что оба документа образуют единый механизм защиты иностранных инвестиций и исходят из принципа единого регулирования инвестиционных отношений.

Напротив, если же говорить о российском законодательстве, то к государственным нормативно-правовым актам, регулирующим инвестиционную деятельность, относят Конституцию РФ, Гражданский кодекс РФ, а также целый ряд указов Президента РФ, регулирующих вопросы защиты прав инвесторов на финансовых и фондовых рынках. Кроме того, данную группу законов составляют основополагающие акты, например, ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», ФЗ

«О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» и др.

Анализируя законодательство федерального уровня, важно отметить, что оно охватывает: отношения, связанные с государственными гарантиями прав иностранных инвесторов при осуществлении ими инвестирования на территории Российской Федерации; условия для отечественных и иностранных инвестиций, направленных в поиск, разведку и добычу минерального сырья; особенности такого вида инвестиционной деятельности, как лизинг и т. д. В частности, Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [6] содержит правовые и экономические основы инвестирования, формы и методы государственного регулирования, гарантии прав субъектов, ответственность в сфере инвестиционной деятельности и т. д. В нормах же Федерального закона № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [7] прослеживается необходимость разработки и реализации государственной политики в области иностранных инвестиций.

Необходимо отметить, что управление в области инвестиционного планирования требует внимательного ознакомления с основными положениями Федерального закона № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [8]. Данный закон определяет иерархию документов стратегического планирования для органов власти на всех уровнях. В частности, особым образом инвестиционный сектор экономики определен таким плановым документом, как Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. [9]. Положения Федерального закона № 156 «Об инвестиционных фондах» [10] посвящены вопросам вложения имущества в ценные бумаги и другие объекты. Также закон регулирует деятельность акционерных инвестиционных фондов и обществ по привлечению денежных средств и имущества путем размещения акций.

Анализируя правовое регулирование инвестиционной деятельности в стране, Е. Н. Парфенова отмечает, что его основным недостатком является распределение этой функции между большим количеством административных структур [11]. И связано это с тем, что каждое решение по инвестиционному проекту должно согласовываться с рядом государственных ведомств, что, безусловно, вызывает множество противоречий относительно целостности инвестиционного законодательства Рос-

сийской Федерации. В свою очередь, субъекты РФ самостоятельно принимают собственные нормативные акты по отдельным вопросам инвестиционной деятельности. Например, в Оренбургской области действуют: Закон Оренбургской области от 05.10.2009 г. № 3119/712-IV-ОЗ «Об инвестиционной деятельности на территории на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений» [12], Постановление Правительства Оренбургской области от 04.06.2013 № 428-п «Об утверждении положения о порядке отбора инвестиционных проектов для заключения инвестиционного договора» и др.

Также следует отметить, что регулирование инвестиционной деятельности осуществляется и на муниципальном уровне. В Федеральном законе № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указано, что вопросы инвестиционной деятельности относятся к числу вопросов местного значения [13]. Иначе говоря, население муниципального образования, органы и отдельные должностные лица имеют право принимать свои правовые акты в области инвестиционной деятельности, которые будут иметь силу на территории данного муниципального образования.

В разрешении проблемы «разобщенности» законодательства на всех уровнях, А. М. Хайруллина отмечает: «Для усиления инвестиционной активности и притока иностранных инвестиций в страну в первую очередь необходимо создавать в субъектах РФ нормативную базу подзаконного регионального уровня, а также принимать акты муниципального уровня для обеспечения системного подхода регулирования инвестиционного процесса на территории любого субъекта Российской Федерации». По её мнению, именно такой способ формирования нормативной базы регионального и муниципального уровней будет способствовать не только удовлетворению интересов местного населения, но и привлечению иностранных инвесторов.

Таким образом, правовое регулирование инвестиционной деятельности со стороны государства в Российской Федерации играет особую роль в организации инвестиционного процесса. Важным условием дальнейшего развития правового регулирования в данной сфере и повышения общей привлекательности страны для инвесторов является развитие и совершенствование регионального и муниципального инвестиционного законодательства.

Литература:

1. Старшов, А. А. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2019. — № 2 (февраль). — 0,5 п. л. — URL: <http://e-koncept.ru/2019/194014.htm>. — с. 1.
2. Ведерников, А. В. «Иностранные инвестиции в Российской Федерации. Правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. с. 11.
3. Хайруллина, А. М. Региональное инвестиционное законодательство: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 3 (21). — с. 39-45.

4. Сеульская конвенция «Об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ)» от 11.10.1985 г. (ратифицирована Российской Федерацией 22.12.1992 г.).
5. Вашингтонская конвенция 1965 г. «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» от 18.03.1965 г. // Международное публичное право: сборник документов в 2 т. — Т. 1 — М.: БЕК, 1996.
6. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ.
7. Федеральный закон № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru>.
8. Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период 2025 года».
10. Федеральный закон № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001
11. Парфенова, Е. Н. Регулирование инвестиционных процессов в регионе: проблемы и перспективы // Экономика. Информатика. 2014. № 8-1 (179). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-investitsionnyh-protssosov-v-regione-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 07.11.2021).
12. Закон Оренбургской области от 05.10.2009 № 3119/712-IV-ОЗ «Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений».
13. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ. — URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Целовальникова, И. Ю. Правовое регулирование инвестиционной деятельности. 2013. — 166 с., 2013.
15. Батчиманджи, Н. Г. Правовое закрепление становления и развития иностранных инвестиций в Российской Федерации/Н. Г. Батчиманджи. — Текст: непосредственный // Образование и право. — 2021. — № 2. — с. 204-207.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 48 (390) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 08.12.2021. Дата выхода в свет: 15.12.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.